

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ

**НИКТО
НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО**

**НИКТО
НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО**

Часть 3

**ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА!
ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!**

*Воспоминания жителей Финляндского округа
о войне и блокаде Ленинграда*

Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга муниципальный округ Финляндский округ

Книга «Никто не забыт, ничто не забыто» создана на основе воспоминаний и материалов из личных архивов участников Великой Отечественной войны, блокадников и тружеников тыла, проживающих на территории нашего округа. В книге отражены судьбы людей, живущих с нами по соседству, людей, которых мы можем видеть каждый день. Не все мы знаем, что им пришлось пережить во время великого испытания для нашей Родины — в годы Великой Отечественной войны.

Это издание поможет лучше узнать о людях, порой незаметных и скромных, спасших нашу страну от гибели. К сожалению, с каждым годом их становится все меньше. А ведь только они способны рассказать нам всю правду о войне. Надеемся, эта книга поможет нам сохранить их воспоминания.

© Муниципальное образование Финляндский округ, 2012

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в руках третий том Книги памяти, который называется «Всё для фронта! Всё для победы!», написанный на основе воспоминаний тружеников тыла.

Труженики тыла внесли весомый вклад в победу над фашизмом. Их большая часть — это женщины, старики и дети. Их самоотверженный труд — прекрасный пример для всех нас, особенно для молодежи.

Годы войны стали трудным, тяжелым временем изнурительного труда и ожидания. В те годы отменялись очередные отпуска, стали обязательными сверхурочные работы, на транспорте была введена воинская дисциплина, а в колхозах повышен минимум трудодней. Женщины — самое хрупкое существо на земле — встали на защиту своей Родины, своих детей и их будущего. Им пришлось выполнять непосильную работу. Рядом со старшими братьями и сестрами трудились и самые юные граждане нашей страны — пионеры и школьники. Их посылали туда, где нужна была помощь старшим.

Когда начиналась работа над третьей частью Книги, мы планировали разместить в ней лишь воспоминания о войне тех, кто ковал победу в заводских цехах. Но в течение работы над томом в Местную администрацию муниципального образования обратилось немало ветеранов войны, жителей блокадного Ленинграда, детей войны, пожелавших поделиться своими воспоминаниями о войне, и мы не смогли им отказать. Поэтому третья часть Книги памяти представляет собой уникальный сборник материалов о Великой Отечественной войне, объединенный одной общей идеей — идеей победоносной борьбы с немецкими захватчиками.

Хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто принял участие в создании книги.

Низкий всем поклон, кто спас нашу Родину от фашистов, кто выстоял в самой жестокой войне, кто отдал свои жизни во имя мирного будущего!

*Глава муниципального образования Финляндский округ
Всеволод Беликов*

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СОВЕТ И МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ
ВЫРАЖАЮТ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ
ЗА ПОМОЩЬ В ИЗДАНИИ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ КНИГИ ПАМЯТИ
«ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!»**

**Общественной организации муниципального образования
Финляндский округ «Совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда,
Вооруженных сил и правоохранительных органов»**

Председателю: *Солину Анатолию Анатольевичу.*

**Общественной организации муниципального образования
Финляндский округ «Жители блокадного Ленинграда»**

Председателю: *Куликовой Галине Филипповне.*

**Молодёжному совету
муниципального образования Финляндский округ**

Председателю: *Прокопьеву Сергею.*

Членам совета: *Чистякову Андрею, Карабанову Андрею, Кузьмицкому Ар-
тему, Резвих Серафиме.*

Студентам университетов г. Санкт-Петербурга
*Беликовой Анне (Политехнический университет),
Верхоланцевой Ольге (Электротехнический университет «ЛЭТИ»),
Махловой Ирине (Электротехнический университет «ЛЭТИ»),
Поповой Элине (Гидрометеорологический университет).*

Виктор Федорович АБРАМСОН

Родился я в 1920 году в Петрограде.

Семья наша была большая, из восьми человек. Мать — из крестьян Тверской губернии Калязинского уезда, служила горничной у помещика Истомина. Отец — рабочий-обойщик.

16 октября 1940 года я был призван РККА. Служил в 24-м Отдельном минометном батальоне Западного особого военного округа в учебном пункте и 23 июня мне было присвоено звание замполитрука.

Поздним вечером 21 июня 1941 на лужайке летнего лагеря под Минском проводил беседу с личным составом батальона начальник политуправления артиллерии Западного особого военного округа о международном военном положении Советского Союза и, в частности, о наших отношениях с Германией. Это было за несколько часов до вероломного нападения Германии на Советский Союз. Стояла жаркая погода, и в ночь на 22 июня вместо утренней зарядки — команда «в ружье» и неожиданный выход батальона на стрельбище с проверкой готовности к боевым действиям.

В 12 часов дня старший батальонный комиссар Михаил Сергеевич Сухов объявил составу батальона о нападении фашистской Германии на Советский Союз. В ночь на 23 июня мы совершили ночной переход 40—45 км на зимние квартиры в Заславльский район Минской области. Короткий отдых, построение. Присвоение воинских званий проходящим службу в учебной роте и выход батальона в распо-

ложение 100-й ордена Ленина дивизии, впоследствии ставшей 1-й гвардейской за участие в Ельнинской операции, которой командовал полковник Руссиянов. Короткие боевые действия на Березине под Борисовом и в местечке Крупки (Белоруссия) против 4-й танковой армии генерала Гудериана. Это было в последних числах июня 1941-го.

В начале июля батальон был отозван для пополнения людьми и техникой под Вязьму, и к середине июля включился в боевые действия в Ельнинской, я бы сказал, героической операции Красной армии и Западного фронта. В боях под Ельней батальон принимал самое активное участие. 5 сентября 1941-го Ельня была взята нашими войсками. 26 сентября немецкая армия начала артиллерийское наступление под Ельней и по всему Западному фронту. 28 сентября войска Западного фронта начали отступать. Наш батальон был направлен на поддержку наших войск под Спас-Деменском, но оказать какое-либо серьезное сопротивление танковой армаде мы не смогли и были вынуждены отступать, оставляя Смоленскую землю. Это было не просто тяжелое, а, пожалуй, критическое положение Западного фронта. Батальон отходил к Москве, держа курс на Юхнов, но попал в Вяземский котел, из которого пришлось очень трудно выбираться. Мы не имели элементарного запаса боеприпасов. Немецкий «мешок» был прорван одной частью батальона благодаря наличию в ней четырех спаренных пулеметных установок. Судьбу другой части батальона я до сих пор не знаю. За руководство этой операцией я благодарен старшему батальонному комиссару Сухову Михаилу Сергеевичу.

Октябрь 1941-го в средней полосе России был необычайно холодный. Тяжелые свинцовые тучи низко опустились над землей, как бы прикрывая отходящие к Москве войска от частых бомбежек авиации немцев. Холодный, пронизывающий ветер обжигал лицо и руки, забирался под шинель. Проход через Москву закрыт!

Проведя холодную ночь в районе Кубинки, батальон получил разрешение для прохода на Малоярославецкое направление фронта. После небольшой остановки в Подольске батальон занял позиции в районе Каменки на Варшавском шоссе.

Здесь же заняла позиции 1-я танковая бригада пол-

ковника Катукова. Вот именно здесь батальон принял самое активное участие в оборонительных действиях на Малоарославецком и Серпуховском направлениях. Во второй половине декабря после начала общего наступления Красной армии войска 213-й армии, в состав которой входил и 24-й ОМБ, принял активное участие в боях, освобождая Московскую и Калужскую области от вражеских войск, города Малоарославец, Медынь и населенные пункты этих районов. В дальнейшем в конце февраля 1942 года батальон вышел к реке Угре, где завязались тяжелые и продолжительные бои с задачей оказания помощи окруженной под Вязьмой 33-й армии генерала Ефремова, которая вела бои, находясь в немецком окружении.

В конце апреля батальон был снят с позиций на Малоарославецком направлении и отозван на переформирование в Одинцовский район, в деревню Захарово.

В дальнейшем батальон был переформирован в 169-й Отдельный минометный полк РВГК и передан на Калининский фронт, где принимал участие в боях, освобождая города Погорелое Городище, Зубцов и Ржев.

10 февраля 1942-го я в должности командира взвода разведки и связи был тяжело ранен под деревней Черкасово.

Я с гордостью и благодарностью вспоминаю службу в Красной армии и в подразделениях 24-й ОМБ и 169-й ОМП и с болью и горечью думаю о своих сослуживцах...

Анна Васильевна АЛЕКСАНДРОВА

13 февраля 1941 года мне исполнилось 16 лет. А летом началась война. Можно сказать, что я была взрослой — ведь у меня уже был паспорт, поэтому меня сразу отправили на оборонные работы под Малую Вишеру строить противотанковые рвы. Я никогда не забуду, как тогда было тяжело. Сначала мы работали под Малой Вишерой, а потом, через 2 недели, нас отправили под Мясной Бор. Со мной были еще 2 девочки, с которыми мы вместе учились в школе. Там тогда шли ожесточенные бои, нам было очень страшно. К тому же мы узнали, что на Любытино — наш родной поселок сбросили три бомбы, и убежали с оборонных работ домой, удостовериться, что с родными все в порядке, да и просто потому, что устали. Бежали мы двое суток и по дороге помогали военным, которых встречали по пути. Я разорвала практически всю свою рубашку на ленточки, чтобы перевязать раненых солдат. Малую Вишеру, через которую мы пробирались, бомбили, поэтому нам пришлось прятаться в огороде до ночи. После наступления темноты мы продолжили свой путь в родной поселок. От Малой Вишеры до него было около 80 километров, а идти надо было пешком.

Домой мы пришли измотанные, грязные и голодные, но мама меня не пустила даже ночевать. Я пыталась объяснить ей, как сильно я устала и измучилась, но она была непреклонной: «Нет, доченька. На чердаке перено-

чуешь, утром опять пойдешь на оборонные. Тебе 16 лет, ты комсомолка! Ты должна! А если убежит солдат с фронта? Что тогда: немец, проходи?». Я не ожидала такого приема, и утром, рыдая, пошла обратно.

На моих руках и сейчас видны отголоски той войны: безымянные пальцы и мизинцы не двигаются — когда мы копали противотанковые рвы, я вытянула себе сухожилия.

После выкапывания рвов я месяц проработала на строительстве аэродрома, а потом — в госпитале в Любытино. Моя подруга записалась в сандружину и позвала меня с собой. Это был конец октября 1941-го. Под Вишерой тогда началось наступление: наши стали теснить немцев, чтобы те не прошли дальше. Госпиталь был новый, только открылся, и мы, его сотрудники, решили познакомиться друг с другом получше, поэтому 7 ноября устроили вечер самодеятельности. Только главврач произнес речь, как с улицы послышался непонятный шум. Все стали спрашивать: «Что случилось?» И кто-то сказал: «Раненых привезли». Это было так неожиданно! Поток раненых был настолько большим, работы стало так много, что мы сразу же забыли про вечер и занялись оказанием первой помощи.

После госпиталя я поехала в Боровичи учиться в педагогическом техникуме.

В то время Ленинград был уже в кольце блокады, немец наступал, надежды было мало. Учились мы следующим образом: неделю — на уроках, месяц — на оборонных работах. Опять рыли противотанковые рвы, а потом строили железную дорогу от станции Гамзино до Неболчей. Это строительство унесло много жизней: люди голодали и мерзли. Мы в армию просились, потому что там выдавали теплую шинель и валенки. А у нас не было даже ватников. Сейчас я удивляюсь, откуда у нас были силы? И ведь мы никогда никому не жаловались!

Иногда, изредка, у нас были выходные. И тогда я ездила домой. Мои младшие сестра и брат были эвакуированы еще в 1941 году. Мама работала на руководящей должности (она тогда была председателем артели инвалидов «Красная звезда»), а папа был в истребительном батальоне.

Он часто повторял нам с мамой: «Когда ночуете дома, не закрывайте окна на замок. Если немец пойдет в дверь, то выпрыгивайте в окно, уходите к мосту, а там мы вас встретим и уведем к партизанам». Поэтому каждый раз, перед сном, рядом с кроватью мы укладывали узелок со свежим бельем, на всякий случай.

И однажды, после одного из таких редких выходных, я опоздала на учебу. Нам нужно было возвращаться, но моя подруга уговорила меня побыть дома еще денек. И мы остались. А когда вернулись, узнали, что нас исключили. Но особо не горевали, на это не было ни времени, ни сил.

В нашем доме в Любытино постоянно находилось по 50 человек. В основном — штрафники. Однажды среди них оказалась женщина. Я очень удивилась, когда увидела ее, и поинтересовалась, как она попала в число осужденных. «За что вас наказали?» — спросила я. Она рассказала свою историю, которая удивила меня еще больше. Оказывается, где-то за Уралом она работала на заводе, изготавливающем часы, и своим подругам как-то сказала, что боится проспать на работу, потому что у нее нет будильника. Они ей и посоветовали: «Возьми один, никто и не заметит!» Девушка так и поступила, спрятала будильник у себя под одеждой. И в самый неожиданный момент, когда проходила через проходную завода, он зазвенел. За это она получила срок в 7 лет. А потом ее отправили на фронт.

Штрафникам паек не полагался, они должны были питаться за счет местных жителей, то есть за счет нас. Продуктов тогда почти не было, мои родители были служащими, и с самого начала войны их перевели на карточки. Все было привозное, поэтому доставалось нам крайне мало.

Еще в 1941-м мы купили 6 мешков картошки, все ждали, что закончится война, и мы высадим ее на своем огороде. Однажды папа пришел домой, увидел голодных солдат, их пустые котелки, открыл яму, где хранилась наша картошка, и стал раздавать все солдатам. Через три дня весь картофель закончился. Зато ребята были сытые.

Уже потом, в 1944 году, когда я попала в Ленинград, я получила паек на 10 дней. Принесла его домой, си-

дела и плакала. Если бы мы такой паек получали... Это было такое счастье! Я решила, что нужно обязательно накопить за несколько месяцев хотя бы стакан сахара и отправить маме.

А той зимой, в конце 1943-го, нас отправили на лесоповал километрах в 10–15 от Любытино. На лесоповале мы работали тупыми пилами и топорами, находясь по пояс в снегу. Деревья были очень большие и толстые. Нам нужно было спилить елку у корня, обрубить все сучки, собрать их и сжечь, а потом

распилить дерево на бревна по 2 метра длиной. Это был адский труд. Учитывая, что у нас не было ни теплой одежды, ни теплой обуви, ни нормальных инструментов для работы. В общем, работали мы на износ.

В январе 1944-го меня вызвали в районный отдел народного образования (РОНО). Там мне сказали, что в освобожденные от немцев районы нужны кадры. В первую очередь для того, чтобы открывать там избы-читальни, клубы и, конечно же, школы. Поскольку я, хоть и недолго, но все-таки училась в педагогическом техникуме, да еще была и комсомолкой, то идеально подходила для этой работы. Поэтому меня первым же поездом отправили в Ленинград обучаться в институте на курсах политпросветработы. К маю нас уже направили на места, в освобожденные районы. Я поехала на станцию Волосово. Летом мы, работники районо, жили у одной эстонки на чердаке. А потом, когда похолодало, попросили, чтобы нам выделили нормальное жилье. Мне дали комнату без печки, абсолютно неотапливаемую. Я приходила зимой в эту комнатушку после тяжелого рабочего дня,

ложилась на кровать под одеяло прямо в шапке и одежде и ждала утра. А как только открывалась столовая, мы втроем: я и двое моих друзей, которые жили в таких же холодных комнатах, приходили туда, садились у стены, напротив растопленной печки и засыпали. Так там было тепло и хорошо. Буфетчица все смеялась: «Опять мои жильцы тут!»

Когда мы открыли в Бегуницах клуб, я познакомилась с женщиной, которая потом стала его заведующей. Она часто приглашала меня в гости, угощала пирожками... Однажды к ним приехал сын. Он был военный, и ему дали небольшой отпуск. Я узнала, что в начале войны их семья находилась в оккупации. И когда сын достиг призывного возраста, мать взяла топор и сильно ударила им по руке сына. Она решила, что лучше сломать сыну руку, чем позволить служить на стороне немцев. Не каждая мать способна на такой поступок, а она нашла в себе мужество. Конечно, в немецкую армию он не попал. А когда оккупированную территорию освободили, он сразу вступил в ряды Советской армии.

Вскоре я поехала в Ленинград, заехала в облоно и попросила перевести меня из Волосово. Школы там были уже открыты, клубы и избы-читальни работали. И меня направили в Рауту на Карельском перешейке. Пока я была в Ленинграде, я навестила своих старых друзей: они были эвакуированы к нам в Любытино вместе с детским садом еще в начале войны, и два воспитателя со своими детьми жили у нас. За это время мы очень сдружились. Потом их должны были эвакуировать с детьми на поезде сначала в Москву и дальше в Сибирь. Однако, когда поезд подъехал к Окуловке, выяснилось, что в эту ночь немец занял Калинин. Поэтому им пришлось вернуться в Ленинград. Всю блокаду наши друзья прожили в голодном городе. Я встретила с ними, и они убедили меня не ехать в Рауту, а забрать свои вещи и поселиться у них. Они обещали помочь мне с работой. Так я и сделала, а через несколько дней встретила День Победы здесь, в Ленинграде.

Марина Дмитриевна АНТИПЕНКОВА

Насколько разные события иногда освещают нам рассказы людей. Насколько непохожи их судьбы. А во время войны они приоткрывают нам новые горизонты и заставляют задуматься о том, на что способен человек, чтобы выжить.

Мы жили в небольшом селе под названием Соколовщина, что в Смоленской области. Семья у нас была большая и дружная: мама с папой, наша бабушка, пятеро моих братьев и сестёр и я. Работать приходилось много, чтобы прокормить семью, но мы справлялись, ведь мы были вместе.

Война подошла незаметно, и никто не знал, что она принесёт с собой. В самом начале войны отца забрали в армию, и мы остались одни. Мама на тот момент была беременна, и все мы ждали появления младшего братика Мишки, которому суждено было родиться в самое тяжёлое время для Советского Союза.

В 1942 году наше село стало местом боевых действий. Немцы наступали. Нам пришлось бросить всё, что у нас было, и спрятаться в лесу. В такие моменты не думаешь о вещах. Единственная мысль, которая движет людьми, — спасти свою жизнь во что бы то ни стало. Но убежать нам так и не удалось, в лесу нас поймал немецкий отряд. Под дулами автоматов нас разделили, женщин и детей поставили с одной стороны, а мужчин с другой. Мы видели, как немцы пытали

их, чтобы узнать местоположение партизан. Потом нас погнали по разным сёлам. Я до сих пор не могу забыть то, что произошло тогда в лесу. Немцы забрали наших лошадей, и я помню, как один солдат пытался сесть на нашу лошадку. Сёдёл у нас не было, вместо них мы использовали метровые подушки. Немец забрался на коня, схватился за поводья и с силой ударил пятками под бока. Лошадь этого не потерпела и дернулась так, что немец вылетел с нее. Он постарался второй раз оседлать лошадку, но и во второй раз она сбросила его. На этом терпение немца закончилось. Он отвёл коня в сторону и хладнокровно застрелил его из автомата прямо на наших глазах.

Оставшиеся в живых не верили в то, что они могут спастись. Мы ждали момента, когда решится наша участь. Многие полагали, что нас приведут обратно в деревню и сожгут, но нас гнали дальше. Когда мы проходили мимо нашего села, я видела, как горел мой родной дом. Нас гнали мимо одной деревни, второй, третьей и везде одно и то же — дома были объаты пламенем. Третья деревня была самая большая из всех, в ней, наверно, было тысяча домов. Там нас всех загнали в один сарай и хотели поджечь. Но тут нам, наконец-то, улыбнулась удача и сожжения удалось избежать. Нас отпустили и сказали идти по родственникам и больше не связываться с партизанами.

После того как нам чудом удалось избежать смерти, мы вернулись в Соколовщину. Но деревня была практически полностью сожжена, оставалось только несколько избышек. До осени нам пришлось жить в бане, а когда стало совсем тяжело, мы перебрались в Артёмовку к мамину дяде. Там мы и остались почти до самого окончания войны. В то время в Артёмовке располагался штаб немцев. Жизнь там была очень тяжёлой, немецкие солдаты заставляли работать на себя. Их не волновало, взрослый перед ними или ребёнок, работать должны были все. Приходилось разгребать снег, колоть дрова для их печек, готовить. Доходило до того, что нам давали строгие размеры для дров, чтобы они влезали в печку. Да и за людей нас не считали. При нас немцы вели себя, как им вздумается: могли вшей своих давить, ругаться и делать многое другое, о чём ни говорить, ни вспоминать не хочется. Отказаться от работы было

нельзя. В каждой деревне был свой староста, который убеждал несогласных при помощи плетей.

Я до сих пор с ужасом вспоминаю холодные зимы военного времени. Одежда у нас была плохая, из обуви только лапти. Перед тем как одеть их, ноги мы обматывали онучами. От холода это мало защищало, а снега у нас в лесу лежали глубокие. За то время, пока ты рубишь дрова, кожа становилась красной, часто даже шла кровь, и не спасало ничего.

По ночам мы в ужасе просыпались от взрывов, от которых дрожали окна в нашей избе и которые не давали нам расслабиться ни на минуту.

Но даже тяжёлая работа не могла обеспечить нам неприкосновенность. Каждый день мы жили в страхе, ведь малейшее нарушение могло повлечь за собой смерть. Для немцев расчёт был прост. За каждого своего убитого они отсчитывали 10 наших мужчин, уводили в лес и там расстреливали.

Но немецкие солдаты были разные — и плохие и хорошие. Один раз было, обыскивали они наши дома, и один из них нашёл где-то бутылку. Подумал, что мы водку от них прячем, и выпил всё. Потом мы увидели, как он с криками носился по деревне, очень ему плохо было. Это могло бы показаться забавным, если бы мы не понимали, чем это нам грозит. Мы с ужасом ждали расправы. Но нам повезло, попался среди немцев хороший солдат, который решил во всём разобраться. Оказалось, что в бутылке была не водка, а керосин, и нас трогать не стали. Да и откуда у нас водка в деревне, когда даже еды не было.

Проблема с едой стояла остро. Для немцев мы копали картошку, мололи зерно. Тогда приходилось работать тяжёлыми цепями, не каждый такую работу выдержит. Но за все это мы не получали ровным счётом ничего. Из еды были только трава и вода. Весной, бывало, картошку посадишь, потом с водой потолчешь, и получается кисель. Его и ели. Остальное забирали немцы. Однажды зимой мы держали в хлеву 3 поросёночка, чтобы нам было что есть в эту холодную пору. Среди ночи слышим — едут по дороге грузовики. Мы вышли на улицу и увидели, как немцы хлев открывают, за ноги хватают поросят, за-

брасывают в кузов и увозят. Также и кур забирали. Сама видела как куриц прямо на улице хватали и клали в мешок. Чем есть тоже не было, ведь всё сожгли ещё в начале войны. Но нам повезло, в нашей деревне жила старушка, которая из дерева нам ложки вырезала. Так худо-бедно держались.

Одной из самых страшных вещей для нас были карательные отряды немцев, которые ходили по лесам и искали партизан, либо тех, кто им помогает. Тогда еды было мало, и мама моя пошла обратно в нашу деревню, надеясь, что там осталась капуста или свекла. Вечером к нам пришли домой и стали спрашивать, куда наша мать ушла. Мы отвечали, что за овощами в деревню, а у самих на душе неспокойно. Прошёл день, за окном наступала ночь, а мамы всё нет. Плачет маленький Мишка, есть хочет. В лес уже вышли карательные отряды. Так страшно было за маму, больше всего боялись, что она уже не вернётся. Но всё обошлось, вернулась.

Несмотря на то что еды было очень мало и всё забирали немцы, мы всё равно находили возможность помогать нашим партизанам. Как только курочки снесут яички, мама сразу начинала печь хлеб. Напечёт 5–6 буханок, к

ним яиц немного положит и молока и всё отдаёт партизанам. Они сами к нам приходили по вечерам, когда на улице уже темно было. Всегда приходили одни и те же люди, поэтому мы их не боялись. Но если бы немцы узнали о том, что мы поддерживаем партизанские отряды, расправа была бы неминуема.

Ещё вначале войны, когда Мишка ещё не родился, к нам в дом привезли раненого партизана. Здоровый был мужчина, метра два ростом. Мама была беременна, ну как ей с ним управиться? Ведь за раненым уход нужен: и раны промывать, и переворачивать его, чтобы пролежней не было. Спасибо соседке, помогла. У неё был сын и муж, они помогли нам вывезти раненого и увезти подальше от деревни, чтобы его не нашли. Но немцы узнали об этом и пришли к нам. Мою беременную маму поставили к стенке и приставили к ней дуло пистолета. Хорошо, что нашёлся добрый немецкий солдат, увидел, что она беременна, и вытолкал всех взащей из нашего дома.

Но ещё более жестоко немцы поступали с теми, кто сбегал из их плена. Один такой у нас поселился в деревне, но карательный отряд нашёл его. Мужчину поймали и достали верёвку, скорее всего, повесить хотели. Мужчина испугался и попытался снова сбежать. Он выпрыгнул из окна избышки, но его настигли выстрелы солдат. Однако немцам этого показалось мало. Они истыкали несчастного штыками, чтобы другим неповадно было. Мёртвый мужчина лежал так очень долгое время. Была у нас одна девушка, которая немного знала немецкий. Ей удалось уговорить солдат, чтобы нам дали возможность похоронить тело. Это было одно из тех немногих проявлений человечности, на которую так редко приходилось рассчитывать в те годы.

В 1943 году немцы наконец начали отступать. 25 сентября мы праздновали освобождение нашей Смоленщины. В этот день всем полагались праздничные 50 граммов хлеба, мы тушили картошку, гнали самогон и праздновали своё освобождение. Но послевоенное время едва ли принесло облегчение в нашей жизни. Многие потеряли своих родных. Во время войны мы жили лишь рассказами, которые иногда доходили до нас, надеясь узнать хоть что-то о дорогих нам людях. Рас-

сказывали, например, что поймали мужчин, которые жили в нашей деревне раньше, а потом ушли в партизанские отряды. Поймали их возле самого Вроцлава, и немцы не проявили к ним милосердия. Они выгнали своих пленников на главную площадь и заставили копать яму. Когда яма была готова, приговорённых поставили на колени на самом её краю и стали расстреливать, а трупы сбрасывали в эту самую яму. Тех, кто пытался бежать, догоняли и расстреливали. Выжить не удалось никому.

После войны уже сложно было наладить старый уклад жизни. Семьи были разбиты, деревни сожжены, многие вещи были уничтожены. Приходилось всё восстанавливать. Чтобы наша армия могла продолжать громить врага, мы заново отстраивали мосты, которые немцы при отступлении подорвали. За 15 километров нам приходилось ходить в лес, чтобы только набрать песка для восстановления наших дорог.

В Артёмовке мы так и не остались, решили поселиться в селе Петраково, где мама вышла замуж за моего отца. Едва ли нам было проще жить, чем во время войны. Еды по-прежнему не было. Хотя у нас и был огород, но без удобрений мы не могли рассчитывать на хороший урожай. Вес-

ной, когда начинала цвести липа, мы сразу отправлялись в лес и собирали её. Потом её цветы мы сушили на печке и затем толкли в ступке, чтобы испечь лепёшки. На самом деле рацион в послевоенное время был «разнообразным»: ели крапиву, лебеду, клевер, а на сладкое набирали подорожник. В те годы мама отправляла нас в лес с ведром и давала строгий наказ — пока не соберём полное ведро подорожника, домой чтобы не возвращались. Приходилось есть всё, если хочешь выжить.

Но еда была не единственной нашей заботой в те годы. Словно в насмешку над нами, сразу с окончанием войны на наше село обрушилась эпидемия тифа, которая унесла нашу бабушку. Помню, как её забрали в больницу, а на следующий день к нам пришла медсестра, которая там работала. Она принесла нам эту ужасную весть, несмотря на то что она рисковала своей работой. Мы сразу отправились туда и в последний раз увидели тело нашей бабушки. Начальник больницы был недоволен нашим приходом и пытался узнать у нас, кто рассказал нам про её кончину, но мы так и не выдали ту добрую женщину.

Людей в те времена хоронить было сложно. Все были слабыми после перенесённых лишений и несчастий, не было возможности устраивать умершим достойные похороны. Некому было сделать для них хотя бы самые простые гробы. Для бабушки была вырыта специальная яма, стены её мы обложили досками и уложили туда тело. Затем сверху заколотили и забросали землёй. Всё приходилось делать самим, ведь мужчин практически не осталось и всю работу выполняли женщины и дети. Не было даже лошадей, чтобы пахать поля. Вместо них были люди. В плуг впрягали 8 человек, один шёл за плугом, а следом двое сеяли семена.

В 1944 году пришло письмо о том, что мой отец пропал без вести. Все надежды на его возвращение были разрушены. Мы поняли, что остались одни.

Все избы были сожжены во время наступления немцев, поэтому приходилось строить землянки, чтобы иметь хотя бы какую-то крышу над головой. Нам такую землянку отдала одна знакомая, у которой сын построил хорошую избу, куда она и переехала. Сказать, что нам повезло,

было сложно. Землянка была полна воды, а жизнь значительно осложняли различные паразиты. Уже позднее мы смогли построить себе хорошую избу и жизнь стала хоть немного легче. Появилась возможность посещать школу, пусть даже у нас и не было тетрадей и ручек. Для того, чтобы выполнять домашнее задание, мы использовали даже свеклу, чтобы писать. Учили нас строго, но зато мы многое умели. Сейчас так уже не учат.

Оборачиваясь назад, я с ужасом вспоминаю те военные годы, когда у нас не оставалось ничего, кроме надежды, надежды на победу и скорейшее освобождение. Сейчас жизнь совершенно другая. Я рада тому, что живу со своей семьёй, которой я могу по праву гордиться, в тёплой уютной квартире, и те времена уже кажутся далёкими, как страшный сон, который наконец-то закончился, и, просыпаясь, я вижу ясный рассвет нового утра.

Ольга Владимировна АНТОНОВА

Девушки МПВО в блокадном Ленинграде

В феврале 1942 года в осажденном Ленинграде были созданы женские батальоны Местной противовоздушной обороны (МПВО). Меня, уже едва ходившую от недоедания, призвали в медико-санитарную роту 21 (357) батальона, располагавшегося на Покровской улице (ныне пр. Металлистов, д. 119). В военкомат поднимал меня на руках дядя Павел, приехавший на побывку. Призыв, наверное, спас мне жизнь — отец умер от голода в январе, а мать — в октябре 1942 г.; в армии нормы питания были повыше, и я понемногу окрепла.

Наша ежедневная работа проходила в очагах поражения главным образом Красногвардейского (часть его ныне называется Калининским) района: мы оказывали первую помощь пострадавшим и отправляли их в госпитали. До сих пор тяжело вспоминать выезды на Финляндский вокзал, Нижегородскую улицу (ныне Лебедева), на Литейный мост. Там снаряды попадали в вагоны поезда и трамваев, было большое число раненых и убитых. Наш район — промышленный, и враг проявлял к нему повышенный интерес. Так, в ноябре 1942-го подверглись обстрелу и бомбардировкам заводы «Прогресс», «Красный выборжец», Металлический завод. Были большие разрушения, масса убитых и раненых. И все же заводы продолжали ра-

О.В. Антонова (в центре) с ветеранами и И.И. Кузьминым

боту. В районе железнодорожной станции Ржевка подверглось налету скопление около 400 вагонов с боеприпасами. Наши девушки вручную растаскивали эти вагоны по путям, дабы избежать цепной детонации. Регулярной работой была разгрузка эшелонов с ранеными, которых везли в больницу им. Мечникова.

Кроме выездов в очаги поражения, строевой и огневой подготовки, было много хозяйственной работы. Мы разбирали деревянные дома, расчищали руины и завалы, улицы от снега и льда, разгружали вагоны с лесом, баржи с углем, восстанавливали водопровод, трамвайные и железнодорожные пути.

В работе в очагах поражения мы теряли своих подруг. В 1942 году при разгрузке эшелона с ранеными погибла командир отделения Маша Батырева, ей было всего 20 лет. В Красном Селе стоит памятник шести нашим девушкам-саперам, погибшим при разминировании.

В июне 1943-го нам вручили медаль «За оборону Ленинграда», а в 1944-м МПВО нашего города было награждено орденом боевого Красного Знамени. Впереди была Победа!

Наталья Юрьевна БАГРОВА

«Годы мои военные»

Перед началом Великой Отечественной войны я закончила 9 классов средней школы. Выпускной вечер 10-го класса, где у меня было много друзей, был 21-го июня, а на следующий день грянула война!

В 10 классе я почти не училась — на Урал, в мои родные места, эвакуировались военные заводы, в основном, из Тулы, нужны были рабочие руки, и мы, десятиклассники, встали у станков.

В моём родном Златоусте осталась одна средняя школа, вернее, один десятый класс, где учились слабенькие девочки и мальчики.

Весной 1942 года я сдала экстерном экзамены за 10 класс и поступила в Уральский индустриальный институт в Свердловске. Наконец осуществилась моя мечта стать инженером-энергетиком. Мои родители и брат остались в Златоусте. Я обожала моих родителей. Папа, Юрий Борисович Багров, был великолепный врач, хирург, его очень любили в городе, он защитил кандидатскую диссертацию в 1940 году в Свердловске, когда это было ещё большой редкостью. С первых дней войны он служил в военном госпитале. Он очень рано ушёл из жизни, в октябре 1943 года его не стало. Весь Златоуст пришёл его проводить, и до сих пор его вспоминают в газетах Златоуста и Челябинска.

Моя мама, Софья Яковлевна, была стенографисткой. Мой брат, Яков, был на пять лет моложе меня, и мои родители были спокойны, что война ему пока не грозила.

Я не стала ни врачом, ни инженером-энергетиком. Война всё изменила. После войны я стала изучать английский язык. Окончила 1-й институт Иностранных языков, несколько лет работала в Университете, в институте иностранных языков и потом 40 лет (!) в Северо-Западном политехническом институте (СЗПИ). Там защитила кандидатскую диссертацию, написала учебник английского языка для заочников, который до сих пор востребован по всей стране. В написании учебника участвовали и мои коллеги: Людмила Николаевна Андрианова, которая уже ушла из жизни, и Элеонора Вилисовна Ершова. Учебник выпустило издательство «Высшая школа». К иностранным языкам с детства я относилась с большой любовью. В Златоусте было много немцев, предков которых пригласила на Урал ещё Екатерина II, так что было у кого поучиться.

В феврале 1943 года я приехала в Златоуст на зимние каникулы, а вернувшись в Свердловск, получила предложение идти на фронт переводчицей благодаря хорошему знанию немецкого языка. С грустью я вспоминаю

моих родителей, для которых это было ужасно. Но тогда попасть на фронт — было мечтой многих моих сверстников. И я решила — на фронт!

И вот я на фронте, там, где весной 1943 года загремят залпы Курской битвы. Я военный переводчик штаба 211-й стрелковой дивизии. По пути из Свердловска на фронт я и мои подруги из Уральского института прошли школу военного перевода. С нами целыми днями в эшелоне занимался военный переводчик, задачей которого было подготовить нас к такой работе.

Знать разговорный немецкий язык было мало, и мы старались изо всех сил знакомиться с военной лексикой, военным снаряжением и всем, что касалось немецкой армии. Впереди нас ждало общение с солдатами и офицерами, а позже и с генералами гитлеровской армии. Мы учились допрашивать пленных, переводить документы, письма, читать немецкие карты, заниматься немецким языком с разведчиками.

Моё «боевое крещение» произошло ещё до начала Курской битвы. Это был, пожалуй, мой самый трудный пленный. Во-первых, тут сыграл свою роль и психологический фактор. Я в первый раз в жизни увидела живого немца. Это был сбитый, контуженный лётчик, офицер, который не хотел, да и не мог отвечать на вопросы, которые я ему задавала. Все наши офицеры окружили нас и каждый старался задать побольше вопросов. Пленных ждали, а их всё не было. И вот, наконец!

Как я поняла позднее, лётчик не знал того, что интересовало командование нашей дивизии — какие части стоят непосредственно перед нами, где их огневые точки, когда немцы готовят наступление и другие вещи, которых лётчик не мог знать. Но наше командование не могло с этим примириться, и мне здорово досталось! Я чувствовала себя ужасно.

Вскоре начались бои, пленных становилось всё больше, я стала смелее разбираться в допросах и уже сама знала, что надо было выяснить и что какой пленный может и должен знать. Я научилась соответственно вести себя на допросах, не боялась, что пленный не поймёт меня или я не пойму его. Конечно, пленные были разные и иногда бывало трудновато,

но работа переводчика становилась интереснее, я чувствовала себя увереннее. И впереди ждало многое, о чём хочется рассказать.

Во время допросов пленных бывали и смешные случаи. Так, однажды, в начале боевых операций, привели пленного, было это на опушке леса, где солдаты вырыли несколько щелей и окопов. У нашего писаря был всегда с собой стол, поставили его на поляне, я села с одной стороны, пленный встал напротив, сбоку встал офицер разведывательного отдела. Начали допрос, немец отвечал на мои вопросы, и тут налетели немецкие самолёты. Все находившиеся на поляне наши солдаты и офицеры побежали к окопам, мы остались за столом вдвоём с немцем. Он посмотрел вверх на самолёты и залез под стол. Я, чувствуя ответственность за пленного, залезла под стол с другой стороны. И так мы просидели с ним под столом, самолёты улетели, не сбросив бомб, всё стихло, мы вылезли из-под стола, допрос продолжился. Потом наши долго надомной смеялись и даже нарисовали карикатуру — мы сидим с немцем под столом. Как жаль, что я её не взяла.

В ходе допроса пленных я старалась получить такие данные о противнике, которые будут использованы нашим командованием. Из допроса пленников офицеров наше командование получало сведения о том, какие части или подразделения противника ведут с нами бой, где располагаются его резервы, штабы, огневые точки, каковы планы противника. Особенно трудно было во время сражения на Курской дуге в первые дни боёв, когда не только войска, но и все наши штабы подвергались частым артиллерийским обстрелам, бомбовым и танковым ударам.

Были трудности и в ходе преследования противника, когда штаб дивизии, а не только войсковые части, находился в движении в течение длительного времени. Особенно сложно было во время вынужденного отхода наших войск и под ожесточёнными ударами танковых группировок противника. Когда пленников было очень много, сложность моей работы состояла в том, что необходимо было среди них найти более ценных «языков» и по возможности быстро получить нужные данные.

Кроме работы с пленными, я должна была работать с картами, документами и выполнять работу офицера разведывательного отдела — составлять разведывательные донесения, сводки и другие документы. Это звучит довольно мирно, но ведь всё это было на войне, а там обстреливали и бомбили, мы теряли своих друзей. В начале войны мы передвигались, в основном, пешком или верхом на лошадях и только в конце войны на машинах.

Бывало трудно, бывало очень трудно. Оглядываясь назад, я вспоминаю, как это было, но главное, что приходит на память — это фронтовое братство, которое помогало в трудные минуты и которое живо и сегодня. Письма, встречи фронтовых друзей — это большая радость. Грустно, что друзей становится всё меньше и меньше. Время неумолимо!

Зато с какой радостью мы вспоминаем встречи после войны, встречи в городах, которые мы освобождали от немцев. На войне было тяжело всем, но для нас, женщин, а тогда девочек, это было особенно тяжёлое время.

Вспоминаю одну встречу на фронте, до сих пор не верится, что это было на самом деле. Это была встреча с

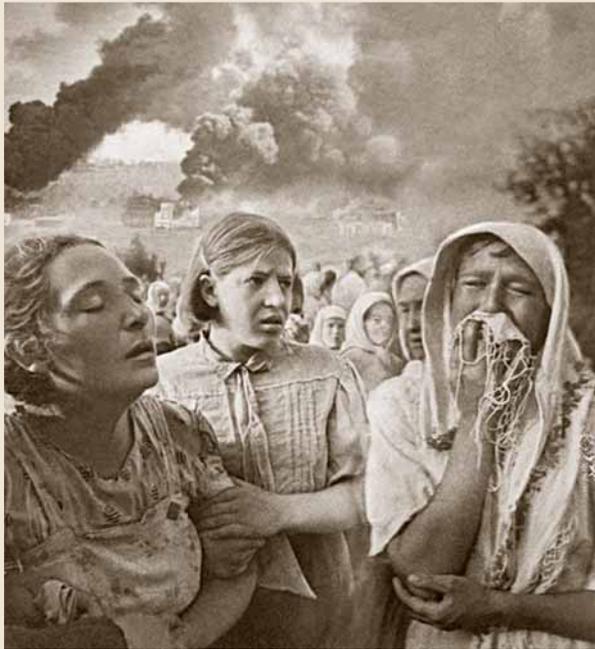

моим одноклассником из нашей Уральской, Златоустовской школы, Борей Самойлиным. Он пишет в своих воспоминаниях (январь 1944 г.): «Я был в разведке, целый день мотался на машине по степным дорогам, собирая сведения о противнике. В одной деревне заехал к разведчикам другой дивизии, чтобы выяснить кое-какие вопросы. Низкая украинская хата, полна солдат и офицеров. Вхожу, здороваюсь и представляюсь, не называя своей фамилии. Вдруг неожиданно слышу девичий голос: “Честное слово, это Борис Самойлин!”. Удивлённый, оглядываю присутствующих. Говорила девушка младший лейтенант... “Не узнаёшь? Я Наташа Багрова!” Моё недоумение было вполне уместно — кого-кого, а своих девчат из Златоуста я никак не ожидал встретить здесь, на фронте! Мы долго разговаривали обо всём: о доме, о школе, о наших боевых делах. Ты представь, встреча старых друзей на фронте! Наташа — переводчица! В армии не так давно, но уже имеет медаль “За боевые заслуги”. Распрощались в надежде увидеться ещё». Увиделись уже на Урале, в Златоусте, через несколько лет после войны. Переписываемся до сих пор, я навестила его и его милую жену Иру, когда была в Златоусте. Сейчас, оглядываясь в прошлое и оценивая своё участие в войне, хочу отметить, что война тяжела для мужчин, но для женщин во много раз тяжелее. Мы, женщины, даём жизнь нашим детям, воспитываем их, недосыпаем ночей не для того, чтобы молот войны забрал их, а для того, чтобы они жили, учились, работали, любили, украшали наше общество.

Я присоединяюсь к борьбе за мир, к борьбе за предотвращение войн, за светлое будущее наших детей. И мечтаю, как наши соотечественники, чтобы не было больше войны!

Каждый год теперь мы празднуем 9 Мая — День Победы и вспоминаем начало войны 22 июня. С того страшного дня прошло много лет. Каждый год по телевидению передают воспоминания о том дне, о начале войны. Сажу у телевизора, вспоминаю и плачу. Вспоминаю тот день — это было воскресенье, а накануне, в субботу, был выпускной вечер, и рано утром, чудным солнечным утром мы поехали за город, на пруд, целый день гуляли на том берегу, а вечером вернулись в город, совсем другой город — у громкоговорителей толпы народа, взволнованные

лица. Я побежала домой. Мы жили напротив военкомата, а там толпа, люди стоят в военкомат подавать заявления, рвутся на фронт. Дома разговоры только о войне, папа через пару дней перешёл из больницы в госпиталь — в нашу уже бывшую школу. И жизнь стала совсем другой.

Я уже писала в начале, как попала на фронт из Свердловского института, как в течение двух месяцев езды из Свердловска к фронту мы занимались с переводчиком, который приехал на Урал с фронта за пополнением, отобрал четырёх девушек из института, хорошо владеющих немецким языком и мы поехали. Когда мы добрались до штаба армии (уже и не помню какой), нас распределили по дивизиям. Я попала в штаб 211-й позже Черниговской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии. В штабе дивизии встретили хорошо, особенно подружилась с машинисткой Бэллой, которая учила меня разбираться в штабных бумагах, печатала сводки, которые мы составляли.

Летом 1943 года начались бои на Курско-Орловском направлении, тяжёлые бои, в которых участвовала масса танков. Считается, что Курская битва занимает особое место среди сражений Великой Отечественной войны. В ходе ожесточённых боёв под Курском было разгромлено около 30 дивизий фашистов. Немцы понесли невоспол-

нимые потери в Курско-Орловской операции, от которых уже не смогли оправиться до конца войны.

Города Курск, Орёл и Белгород стали городами Воинской славы. Теперь многие города носят почётные звания, но тогда эти три города были символами наших новых побед над фашистами, в честь их освобождения и окончания этой операции гремели салюты.

Мы двинулись дальше на Украину, ушли от «курских соловьёв». Когда я писала домой, то не могла назвать место, где я нахожусь, и обычно писала, что каждый день, когда не стреляют, мы слушаем пение соловьёв. И мои родные поняли, что я нахожусь где-то под Курском.

Бедные мои родители, как они за меня волновались. Мама каждый день встречала почтальона, ожидая от меня весточку. Я писала часто, но письма шли довольно долго, потому что им надо было преодолеть длинный и трудный путь!

В сентябре нашей дивизии предстояло форсировать Десну, за которой находился город Чернигов, захваченный врагом ещё в 1941 году. Теперь час освобождения Чернигова был близок. Хотя прежде чем выйти к городу, нам нужно было с боями форсировать Десну и разгромить противника на западном берегу реки. Это были очень тяжёлые дни.

Форсирование Десны началось вечером 18 сентября. Уже днём 19 сентября на западном берегу Десны находились все три стрелковых полка дивизии. За успешные боевые действия при форсировании Десны и за овладение областным центром Украины городом Чернигов дивизия под командованием генерал-майора Виктора Львовича Махлиновского получила почётное звание «Черниговская».

Когда кончилась война, мы несколько раз приезжали на встречу в город Чернигов. Какие это были тёплые встречи! Моя подруга Бэлла переехала жить в Чернигов. Там ей дали квартиру, хорошо встретили и устроили.

Бои на окраине города Чернигова начались 21 сентября 1943 года. Трогательной была наша встреча с жителями Чернигова, которые вышли из своих убежищ и помогали вылавливать спрятавшихся в подвалах и на чердаках

фашистов, полицаев и других изменников Родины. Многие партизаны и подпольщики стали воинами нашей 211-й дивизии.

В декабре 1943 года я вышла замуж за нашего дивизионного связиста — капитана Василия Петровича Погорельского. В штабе нам устроили свадьбу, было очень тепло и весело. И мы прожили вместе до 2004 года, когда Васи не стало, ему было уже около 90 лет! Мы были счастливой парой, в 1946 году у нас родился сын Юра, сейчас физик-теоретик, лауреат Государственной премии, у него двое детей — сын Миша, тоже физик, и дочка Лидочка.

Важным этапом на пути к достижению Победы над немецким фашизмом стал 1944 год, который вошёл в историю Великой Отечественной войны, как год решающих побед. Летом 1944 года Васю перевели в 21-й корпус, и через некоторое время я уехала из дивизии к нему, в штаб 21-го корпуса. Жалко было расставаться с друзьями из штаба дивизии, но надо было перебираться к мужу. Ехать было сложно — это была другая армия, но я добралась до штаба корпуса и снова стала работать переводчиком штаба, но уже корпуса. Работы было много, но я была в этом деле уже не новичком.

Наш корпус, вернее, дивизия нашего корпуса и его штаб стояли тогда в Польше. Командовал корпусом генерал старой закалки, который много лет провёл на Дальнем Востоке. Он был очень культурным и прекрасным командиром. Во всех его «путешествиях» на фронтах Великой Отечественной войны его сопровождала жена (не помню их фамилии). Она коллекционировала игрушки, в основном, немецкие, которые ей привозили со всех дивизий корпуса. Они были довольны, что уехали

с Дальнего Востока, а когда кончилась война, он опять получил назначение на Дальний Восток!

Когда корпус продвигался на запад в направлении Германии, нашими частями велись ожесточенные бои по всей Польше. Однажды меня вызвал наш генерал и сказал, что к нам доставлен немецкий перебежчик. Из слов перебежчика стало понятно, что в лесу под деревней стоит артиллерийская батарея немцев, которые хотят сдаться нашим в плен. Он просил, чтобы их встретили и проводили в штаб. И вот мы получили от командира корпуса приказ выполнить это задание. Рано утром, когда было ещё темно, группа в составе офицера-артиллериста, меня, двух солдат, шофёра и немецкого перебежчика отправились в путь. Дорогу нам показывал немец, ехали мы довольно долго и вот, наконец, эта деревня. Несколько домиков, из окон выглядывают люди, смотрят на нас с удивлением. Мы остановились у последнего дома, из которого вышел человек и заговорил по-немецки. Оказалось, что это немецкая деревня, поляков здесь нет, а русских никогда не видели. Мы почувствовали себя неуютно. Поставили машину

у ворот, а сами зашли в дом. У машины остались наши солдаты с автоматами. Немецкий перебежчик подождал, пока начало темнеть, и ушёл в лес, где находилась батарея. Через некоторое время мы увидели над лесом сигнальную ракету. Как договаривались, мы тоже ответили сигнальной ракетой и поехали к дороге. Вскоре из леса показалась колонна машин с пушками. Договорившись о том, что они будут следовать за нами, мы двинулись в обратный путь. К указанному генералом месту добрались благополучно, к счастью, дорога ночью была спокойной. Когда мы приехали к месту, где расположился штаб корпуса, нас там уже ждали офицеры и солдаты, которые занимаются военнопленными. Пушки отправили дальше под руководством этих офицеров, а нас поздравили с удачным выполнением задания. Весь штаб корпуса вышел нас встречать. За отличие при выполнении этого задания я была награждена орденом Отечественной войны 2 степени. В последующем я получила ещё один орден и несколько медалей.

Далее началось наступление наших войск на Берлин. Вот-вот придёт Победа! Все мы собирались идти на штурм Берлина, но планы командования изменились и наш корпус повернули на Прагу! После тяжелых боев за Прагу нас быстро вывели из Чехословакии, и мы оказались в Венгрии, а потом в Австрии и только потом дома.

После Победы я поступила в 1-й Институт иностранных языков в Ленинграде, а мой муж вернулся в Академию связи, не окончив которую уехал на фронт осенью 1941 года. И война для нас кончилась.

После войны мы часто ездили на встречи однополчан, чаще всего на Украину. Встречи проводились в Чернигове, в Виннице, в Курске и Орле. Они всегда были очень тёплыми, трогательными и для нас фронтовиков самыми настоящими праздниками. Очень запомнилась встреча в Москве, которую для ветеранов организовало командование 3-й гвардейской армии. Встреча состоялась в Московском Доме офицеров. Наших однополчан собралось человек 15. Мы были очень рады встретиться со своими боевыми товарищами. Вспоминали своих друзей, не вернувшихся с войны, вспоминали трудные дни войны.

В зале, где проводилась встреча, мы все сели в один ряд. В президиуме было командование 3-й гвардейской армии, командиры частей. На сцену вынесли боевые знамёна. Один наш офицер попросил: «Разверните знамёна!» И знаменосцы начали их разворачивать. Первые два или три знамени не вызвали отклика в зале — значит не было представителей этих частей. И вот разворачивают следующее знамя, на котором написано «211 Черниговская дивизия» — наше знамя! Мы все вскочили с мест, зааплодировали, стали обниматься, и весь зал встал и зааплодировал нашему знамени. Это был волнующий момент! До сих пор вспоминаю этот день и волнуюсь и радуюсь.

Алефтина Николаевна БАЙКОВА

«Дети войны» — кто они такие? Рожденные с 1930 по 1941 год. И первое в жизни, с чем они столкнулись, — это была война. Такое событие осталось в сознании детей навсегда.

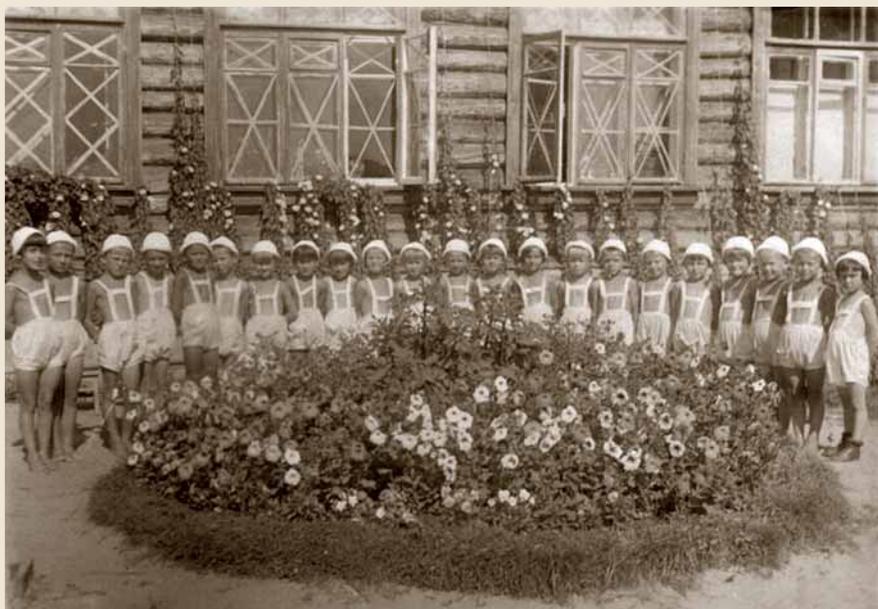
22 июня 1941 года мы вышли на прогулку с папой. Он нес на руках моего 2-летнего братика, а я шла рядом. И вдруг из дома выскочил мужчина и побежал к моему отцу. Взволнованный, он что-то громко говорил, говорил, я тогда ничего не понимала. Мы быстро вернулись домой. Со слов мамы я узнала, что произошло что-то ужасное, то, что называют «войной».

11 июля 1941-го отец добровольцем ушел на фронт. Мама работала, я и братик ходили в детсад. 1 сентября я пошла в школу. Но проучилась там всего семь дней, потом школа закрылась. Мы жили в двухэтажном восьмиквартирном доме. Через некоторое время все начали уезжать. Мы уехали последними. Ежедневно в небе гудели самолеты. Маме тогда было 28, мы успели эвакуироваться.

Жили мы по адресу: Ленинградская область, Вознесенский район, поселок Вознесенье, портовый городок — там, где река Свирь впадает в Онежское озеро. Уехали мы оттуда вовремя, до того, как вражеские войска остановились в 7 км от Вытегры и Вознесенье сожгли полностью. В это время мы уже перебрались в город Вытегра Вологодской области.

С семи лет мое детство закончилось, началась взрослая жизнь, братику исполнилось три года. А ма-

ленькая сестричка умерла в 4-месячном возрасте от голода. Мама постоянно уходила, с детьми оставалась я. Видимо, оформляла себя и нас, чтобы получить талоны на хлеб. Но магазинов не было, пекарни тоже не было, выдавали муку. Поэтому хлеб она пекла сама. То, что из одежды мама успела прихватить, она все променяла на молоко.

В городе мужчин не было, только женщины и дети. Всю домашнюю работу выполняли дети: ухаживали за младшими, носили воду, ходили в лес за дровами, пилили, кололи дрова для печки. При этом умудрялись еще учиться в школе. Правда, тогда не было ни бумаги, ни карандашей. При школе было подсобное хозяйство, поэтому приходилось выполнять еще и мелкие работы.

Мой отец погиб на фронте в 1942 году. Последнее его письмо было из Крыма, из городка Алупка. Мама болела, и два года мы с братом находились в детском доме поселка Анненский мост. А там мы — кто постарше, полностью обслуживали себя сами. Уборщиц в детдоме не было, так что уборка, мытье полов, дежурство по кухне, по столовой, летние работы в огороде и прочее ложилось на детские плечи. В детском доме было две коровы, куры, поросята. Я научилась доить коров, вязать, шить на швейной машине.

А самым важным событием в жизни стал тот день, когда кончилась война. Это нужно чувствовать, словами не передать. Мне было тогда 12 лет. Началась новая послевоенная эпоха, и я самостоятельно делала свой выбор в жизни.

Вера Васильевна БАРАНОВА

★ *Награждена орденом Отечественной войны 1 степени, медалью «Ветеран труда» и более 10 другими медалями.*

Мне было 12 лет, когда началась Великая Отечественная война, разделившая жизнь на довоенную — беззаботную, радостную, и военную — с недетскими проблемами и переживаниями.

До войны я окончила с похвальной грамотой 4 класса средней школы на Ржевке, с нетерпением ждала поездки в пионерский лагерь. 22 июня 1941 года мы с мамой отправились за покупками и в 12 часов были на Невском проспекте, где возле уличных репродукторов увидели толпу людей, слушающих речь Молотова. Война!

Началась эвакуация школьников. Нашу школу отправили куда-то за Мгу (место не помню). Эвакуация запомнилась как страшный сон. Ни одного взрослого. Деревенский дом, завалинка, возле которой мы, ребятня, со стра-

хом и тревогой прислушивались к стрельбе и обсуждали очередной ночной побег мальчиков в Ленинград. Мы с подружкой Тоней тоже решили готовиться к побегу. Но за ней приехала мама и забрала нас. Дорога в город была трудной: во Мге попали под бомбежку. Помню, что куда-то бежали, прятались, но в Ленинград все-таки прибыли, с последним поездом. В городе уже ввели карточки, началась блокада.

Сентябрь, октябрь, ноябрь 1941-го были тревожными. Кольцо вокруг Ленинграда сжималось, нормы продуктов уменьшились. В нашей школе был госпиталь. Несколько дней ветер приносил дым и гарь: горели Бадаевские склады. Полигон, завод «Краснознаменец» выпускали снаряды для фронта. Пушки полигона часто стреляли в сторону немцев. Замерзли уличные колонки, не стало воды, света и тепла. На окнах - маскировка, вместо света — коптилки. День и ночь работало радио — передавали сигналы воздушной тревоги. Нормы хлеба существенно снизились в декабре: у мамы по рабочей карточке до 250 граммов, у меня — до 125. Хлеб выкупала и делила я: у мамы не было терпения. 375 граммов разделялось на три части: 125 — на завтрак с кипятком (на двоих), вторые 125 — на обед, тоже пополам — маме с собой, мне на день. Третьи 125 граммов оставались на вечер, когда мама приходила с работы. Чтобы не думать о хлебе, я убирала эту порцию на шкаф.

В январе я слегла. Стало трудно вставать, ходить. Я слышала, как мама сказала моей старшей сестре: «Если Вера слегла, боюсь, что она не встанет». И появилось у меня очень сильное желание встать на ноги, надеть когда-нибудь лыжи и коньки, стало невмоготу лежать с утра до вечера одной в темной комнате и ждать с работы маму. Появилась мысль идти к людям, проситься на работу. Для распухшего маленького дистрофика это было, пожалуй, дерзостью, но я решила рискнуть. Я не помню, как дошла до штаба полигона, как пропустили меня к начальнику, генералу И.Н. Оглоблину, но хорошо помню наш диалог:

- Зачем пришла? — просил он.
- Хочу работать.
- У меня работа — снаряды.
- Я знаю.

- Сколько тебе лет?
- Двенадцать.
- Я беру с четырнадцати.

Я сказала: «Спасибо, Иван Николаевич, до свидания» и пошла к двери.

Не знаю, что он увидел во мне, но вдруг окликнул: «Постой! Ты куда пойдешь?» Я не знаю, почему я ответила ему: «Умирать». Генерал не выдержал: «Вернись, пиши заявление, но, чур, меня не подводить».

Паспорта у меня не было, штамп о приеме не ставили, выдали пропуск на территорию полигона (в цех), противогаз, и на следующий день рано утром я шла на работу.

Цех большой, много станков, горы нитроглицеринового пороха, пустые ящики для снарядов, ящики с детонаторами. За станками женщины и старшие подростки (с 16 лет). Я попала в подсобную бригаду подростков с 14 до 16 лет. Мы забирали 152-миллиметровые снаряды от станков и укладывали их в ящики (которые сейчас часто показывают в фильмах) — по 2 штуки в один. Эти снаряды тяжелые. В первые дни было трудно: несешь такой снаряд, а в голове одна мысль: только бы не уронить. Реже перетаскивали легкие — 76-миллиметровые — эти дни были праздником для меня. Кроме укладки снарядов мы навешивали порох, привозили со склада в цех взрыватели на санках.

Январь 1942-го был суровый, температура доходила до -40 . Когда мы возили взрыватели, очень замерзали, и бригадир разрешал нам греться в кочегарке, отпуская на 30 минут. В это время мы общались, обсуждали положение на фронте, мечтали о счастливой жизни после войны — в нашей победе никто не сомневался. О еде говорили редко, а если и мечтали, то о целой буханке хлеба или кастрюле каши, которую можно сразу съесть. На большее не замахивались. Мы были всегда очень голодны.

Помню такой случай: объявили по радио о выдаче по 200 граммов масла на карточку. Мама получила на свою рабочую — растительное, а я хотела дожидаться сли-

вочного, но талон пропал. Было обидно. Мама нашла мне в блюде немного масла и дала кусочек хлеба. Я ем, обмакивая хлеб в него, а по лицу льются крупные слезы. На вопрос мамы: «Что с тобой?», ответить не могу. Но это, очевидно, сожаление о том, что все в блюде кончается, а голод остается.

Иногда за хорошую работу давали нам талон на суп или кашу (вода с редкими крупинками — суп, а если их больше — каша. Но мы были рады и этому).

Я быстро привыкла к своему цеху, своей бригаде. Работа началась в 8.00, я выходила из дома в 7.00. За порогом меня окружала полная темнота и безмолвие, но страха не было. Я шла на работу, я была там нужна — эта мысль согревала.

В феврале 1942-го мы шли с мамой по дороге, на которую выходит Пороховское кладбище. Очень ярко светила луна, вдоль всего кладбища по дороге высотой 1,5–2 метра сплошь лежали в разных позах трупы людей, очевидно, вывезенные из домов. Это была страшная картина, которую я не могу забыть до сих пор.

В марте 1942 года, когда на станции Ржевка скопились эшелоны с боеприпасами полигона и завода, один из немецких снарядов попал в эшелон. Страшный взрыв потряс все дома вблизи станции. Пострадал и наш дом. Произошло все около 6 часов утра, а в 7 часов мне нужно было идти на работу мимо разрушенной станции и магазина возле нее.

С октября 1942-го начали работать школы. Я очень хотела учиться, и мама просила меня взять расчет и пойти в 5 класс. На мое заявление бригадир отреагировал неожиданно: «Ты работаешь хорошо, расчета не дам». Пришлось снова идти к генералу И.Н. Оглоблину, чтобы снова услышать от него: «Пиши заявление» (а мне было к этому моменту всего 13 лет).

К школе было трудно приспособиться: на работе к нам было уважение, мы на равных общались со старшими, брали с них пример, а в школе — окрики учителей, грубые замечания директора. Мне захотелось обратно на полигон, и я заявила маме, что на уроки больше не пойду. Мама привела меня к директору, в кабинете состоялась безобразная антипедагогическая разборка со мной. Директор кричала на меня,

Исп. вх. № _____

★

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
о

Войсковая часть
33491

19. октября 1993 г.

№ 476/ОК

г. Санкт-Петербург

В АДМИНИСТРАЦИЮ ФРУНЗЕНСКОГО РАЙОНА
г. Санкт-Петербурга

Командование войсковой части 33491 ходатайствует о представлении к награждению медалью "За оборону Ленинграда" БАРАНОВУ (Шиманскую) Веру Васильевну, трудившуюся в годы Великой Отечественной войны с 15.01.1942 г. по 30.09.1942 г. в войсковой части 33491, входившей в состав Ленинградского фронта в период с 5.10.1941 г. по 20.05.1944 г.

Основание: архивные справки ЦАМО СССР № III36 - 1967 г.
№ 439С - 1964 г.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 33491

А. ШУНИН

грозила, что отправит в колонию. Мой вопрос: «За что?», вызвал новую бурю негодования. Я не знаю, чем бы дело закончилось, если бы не вошла в кабинет моя классная руководительница Никитина Надежда Ильинична. Немного послушав, она задала вопрос: «За что вы ее так?», взяла меня за руку и со словами: «Это моя лучшая ученица», увела меня из кабинета. Конфликт был исчерпан, я привыкла к школе. Летом 1943 и 1944 годов во время каникул мы, пяти- и шестиклассники, работали на полях совхоза «Выборгский».

В январе 1944-го мне повезло видеть салют в честь снятия блокады. Народу на набережной у Эрмитажа было много. Стреляли у Ростральных колонн, у Петропавловской крепости и на Дворцовой площади слева от Эрмитажа. Зрелище было потрясающее: люди обнимались, смеялись, плакали.

В 1945-м я окончила 7 классов. В райкоме комсомола Красногвардейского района мне предложили поехать на все лето работать пионервожатой в лагерь от завода «Большевик». Только что кончилась война, в городе была разруха, жили на карточки, но правительство города (А.А Жданов, Кузнецов) о детях позаботилось. Все ленинградские дети имели возможность отдыхать бесплатно или за мизерную цену. Для них были организованы подсобные хозяйства: молоко, овощи, мясо для стола поставлялись свежими. В лагерях дети поправлялись на глазах. В полдник на каждом столе стояли огромные чайники какао с молоком и подносы со сладкими булочками. У каждого отряда была форма, и даже рваную обувь заменяли бесплатно на новые сандалии. В моем отряде было 40 младших школьников, но мы вдвоем с воспитательницей легко справлялись с этой оравой. Летом 1946-го и 1947-го я снова работала в этом лагере, но уже помощницей старшей пионервожатой и имела дело уже с 10-ю отрядами.

В 1948 году я окончила школу, поступила на геологический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова.

Меня как-то спросили: «Чему меня научила блокада?» Я задумалась и ответила: «Многому: терпению — когда 125 граммов хлеба (наш ужин) лежат на шкафу, а я голодная жду с работы маму; дисциплине — за 9 месяцев работы на полигоне я в 12–13-летнем возрасте ни разу не опоздала. Пунктуальность стала правилом всей моей жизни; держать данное слово, никого не подводить — я не подвела генерала И.Н. Оглоблина, взявшего меня на работу и спасшего мне жизнь; стараться преодолевать любые невзгоды стойко, как это делали наши родители, ставшие для нас примером в тяжелые годы блокады».

Анатолий Федорович ВИХРОВ

Я родился 26 июля 1917 года в деревне Макарино Бежаницкого района Псковской области в семье крестьянина. В 1934 году окончил семилетку и уехал в Ленинград.

Моей мечтой было стать летчиком. Как-то над деревней пролетел на низкой высоте самолет, и это стало главным толчком.

В Ленинграде крестный устроил меня в жилищную контору паспортистом, и я стал дожидаться набора в летное училище. Он состоялся в феврале 1935 года. Мне в обкоме комсомола выдали путевку в Тамбовское училище ГВФ. В 1938 году я училище окончил и был направлен для работы в Грузинское управление ГВФ в Сухумское звено. Летал на линиях Сухум-Сочи.

В 1941 году поступила телеграмма из главного управления (в связи с нападением фашисткой Германии) вылететь на фронт на своем самолете сначала в Рязань, затем в Вязьму.

В Вязьме наш санитарный отряд выполнял полеты прямо над линией фронта, в день мы летали по 8–10 раз.

В конце ноября 1941-го я выполнял полет по разведке. И на мой самолет напал МЕ-109. При обстреле в мотор моего самолета попал снаряд. Оставшись без мотора в районе Долгопрудного, я был вынужден сесть на канал Москва-Волга между шоссе и железнодорожными мостами. Было очень морозное время, и лед выдержал. В связи с

тем, что берега канала были заминированы, нам с борттехником было приказано не выходить и ждать прибытия сопровождающего офицера. Вскоре нас вывели из канала, а на следующий день самолету заменили мотор, и я взлетел.

После этого распоряжением ГУГВФ я был направлен в прибалтийскую авиагруппу ГВФ для полетов к партизанам бригады Васильева, воевавшим в районе Поддоря. Полеты к партизанам проводились ночью. Им подвозили боеприпасы и вывозили раненых.

В одном из ночных полетов. Будучи на партизанской площадке при обстреле я получил увечье — разрыв правого коленного сустава. Сам себя привез через линию фронта с огромными усилиями. Меня поместили в полевой госпиталь, где сделали заключение о том, что надо отправлять в стационар в Москву. Поскольку отряд был санитарный, то меня на санитарном самолете перевезли и поместили в центральную больницу НКПС. После лечения меня отправили в место моей мобилизации — город Сухуми.

Немцы подошли к перевалам. Организовался особый полк ГВФ. Я стал летать на перевалы по вопросам обеспечения войск питанием и вывоза раненых. Таких полетов я совершил 457.

В 1943 году командование направило меня в Баку, в летный центр. Окончив летный центр с отличием, я получил направление в Москву в правительственный отряд. Но семья моя находилась в Сухуми, я вынужден был проситься туда, и мне пошли навстречу с тем условием, что я буду выполнять правительственные поручения будучи в Грузинском управлении ГВФ.

В 1945 году 5 февраля мне было поручено выполнять полеты по обеспечению Ялтинской конференции трех великих держав. На борту находились высокие чины госбезопасности. За это я награжден орденом Красной звезды.

За мои боевые заслуги меня наградили двумя орденами Красной звезды и двумя орденами Отечественной войны 2-й степени и более 20 медалями.

Тамара Федоровна ВОРОНИНА

• *Ветеран Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 год.*

★ *Награждена медалью «За доблестный труд» в годы войны, за успехи в народном хозяйстве, за долголетний добросовестный труд.*

Я родилась в деревне Громово Кирилловского района Вологодской области.

Когда началась война, мне было 13 лет. Я только закончила шестой класс. Жила я в большой семье: у меня было шестеро братьев и сестер. Папу сразу же призвали на фронт, и мама осталась с нами одна. Так как я была старшая, все тяготы легли на мои плечи. Я вынуждена была думать о том, как поддержать маму. В 15 километрах от нашего дома находилась районная профессионально-техническая школа. Мне с подругами удалось туда поступить, чему мы были несказанно рады. Ведь пока мы учились, нас кормили горячим и выдавали по 300 граммов хлеба! Но хлеб я весь никогда не съедала — собирала всю неделю, а в субботу несла домой, младшеньким. Каждый день мы домой не ходили, только по субботам, так как школа была далеко.

Придя домой, я видела, как мама делит хлеб. Она давала каждому по маленькому кусочку. Самой мне хотелось есть до слез, но я терпела, ждала понедельника, чтобы пообедать в школе. А этот хлеб был для родных.

До войны у нас было свое хозяйство, но в военные годы у нас отбирали все: и молоко, и яйца. Если продуктов не было, нужно было их где-то доставать и обязательно отдавать. Я помню, как плакали мои голодные братья и сестры, а мама успокаивала их, объясняла, что еда нужна в Ленинграде, там люди тоже голодают.

Школу я окончила в 1945 году. Мне было присвоено звание мастера-настройщика гармоней.

Папа пришел после войны совсем больной, поддержать его было нечем. Так он и не поднялся, умер в 1947 году. Умерли и мой брат с сестренкой. Нас осталось пятеро. Жизнь становилась все труднее... Я уже повзрослела и понимала, что нам не выжить. И тогда я написала в Ленинград двум моим тетям письмо, в котором спросила, могу ли я приехать к ним, и они разрешили. Но пока папа был жив, уехать я не могла. Он был очень слаб. А в 1947, после его смерти, я приехала в Ленинград, поступила на заочное отделение при «Печатном дворе». Когда я закончила учиться, меня направили на фабрику «Светоч». Там я работала с 1947 года и до самой пенсии.

Поскольку из-за войны я закончила только 6 классов, позже мне пришлось поступать в вечернюю школу. Окончив ее, я поступила в Полиграфический техникум, где отучилась 5 лет. Параллельно с учебой я работала. Когда я училась на втором курсе, меня из переплетчицы перевели в старшего мастера цеха, а через два года назначили начальником цеха. С этой должности я не уходила уже до самой пенсии.

Выйдя на пенсию, я не сидела дома, в 1993 году начала работать в ветеранской организации и до сих пор там работаю.

Раиса Лавровна ГАМЕЗА

Сразу же после начала войны немцы оказались у нас, в деревне Безерево, недалеко от Новгорода. Тогда мне было 12 лет. Жили немцы в наших домах. Нашей семье повезло: наши «постояльцы» были довольно добрые, они нас не обижали. Правда, был один неприятный случай: как-то мой старший брат сел на стул, чтобы надеть коньки, а немец сделал ему замечание и выбил из-под него стул, чтобы тот знал, кто в доме главный. Матери это сильно не понравилось, и она пошла к коменданту, пожаловалась на немца и его наказали: положили в корыто и стали «чистить» железной щёткой для лошадей. Несмотря на доброжелательное отношение к нам — жителям, мы все-таки не могли дожидаться, когда нашу деревню освободят. Мы верили, что это произойдет скоро, так как знали, что недалеко от нашей деревни, в лесу, прятались партизаны.

После того как немцы стали отступать, партизаны пришли в деревню и остались у нас. Наша семья тоже некоторое время жила в лесу. Правда, иногда меня брала к себе соседка. Она жила одна, вместе с маленьким сыном. Но во время одной из бомбёжек её убили, а сын остался жив. Меня же взрывной волной отбросило в подвал, благодаря чему я и осталась жива.

Продовольствия в то время не хватало. Немцы забирали у нас кур, сено. Мы питались овощами, лесными ягодами. Бывало, наберёшь в лесу черники — и радуешь-

ся. Вот какое у нас было лакомство!

В 1945 году я со своей подругой и её мамой поехала на поезде в Ленинград. В пути произошла неожиданная встреча, которая повлияла на всю мою дальнейшую жизнь. Я встретила директора трудовых резервов завода «Светлана». Он дал мне номер своего телефона и адрес завода. Так я устроилась на это предприятие и проработала на нём всю свою трудовую жизнь.

Военное время я вспоминать не люблю — слишком больно становится, слез не остановить, как подумаешь, что пришлось вынести. Но если спросите, что помогло выжить в такое трудное время, я отвечу вам — это Бог. Благодаря ему и спасся мой брат, когда в окоп, в котором он спал, попал снаряд. Хотите — верьте, хотите — нет, его разбудил голос великомученика Пантелеймона, который сказал, чтобы он выбирался из окопа. Вот так он и выжил.

Марина Афанасьевна ГЕРАСИМОВА

Начало войны застало меня и мою семью в Ленинграде. Мы тогда жили на Литейном проспекте в доме № 46. Семья состояла из 5 человек: мамы, папы, сестры, брата и меня. Но из кольца блокады вырваться удалось только мне. За месяц до войны я устроилась на завод, а через пять дней после ее начала меня эвакуировали в город Черняховск, который располагался недалеко от Уфы. Меня поселили в общежитии. Без близких в чужом городе было очень трудно. Я не знаю, смогла бы я выжить, если бы в тот же город не приехала моя двоюродная сестра со своим ребёнком и мужем. Они взяли жить меня к себе, и вместе мы смогли пройти через эту войну. В одной комнате нас жило 7 человек. Но мы ни разу не поссорились и не поругались. На работе, дома и между соседями — везде царил мир. Все старались друг друга поддерживать. Я дружила с одной женщиной, которая всегда меня приглашала к себе переночевать. Она знала, что у нас народу много.

Сложнее всего дело обстояло с едой. Ленинградцам, которые остались в кольце блокады, приходилось, конечно, гораздо хуже, но и нам было нелегко. В начале войны сестра давала мне на работу небольшой кусочек хлеба. Но я съедала его, пока спускалась на первый этаж. Так прошёл первый год, лишь позднее нам стали давать что-то допол-

нительно. Иногда так хотелось есть, что мы вылизывали тарелки за теми, кто по карточке получил что-то еще, кроме хлеба. И я тоже всегда для других оставляла невылизанной свою. Спустя год мужу моей сестры дали небольшой участок земли с лесом — всего сотку. Лес мы выкорчевали и посадили картошку. Когда варили её, кожуру не снимали. А если и снимали, то потом отдельно жарили. Иногда приходилось ездить в совхозы за капустными листьями, чтобы было, что

есть, готовили суп из крапивы. Помню, сестра даже из сосновых иголок суп варила. Конечно, нам было легче, чем ленинградцам, потому что по карточке мы получали по 500—600 граммов хлеба. Но работы было много, на заводе трудились по 12 часов, а если что-то надо было сделать срочно — работали сутками. Я была комплектовщицей в инструментальном цехе, снабжала работой токарей, фрезеровщиков, слесарей. Работа была очень ответственная.

К войне мы оказались не подготовленными: из Ленинграда все приехали налегке, ведь никто не думал, что эта война затянется аж на 4 года. У меня с собой не было даже зимней одежды. Сестра тогда где-то купила мне старенькое пальтишко, которая соседка подогнала под меня. Позднее я стала носить вещи сестры, пока она сидела дома с маленьким ребёнком.

Рабочим иногда выдавали талоны на одежду. Один раз мне дали хорошие туфли, но уже в следующий раз я получила обувь на деревянном ходу, у которой подошва постоянно отваливалась. Приходилось носить с собой молоток и каждый раз ее приколачивать.

В то время я часто навещала свою подругу в Уфе. Она была татаркой и всегда встречала меня по-доброму. Мы ездили в Серлетамак, но так как в вагоны нас не пускали, ездить приходилось сидя на крыше поезда. В городе

мы всегда могли купить необходимые продукты, а в самые тяжёлые годы меняли свои вещи на картошку и прочую еду.

Но больше всего я боялась не за себя, а за свою семью, оставшуюся там, в далёком Ленинграде. Мне часто приходили от них письма. Мама писала, что они голодают, что маленький братик постоянно хочет есть, а купить еду было не на что. Писали о том, как приютили женщину, которая потеряла дом во время бомбежки. Особенно тронуло меня письмо, в котором написали о том, что их обокрали. Однажды сестра получила карточки, а в булочных хлеба не было. Решила она пойти на Кузнечный рынок. Пока дошла, карточки украли. Даже не заметила как. Пошла она домой, горько плачет. А навстречу ей женщина. Остановила её, спросила, что случилось. Узнав о том, что произошло, она отдала ей специальный пропуск и рассказала о том, что есть на Литейном проспекте место, где можно суп получить по нему. Она посоветовала взять кастрюльку побольше, но дала строгий наказ — не давать брату и матери съесть больше, чем четверть миски, иначе они могут умереть. Так, целый месяц моя сестра получила этот суп по пропуску, которым с ней подели-

лась та женщина. Мучительней всего для меня было осознать, что я ничем не могу им помочь. Денег было мало.

В то время в людях открывались самые тёмные стороны. Для того чтобы выжить, приходилось воровать. У меня, например, один раз масло растительное из рук вырвали. Так и вернулась домой без всего. Воровали и мы. Тогда сахара не было, забирали патоку с завода, которая помогало нам держаться. Многие погибали от холода и голода. Помню случай: пришли мы на завод, а за печкой парень мёртвый лежит. Он приходил сюда, чтобы погреться.

Но даже в такое тёмное время у людей оставалась надежда. А укрепляли нашу надежду сообщения, которые мы получали по радио. Когда мы слышали, что наши солдаты смогли отвоевать ту или иную территорию, сердца наполнялись радостью. Мы с новыми силами принимались за работу, хотелось жить и помогать друг другу. Также поддерживали меня и письма с фронта. Ещё до войны я познакомилась с одним молодым человеком, но мой отец был строг и не разрешал встречаться с мальчиками. Поэтому мы стали с ним переписываться. Письма мы друг другу посылали на протяжении 5 лет. Из них я узнала, что он пошёл в армию и стал солдатом, узнала о его достижениях и наградах. Каждого его письма я ждала с нетерпением, но однажды, в 1943-м, письмо от него так и не пришло. Вместо этого я получила извещение о том, что он погиб.

В 1945 году по радио мы узнали о том, что война наконец-то закончилась. Люди на улицах обнимались друг с другом и плакали.

Плакали от горя, от радости и осознания всего произошедшего с нами. Вся моя семья пережила это страшное время, всё было позади. Папа вернулся с войны, инвалидом правда, но главное — вернулся. Но по-настоящему я ощутила радость от окончания войны, когда мы праздновали

Новый год у нашей знакомой. Тогда уже появились продукты и не было того страшного голода. Там я и познакомилась со своим будущим мужем и позднее вернулась в город-герой Ленинград к своей семье, которую так и не сломили все лишения и горести блокадного времени.

Как моя семья выжила в то нелёгкое время, я до сих пор не знаю. Наверное, Бог помог.

Владимир Иванович ГОРБАЧЕВ

Родился 5 июля 1925 года, в селе Турово Серпуховского района Московской области. Мать, Вера Ивановна Горбачева, воспитывала 4-х сыновей. Отец умер в 1927 году. Братья: Геннадий — погиб в 1943 году на Калининском фронте, Анатолий — погиб в 1944 году на Волховском фронте, Сергей умер после войны. С 1932 года жил в Москве, где в 1940 году окончил 7 классов в 430-й школе. Затем поступил учиться в Авиамоторный вечерний техникум при авиамоторном заводе № 24, одновременно стал работать фрезеровщиком на этом заводе, по разрешению ВЦСПС, так как в то время в 15 лет не брали на работу.

В начале войны проживал в г. Москве, по адресу: Владимирский поселок, ул. Садовая, дом 44. 10 августа 1941 года во время бомбежки бомба упала прямо у дома, дом развалился. Мама была убита, а я — контужен и ранен. После больницы вернулся работать на завод № 24. В октябре-ноябре 1941 года принимал участие в эвакуации завода в г. Куйбышев. Затем работал на заводе № 828, где выпускали ППШ. За работу на заводах № 24 и № 828 и за участие в МПВО был награжден медалью «За оборону Москвы». В сентябре 1942 года по направлению райкома комсомола поступил учиться в Военно-морское интендантское училище, окончил его в 1945 году. В 1948-м окон-

чил 10 классов вечерней средней школы г. Выборга, одновременно учась на курсах офицерского состава. В 1945—1950 годах служил в ВМФ на хозяйственных должностях. В 1950—1954 годах учился в Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Затем служил политработником на корабле ЭОС «Сахалин». В 1959-м прошли Северным морским путем на Камчатку из Ленинграда, затем на нем обеспечивали на Тихоокеанском флоте испытание стратегических ракет и 1-й полет в космос Ю.А. Гагарина и второй полет Германа Титова. За что был награжден орденом Трудового Красного Знамени. После служил заместителем командира крейсера «Киров», начальником политотдела школы связи учебного отряда, заместителем начальника политотдела училища им. Ленинского Комсомола и секретарем парткома 23-го Государственного морского проектного института. В общем, прослужил в ВМФ с 1942 по 1979 год, а затем работал в этом же институте председателем профкома с 1979 по 1989 год.

Награжден 4 орденами и 24 медалями.

Воспоминание о начале войны

В начале войны я работал на авиамоторном заводе № 24 фрезеровщиком на зубонарезных станках (изготавливал шестеренки) и одновременно учился в авиамоторном вечернем техникуме при этом же заводе, было тогда мне 15 лет.

22 июня 1941 года по радио выступил В.М. Молотов, объявив о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину. Кончилась мирная жизнь и началась военная пора. 23 июня была объявлена мобилизация. Старший брат был призван на службу, в 1943 году на Калининском фронте он погиб, защищая Москву. Средний брат Анатолий погиб в 1944-м в воинском звании майора на Волховском фронте при окончательной ликвидации блокады Ленинграда. После выступления товарища И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года стало ясно всем, что нам предстоит борьба с фашистами не на жизнь, а на смерть. На работе все рабочие стали более сосредоточенными, серьезными и ответственными. Старались изготавливать

детали для авиационных моторов только высокого качества и без брака, оказывали друг другу помощь. Вскоре были введены продовольственные карточки, я тогда получал рабочую карточку, но по ней, конечно, не хватало продуктов для молодого парня, голодно было, и все время хотелось есть, поэтому уезжали под Москву в деревни, покупали и кое-что меняли на картошку, доставали в магазинах отруби и из них пекли блины (правда с землицей). Но ничего, с удовольствием уплетали, варили крапивный суп. Начались и воздушные тревоги. Вначале появились одиночные фашистские самолеты, а затем сразу несколько прорывалось на бомбежку города. Бомбили они, в основном, с большой высоты.

На этот раз самолет явно летел бомбить цель, недалеко от нашего дома были три огромных бака с каким-то горючим и от туда кто-то сигналил ракетой, указывая цель. Видимо, была попытка разбомбить эти баки, но бомба упала около нашего дома. Дом был разрушен. Мама была в доме и сразу погибла. Брата Геннадия завалило обломками, его от-

копали, он остался жив. Во время бомбежки я залез на крышу дома для осмотра, нет ли зажигательных бомб, что и спасло меня. После взрыва я пролетел с крыши дома метров 15 и ударился о землю, потеряв сознание. Пришел в себя, когда уже приехала скорая помощь, пытался встать, но опять потерял сознание. Я и не помню, как меня везли в больницу. Был контужен и ранен. Все это произошло 10 августа 1941-го вечером.

Из больницы я вернулся работать на свой завод № 24, но после бомбежки все время болела грудь, поэтому на работе закреплять детали на станках мне помогал брат Сергей (близнец, мы с ним в цехе № 19 работали). Он как бы меня подстраховывал. Я изготовлял тогда различные шестеренки на зубонарезных фрезерных станках. А завод беспрестанно работал день и ночь, выполняя фронтальные заказы. Воздушные тревоги продолжались, участились налеты самолетов на город. Иногда были дни, когда шла тревога за тревогой (по 5–6 в день), и это сбивало ритм работы на станках, так как мы вначале во время тревог уходили с завода в траншеи (рядом с заводом) по указанию сверху. Но тревоги, особенно в 8.00, 16.00 и 24.00, то есть во время пересменки рабочих у станков, вносили сумятицу. Ибо сразу две смены, встречаясь друг с другом, шли в траншеи. Но в конце концов рабочие отказались уходить и продолжали работать. Жизнь сама подсказала, как поступать. Вскоре у завода была развернута зенитная батарея. На заводе были организованы группы МПВО, которые строго следили за затемнением завода и каждого цеха. Зажигательные бомбы мы быстро научились обезвреживать — хватали специальными клещами и убирали в бочку с водой или в ящик с песком. Вскоре тревог стало меньше. Была усилена ПВО г. Москвы. Теперь, когда в небе ночью появлялся вражеский самолет, его сразу несколькими лучами прожекторов освещали и вели, пока он не улетит за пределы Москвы. Зенитные батареи стреляли по самолетам противника, стремясь его отогнать за город, ибо сбивать самолет в городе было опасно.

2 октября 1941 года началось первое наступление противника на Москву, а с 13 октября под Москвой разгорелись особенно ожесточенные бои. ЦК партии и ГКО приняли решение срочно эвакуировать часть цен-

тральных учреждений, весь дипломатический корпус и важнейшие предприятия и ценности. С 20 октября 1941 года в Москве постановлением ГКО объявлено осадное положение. В этот период мы пошли с братом на работу на завод, но по дороге нам встречающиеся люди сказали, что на предприятиях сегодня никто не работает, магазины открыты и можно из них брать все, что хочешь... Мы им не поверили, пришли на завод, а нам сказали, что завод готовится к эвакуации, надо

прийти завтра. Конечно, были и паникеры. Часть людей побежало на восток, кто-то не верил, что мы отстоим Москву. Но жители Москвы быстро дали отпор. Все знали, что товарищ Сталин в Кремле, и это укрепляло в нас веру в победу. На следующий день мы с братом пришли на завод, тут же нам объявили, что получен приказ об эвакуации завода в г. Куйбышев. Необходимо все станки снимать с фундаментов и грузить на железнодорожные платформы. В нашем 19-м цеху уже были подготовлены врубовые электроломотки, ломы, брусья, для того чтобы по ним катать станки к платформам. Рабочие были разбиты на бригады и начали выдирать из-под цемента тяжелые металлические станки. Это была самая трудная работа. Потом станки катили на брусьях и грузили на железнодорожные платформы днем и ночью. Ночью иногда приходилось прекращать погрузку станков, так как на свет фонаря у платформы сразу летел самолет врага, и приходилось выключать свет. В назначенный срок погрузили станки для отправки в Куйбышев. Рабочим предложили добровольно ехать с

заводом в эвакуацию. Мы с братом решили остаться в Москве, а если враг ворвется в город, то встанем на его защиту. 5 ноября 1941 года мы оформили перевод с завода № 24 на завод № 828, где работали фрезеровщиками, изготавливали детали для автомата ПГПИ. К нам приезжал Н.С. Хрущев и обращался к молодым рабочим (было нам тогда по 16 лет), чтобы быстрее освоили производство автоматов, так как их очень не хватает на фронте.

Очень сильные впечатления на нас произвело торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Октября на станции метро «Маяковская», и военный парад на Красной площади 7 ноября 1941 года. Это еще больше вселило в нас веру в победу. 15 ноября начался второй этап наступления фашистов на Москву под условным названием «Тайфун». Призывы ЦК партии и Московского комитета отстоять столицу и разгромить врага нашли отклик у каждого москвича и воина. Люди формировали народное ополчение, создавали боевые дружины, группы истребителей танков. Сотни тысяч москвичей работали круглосуточно на строительстве оборонительных сооружений. Всюду проявлялся высокий патриотизм, упорство в работе и непоколебимая уверенность в победе. Через ЦК ВЛКСМ мы пытались попасть в группу разведчиков или партизан, нам все время отказывали, отговариваясь, что все группы уже набраны, укомплектованы и что мы нужнее на заводе. Однажды, когда мы еще раз обратились в ЦК ВЛКСМ, нас отослали в Бауманской райком комсомола, а оттуда направили в Военно-морское интендантское училище: «Идите туда, год поучитесь и пойдете на фронт». Так мы и сделали. Уговорили на заводе, чтобы нас отпустили в училище, и началась курсантская военная жизнь. Чтобы мы, курсанты, не пытались сбежать из училища на фронт, нас для профилактики вывели во двор «Матросской тишины», зачитали приговор военного трибунала и на наших глазах расстреляли дезертира. Потом, конечно, мы втянулись в учебу, а там наступила и морская практика на кораблях Северного флота, где мы участвовали в боевых походах, за что я был награжден медалью «За оборону Советского Заполярья». Но это уже другая сторона жизни.

Лев Глебович ГОРБУНОВ

*Мои воспоминания посвящаю
70-летию со дня начала блокады
Ленинграда*

Я ИЗ ТЕХ, КОГО ПЕРЕЕХАЛА ВОЙНА

Я долго не мог сесть и написать все это — мои воспоминания. Многое помнить, как вы понимаете, я не могу. Потому что, когда началась война, я был слишком мал. Но из услышанного кое-что поведаю. Многое я пережил, многое видел, многое знаю из рассказов моей матери.

Для нас война начиналась звуками метронома из репродукторов — черных тарелок, и воем сирен с объявлениями по радио о начале воздушной тревоги или о начале артиллерийских обстрелов. Быстрые сборы, как правило, заранее заготовленных вещей, — и мы бежим в бомбоубежище. Постоянные сирены, бомбежки, окна накрест заклеены бумажными лентами ...Но ко всему привыкали, и уже никто не обращал на них внимания. Все занимались своими делами. Когда отбивал свой ритм метроном, все знали, что все спокойно, налетов нет. Но вот завывала сирена, и снова: «Воздушная тревога! Воздушная тревога! Всем спуститься в бомбоубежище!», и все с испуганными лицами говорили: «Война, война!» Что это такое, тогда я не понимал. Это потом «война» в моем детском мозгу отложилась отрывочными эпизодами.

Когда отключили электричество, не знаю. «Свет» связан у меня с неярким мерцающим огоньком коптилки и тем, как подрезали фитилек. Были тогда и свечи, но считались роскошью.

Кто-то подумает: «Что ты помнишь? Сколько тебе было лет?» Ответ один: ребенок может не запомнить и, почти наверняка, не запомнит лица людей, даже самых близких, но ужасы войны, ужасы катаклизмов в его память врежутся навсегда.

Когда началась Великая Отечественная война мне было 4 года. Когда выла сирена, возвещающая очередную бомбежку, наш дом трясло, и я помню, как мама с ужасом хватала нас с братом и бежала в бомбоубежище. Но так было первое время. А эти бомбежки были так часты, что потом, видимо, у матери уже не было сил куда-то бежать, и поэтому при объявлении очередной воздушной тревоги мы оставались дома. Мне запомнилось, что все это обычно происходило в темное время суток, и когда мы бежали в убежище, по небу скользили лучи прожекторов и слышен был завывающий гул немецких бомбардировщиков. Мы быстро научились различать звуки моторов наших и вражеских самолетов.

Жили мы в Ленинграде на Петроградской стороне, в центре города, на улице Блохина. В квартире был длинный коридор с двумя поворотами, и я запросто заходил в гости к соседям, пел песни. Часто они просили меня спеть «Золотые планки». Я и сейчас помню несколько строк: «Дайте в руки мне гармонь — золотые планки, парень девушку домой провожал с гулянки. Шли они — рука в руке...», дальше не помню. Жильцам нравилось мое пение, и они меня угощали конфетками. Это я очень хорошо помню. Правда, было это еще до войны, мне было тогда чуть больше 3 лет.

...Смотрю иногда на значок «Жителю блокадного Ленинграда» и наворачиваются слезы...Не знаю, как выжили тогда. Свой паек хлеба получали — и все, другого питания у нас не было. Помню, как я собирал на полу крошки хлеба, упавшие со стола. Иногда мама давала нам «дуранду». Эта несъедобная плитка состояла из жмыхов клея и соломы. Но в то время она казалась мне шоколадкой. Помню, как однажды ругала меня мама за то, что у девочки поменял эту самую дуранду на кость, которую та грызла с необыкновенным аппетитом.

Спустя много лет, уже после войны, проходил я как-то мимо магазина с непонятной тогда мне надписью «ФУ-РАЖ». В его витрине я увидел точно такую же плитку дуранды, но только очень большую, и попросил взвесить мне 100 граммов. Уж больно хотелось мне еще раз попробовать и вспомнить вкус этого «лакомства». Продавщица долго удивленно смотрела на меня, а потом вдруг сказала: «Ты что, мальчик? Мы продаем только килограммами». Пришлось

купить целую «плиту», цвет и вкус которой мне когда-то казался шоколадкой. Я отошел от магазина, отломил кусочек, попробовал и чуть не поперхнулся — так это было горько и невкусно. Потом мне объяснили, что магазин «ФУРАЖ» торгует только кормом для скота...

Из воспоминаний моей матери: «О качестве хлеба можно и не говорить. В его состав входила пищевая целлюлоза, хлопковый жмых (до войны использовался в топках пароходов), обойная пыль, вытряска из мешков, кукурузная мука и ржаная мука».

На вкус хлеб был горьковато-травянистый. Другие продукты по карточкам почти не отоваривались. Иногда, до ноября 1941-го, вместо положенных 25 граммов мяса на день выдавали на выбор яичный порошок или студень с отвратительным запахом.

Мама рассказывала, как от истощения после нескольких дней кровавого поноса умерла наша соседка.

Я помню, как однажды, выходя из нашего дома, мама указала мне на окно на пятом этаже и сказала, что из него только что своего ребенка выбросила женщина, и он разбился насмерть. На меня это тогда произвело огромное впечатление. Позже, после войны, уже будучи юношей, я опять услышал эту историю, но от соседской девушки Алики. Оказалось, что эта несчастная женщина — ее мать. В годы войны рассудок ее помутился, она сошла с ума и пыталась убить еще и дочь. Бросала в нее утюг, но та увернулась и убежала. После войны мать Алики долго еще прожила. Я видел ее не раз, иногда мы с ней здоровались. И каждый раз при встрече с ней я думал о смерти ее малыша... Представляю, как тяжело ей было жить с таким грузом воспоминаний.

Ленинградцы оказались зажатыми в темном холодном каменном мешке города. Есть было нечего. К голоду прибавились другие беды: мороз, доходивший до 40 градусов, отсутствие воды, тепла, света. Стоял транспорт, заводы, фабрики — электричество не подавалось. Мы сидели за

столом и глазами следили за руками мамы, ждали похлебки. Она что-то сушила, перетираала, нюхала и говорила: «Вот отличный табак». Этот табак на базаре у нее расходился быстро. Благодаря ему у нас была или одежда, или питание. С каждым днем есть хотелось все сильнее. Но несмотря на голод, мы никогда не просили кушать, видимо, понимая, что это ничего не изменит. От голода люди становились дистрофиками или опухали. Опухла и наша мама. К тяжело-му ее состоянию добавилась еще и цинга. Слава богу, от болезни и смерти ее спас наш дядя — инвалид, который находился на казарменном положении. Изредка ему удавалось добраться до нас, но он всегда приносил нам что-нибудь съестное.

Отец мой в первые дни войны ушел на фронт. Впоследствии мама получила извещение, что он воевал под Ленинградом и пропал без вести.

На улицах лежали замерзшие трупы людей. Случаи каннибализма были обычным делом в ту пору. Некоторые родители съедали своих детей. Моя тетя рассказала моей маме уже после войны, что ее соседка вырезала «мягкие места» умершей дочки, варила суп и ела его, приговаривая, как это вкусно.

Весной мать собирала молодые побеги сосны, варила нам отвары, и мы смогли избежать цинги. Главным лакомством для нас была баланда из крапивы. Все лето ушло на подготовку к зиме.

Мама водила меня с братом в детский сад или, как тогда говорили, очаг на Пушкинскую улицу. С объявлением блокады все сотрудники детсадов были переведены на казарменное положение. Это значило, что они должны были оставаться на рабочих местах 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. Здание садика было деревянным, но несмотря на то что этот район города часто подвергался массивным бомбежкам и артобстрелам, оно на удивление не пострадало. Нас бомбили несколько раз в день, и мы вместе с воспитателями и нянечками должны были каждый раз быстро бежать в бомбоубежище. В праздники нас выстраивали в шеренгу и давали по ложечке сгущенного молока. Это было счастье!..

Мать моя иногда дежурила на крыше, тушила зажигательные бомбы, которые немцы в огромном количестве сбрасывали на город. Эти бомбы, как правило,

небольшого размера, тушили в ящике с песком или просто сбрасывали во двор. Так прошла самая страшная в нашей жизни зима 1941 года.

Весна в 1942 году наступила рано. И жители, кто был в состоянии, выходили во двор скалывать и убирать лед и нечистоты, которые люди выбрасывали из окон. Хрупким женщинам пришлось доставать из-под снега и льда «подснежники» — прошлогодние трупы, которые всю зиму пролежали под снегом. Они грузили эти трупы на телеги и увозили на Пискаревское кладбище, где похоронено свыше 600 тысяч ленинградцев, умерших в дни блокады.

Немцы начали вести массированные налеты на город. Несомненно, их целью было посеять панику, создать неуверенность и сломить у людей дух и веру в нашу победу. Свидетельством этому служили листовки с предупреждением, которые фашисты сбрасывали на город. «Через каждые 10 минут будем бомбить», «Через каждые 15–20 минут будем бомбить», — было написано в них. И с немецкой пунктуальностью методично проводили фашисты свои налеты с указанными интервалами. К ноябрю налеты прекратились, так как начались сильные морозы: 40 и более градусов. Самолеты не могли летать, ибо суррогатный бензин замерзал в моторах. Немцы продолжали усиленные артиллерийские обстрелы, и жертв становилось все больше. Гибли люди и исторические здания и памятники.

Однажды в выходной день поздно вечером мы с мамой возвращались домой. Был прекрасный летний вечер. На площади, мимо которой мы проходили, спокойно гуляло множество народа. В небе был слышен гул самолёта. Когда мы отошли от площади метров на 200, раздался взрыв бомбы. Именно там, где мы буквально только что находились. Из окон посыпались стёкла. Как будто от дождя, а не от осколков разорвавшейся бомбы, мы спрятались под козырек крыши парадной. Я очень испугался и заплакал. Мама взяла меня на руки и, убедившись, что я цел, успокоила. Мы пошли домой... В этой первой бомбёжке погибло много людей. Очень хорошо помню, как однажды мы возвращались из «Очага», и при подходе к дому снова начался обстрел. Ночное небо разрезали прожекторы, выли сирены, где-то разрывались бомбы. Мы прижались, к какому-то дому, но солдат с винтовкой, размахивая прикладом, стал отгонять нас, говоря, что это самое опасное место, и стоять здесь запрещено. Мы медленно благополучно дошли до нашего дома.

В 1943 году нас эвакуировали, сначала везли по Дороге жизни через Ладожское озеро. Вереницей шли машины с умирающими от голода блокадниками. В автобусе, который нас вез, были выбиты все стекла. Сделано это было специально, для того чтобы в случае катастрофы люди могли спастись. Ладожское озеро таило в себе смертельную опасность. Весна была ранней и теплой, лед быстро таял. Летающие вражеские самолеты сверху обстреливали машины, шедшие по воде, которая покрывала лед. Чтобы не провалиться в воду, водителю нужно было умело обойти воронки от бомб. Мама впоследствии рассказывала, что дети, прижавшись друг к другу и к своим воспитателям, может быть, и не понимали всей опасности, которую чувствовали взрослые. И так в страхе, с большим напряжением, мы ехали четыре часа и, наконец, добрались благополучно на товарную станцию. Затем нас везли на поезде, в товарных вагонах. Наш состав попал под бомбежку. Поезд остановился, и всем приказали освободить вагоны и лечь... Трудно вам передать все ужасы, которые мы испытали в этом бесконечном пути. Женщины и дети, спотыкаясь и падая, бежали изо всех сил прочь от эшелона в спасительное поле. Некоторые из них прикрывали голову руками, как будто

это могло защитить от опасности. Самолеты летели так низко, что можно было увидеть летчиков: их лица закрывали огромные черные очки и шлемы. Гул самолетов заглушал пулеметный стрекот, но я явственно видел, как пули от пулемета поднимают фонтанчики земли. Я еще подивился тому, как ровно, будто под линейку, ложатся пули на обочине дороги вдоль железнодорожной колеи. Самолеты, улетев, вскоре развернулись и вновь прошли бреющим полетом над эшелонами, расстреливая вагоны. Я, словно за гипнотизированный, наблюдал за их маневрами: страха не было — лишь любопытство.

Путь наш в эвакуацию был долгим и неблизким. Нас постоянно перебрасывали с одного поезда на другой. Не помню уже, как мы оказались в Астрахани. Там на берегу какой-то речки в ожидании следующей поездки я, заигравшись, забрался в лодку. Она накренилась, и я упал в воду. Я испугался и стал громко кричать. Прибежала мама и вытащила меня из реки. К счастью, там было неглубоко. Но в воде я вымазался мазутом. Как сейчас вижу эти темно-синие круги у берега. Процесс отмывания был тоже не очень приятен.

Вскоре последовала очередная команда — посадка на теплоход. Народу на пристани было очень много. В этой толпе потерялся мой брат, который был старше меня на 4 года. Мама кричала, звала, но он не откликнулся. Вдруг мы увидели сандалий — его сандалий. Хоть что-то от брата! Мама продолжала кричать, а толпа вносила нас в теплоход, и сопротивляться было бесполезно. На пароходе — давка, мы с трудом протиснулись на палубу. Чтобы освободить место для людей, вещи выбрасывали за борт, прямо в воду. Я стоял, вцепившись в мамину руку, боясь шелохнуться, стиснутый со всех сторон обезумевшими от страха людьми. Слезы текли по моим щекам. Мама умоляла капитана задержать отправление теплохода, но он ее не послушал... Помню, как она кричала, как плакала, весь этот ужас! Но, слава богу, мой брат нашелся! Восторга моей матери не передать, когда какая-то женщина подвела к нам нашу «пропажу»! Женщина, видимо, услышала, как брат плакал, кричал, звал маму, и взяла его с собой на теплоход.

Вам, крысам, всё проще, беги да беги
 Туда, куда ноги уносят,
 А нам никуда не уйти от войны,
 И голод нас косит и косит.
 Но город не умер, он город-герой,
 И вот, вы, поверивши слуху,
 Сюда возвратились, неся нам с собой
 Поганую вашу желтуху.
 Вы начали рыскать, где только могли,
 Вы что-то уже находили.
 Что самое страшное всё позади
 Поверили мы и ожили.
 Мы столько тяжёлых потерь понесли,
 Нам столько страданий досталось,
 Теперь уж дождемся конца мы войны —
 Осталась самая малость.

С.А. Людвиголь

В советских учебниках, книгах и фильмах о войне подвиг ленинградцев называли беспримерным, что является абсолютной истиной.

Ленинград, где люди умирали в буквальном смысле слова на ходу, где трупы лежали повсюду — во дворах и на улицах, где умереть было легче, чем продолжать жить, в итоге все-таки выжил и победил.

Блокада была у нас одна на всех и у каждого — своя, со своей личной историей жизни и смерти.

Я уже далеко не молод, но память пронзительно жива, и я считаю своим гражданским долгом внести мои воспоминания в историю города. Война закончилась Победой. Память цепко хранит ужас жизни города в блокаду, навечно осталось чувство голода и холода и одновременно неизмеримой радости. Она застыла во мне. Так я до сих пор и хожу с ней. Это радость жизни.

Ольга Ивановна ГРИГОРЬЕВА

• *Ветеран труда, войны, жительница блокадного Ленинграда, ударница коммунистического труда*

1941 год. Началась Великая Отечественная война. Отец ушел защищать Родину. Я, 15-летняя девчонка, пошла работать на завод «Промет». (Сейчас, правда, его уже нет, территория перестроена.)

В 1942-м мы увиделись с папой. Раненым он вернулся домой. До сих пор хорошо помню, как он очень хотел увидеться со мной и с моими сестрами Зиной и Тamarой:

— Мать, а где наши дети?

Мы встали перед ним, он нас крепко обнял, расчувствовался. И мы были безгранично рады, что он вернулся к нам, хоть и раненый. Но счастье наше было недолгим. Вскоре он умер. Видимо, организм после ранения был настолько ослаблен, что не выдержал голода.

Мама осталась одна с тремя детьми. В то время существовал закон таких, как мы, эвакуировать, поэтому нам пришлось уехать в Казахстан. Хорошо помню грузовые вагоны, в которых пришлось долго трястись, и запах животных.

Когда мы приехали, то с мамой сразу же пошли работать. Перед работой нас накормили и просили много не есть — обещали кормить каждый час. После голодной жизни нам казалось это невозможным! Наше рабочее ме-

сто выглядело примерно так: большая подвесная крыша, под которой стояли длинные, сколоченные из досок столы.

В жарком Казахстане мы трудились на благо моего родного, любимого Ленинграда — мы готовили к отправке в город овощи. Я мыла картофель, морковь, очищала лук. Старалась делать все это тщательно, потому что знала, как дорога эта картошка и морковь, как нужны они голодающим ленинградцам. После мытья, по технологии, овощи нарезали кружочками, выкладывали на подвешенные рамы, обтянутые марлей, и просушивали на воздухе. Нашей (девочек) задачей, было вовремя переворачивать эти кружочки, аккуратно, только руками. А ребята должны были помогать мужчинам готовить тару — они сбивали ящики, в которые потом перекладывали сушеные колечки картофеля и моркови.

В Казахстане мы пробыли недолго. Через два месяца нас отправили на Алтай, в Барнаул. Снова пришлось ехать в вагоне для животных. Говорили, до этого в нем перевозили телят. В Барнауле мне пришлось работать на станкостроительном заводе табельщицей и в отделе комсомольской организации парткома. Видимо, со своими обязанностями

партийного лидера я справлялась очень хорошо, потому что, когда я хотела вернуться с мамой и сестрами в Ленинград, меня не отпустили. Пришлось остаться. До 1947 года я продолжала жить и работать в Барнауле, и все это время сердце мое рвалось в родные места, к маме и сестрам. Это были мучительные для меня годы. Я не выдержала и приняла серьезное решение: самовольно уехать в Ленинград. И сделала это! Конечно, мой поступок не прошел бесследно — меня исключили из партии. Для меня это было суровым наказанием. Мне уже 86 лет, а я до сих пор переживаю. Но я иначе поступить не могла: Ленинград звал мою душу.

Виктор Дмитриевич ДМИТРИЕВ

Я родился 9 мая 1919 года в г. Острове Псковской области в семье рабочего. У меня было еще три брата и три сестры: Надежда 1922 г. р., Анатолий 1925 г. р., Евгений 1929 г. р., Николай 1933 г. р., Зинаида 1935 г. р. и Александра 1937 г. р. В 1933 году, окончив 7 классов школы, я пошел работать в типографию городской газеты.

Первого сентября 1939 года был призван в ряды Красной армии в Ленинградский военный округ. С ноября 1939 года добровольцем участвовал в войне с белофиннами в должности старшины роты отдельного автобронетанкового батальона. Наш батальон прошел с боями от Белоострова до Выборга. По окончании финской кампании я был направлен в составе батальона в группу войск, освобождавшую молдавский народ от румынских войск. После этого проходил службу в Харькове. С 22 июня 1941 года батальон был доукомплектован личным составом и через три недели передислоцирован под город Жиздру Калужской области. В первые бои с немцами я вступил в качестве механика-водителя легкого танка БТ-26 (немцы называли его «рус-фанера»).

В результате авианалета немецко-фашистской авиации большая часть техники и часть личного состава батальона была уничтожена. Остатки батальона в составе

отступающих войск с боями дошли до подступов к Москве, где после переформирования вошли в состав 298-го пехотного полка подполковника Антоняна, входившего в 33-ю армию Резервного, а впоследствии — Западного фронта. До конца декабря 1941 года полк принимал участие в ожесточенных боях с противником. В день приходилось отражать по несколько атак гитлеровцев. Бойцы вступали в поединки с фашистскими танками, уничтожали их связками противотанковых гранат и бутылками с горючей смесью. Мне лично удалось подбить два вражеских танка. Хочу отметить, что, несмотря на очень тяжелое положение защитников Москвы, бойцы и командиры проявляли чудеса храбрости и отваги. Были, конечно, случаи трусости и паникерства, но они очень немногочисленны. Подавляющее большинство защитников Москвы было уверено в нашей победе и жертвовало своей жизнью ради нее.

Наши соседи по обороне — дивизия генерала И.В. Панфилова прославилась на всю страну подвигом своих бойцов у разъезда Дубосеково, где двадцать восемь бойцов ценой своей жизни уничтожили более 30 немецких танков.

В 1942 году меня наградили медалью «За оборону Москвы». В декабре 1941 года как кадрового старшину меня направили в военное училище в Шадринск. Пройдя краткосрочные курсы, я получил звание лейтенанта и был направлен на Карельский фронт командиром взвода разведки. На войне все происходит быстро. Через несколько месяцев я был назначен командиром стрелковой роты, а через три месяца командиром стрелкового батальона в звании капитана. По заданию командования батальон неоднократно ходил в глубокие рейды и тыл противника. Целью рейдов было уничтожение живой силы и техники, нарушение системы управления противника для изменения тактической обстановки в нашу пользу. В результате этих рейдов наш батальон разгромил фашистский норвежский батальон. В другом рейде батальон отрезал пути отхода крупных вражеских сил и нанес им серьезное поражение. В составе 2-го Белорусского фронта батальон участвовал в освобождении многих польских населенных пунктов, но наиболее трудным и запоминающимся стал штурм Гдыни. Бои были тяжелыми и кровопролитными.

За взятие Гдыни нашей дивизии присвоили звание «Гдыньская». Батальон, получив задачу по овладению Гдыней от командира дивизии, решил ее ожесточенной ночной атакой. В результате нескольких часов тяжелого боя батальон занял железнодорожную станцию, несколько кварталов города и сильно укрепленный форт. До нашей атаки дивизия стояла перед Гдыней 18 суток. За взятие Гдыни меня представили к званию Героя Советского Союза, но по неизвестным причинам

представление не осуществилось.

Уже после боя за Гдыню я получил третий орден боевого Красного Знамени. При наступлении на косу Фишгоф я был ранен, и разведчики под сильным пулеметным огнем вынесли меня с поля боя. Полтора месяца я пробыл на излечении в госпитале. После ранения в ногу врачи приняли решение об ее ампутации, но страх остаться в двадцать пять лет инвалидом помог мне преодолеть боль. Я категорически запретил врачу делать операцию. Тогда он обработал загноившуюся рану без анестезии, сделал перевязку и оставил меня выздоравливать под мою личную ответственность.

Хромота осталась на всю жизнь, но ногу я сохранил.

После госпиталя я вернулся в свой 731-й полк на должность начальника штаба полка. 9 мая 1945 года — ПОБЕДА!

Всеобщее ликование. Салют из всех видов оружия. Но для нашего полка война не закончилась. Большая

группировка фашистов на Датском острове Борнхольм отказалась капитулировать и продолжала оказывать сопротивление. Наш полк в составе советского десанта получил задачу на уничтожение этой группировки. Мы погрузились на военные корабли и высадились в порту Ренне. Фашистская группировка капитулировала только в июле 1945 года. Это и было для нас окончанием войны. Мои родные в городе Острове, мама Александра Алексеевна с тремя детьми, были посажены фашистами в тюрьму, а затем угнаны в Германию в концлагерь за то, что мой папа Дмитрий Кузьмич и мой брат Анатолий 1925 г. р. ушли в партизанский отряд. Маму с детьми освободили американские войска. Брат Анатолий погиб в Польше в 1944 году на 2-м Белорусском фронте.

После завершения боевых действий меня направили на учебу на высшие офицерские курсы «Выстрел» в Солнечногорск. Затем — служба в ГСВГ, полковой школе, в военкомате. 1961 год — по решению Н.С. Хрущева происходят сокращения ВС СССР на 1 200 000 человек. Я попал в число уволенных из армии. После армии более 20 лет проработал в Главзапстрое г. Ленинграда. За боевые заслуги Родина наградила меня 7 орденами и более 25 медалями.

Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает про войну. Мы победили не потому, что было легко, а потому, что защищали свою Родину и верили в справедливость своего дела.

Раиса Андреевна ДЯДЫК

Я думала, что лето 1941 года будет ярким, цветущим, как обычно на Украине. Придется с родителями выезжать на работу в поле, убирать пшеницу, полоть свеклу, собирать хлопок. Но в июне началась война, и наша деревня сразу оказалась в центре военных действий. В первые же дни нас начали бомбить. Помню, как в наш огород упал снаряд, вылетели все окна. Началась паника, все побежали в подвал прятаться, а я укрылась под кроватью, за ножку схватилась и думаю: «Вот здесь спасусь!». Но тут рвануло так, что меня выбросило на середину дома, а во дворе образовалась воронка. После бомбежки мы с подружкой побежали в центр. И только там оказались, как налетел самолет-двукрылка и давай строчить. Я еле успела добежать до ближайшего дома и спрятаться под ним. Лицо закрыла руками, стою, жду сама не знаю чего.

Наступила тишина, и я увидела страшную картину: у дороги стоит обстрелянная подвода с убитым мужчиной и лошадью, а за мостиком подруга лежит и кричит истошно. Оказывается, ей оторвало обе ноги. Я — к ней, стала звать на помощь, врачи вовремя подоспели, забрали ее. Но это было только начало...

Вскоре немцы вошли в нашу Андреевку. Все жители перепугались. Женщины боялись, что начнут издеваться над молодыми девушками. Поэтому моя мама измазала мне лицо сажей, надела свою старую юбку и спрятала меня в бочку за дверью. А немцы шли по деревне и кричали:

«Коммунист! Коммунист!» Вошли к нам, один открыл бочку, схватил меня за ворот, поднял, поставил, но бить не стал, а рассмеялся и говорит: «Киндер, киндер». Я трясусь, ничего не понимаю, но отвечаю: «Да, да».

А потом пришли другие немцы и стали забирать все продукты: вынимали рамки с медом из ульев, увозили виноград из колхоза.

Тогда мы жили в земляном доме. У нас было две комнаты. Одну, что получше, где висели красивые иконы, заняли фашисты, а нас — маму с пятью ребятами — загнали в другую. А потом и вовсе выгнали, а саму деревню сожгли. С ужасом я смотрела, как горели соседские дома, но, к моей радости, огонь почти не коснулся нашего, сгорела только боковая стена, а крыша осталась. Это была единственная уцелевшая хата. После того как фашисты разделились с нашим селом, нас погнали в степь. Куда именно и зачем, мы и не знали. По дороге кто мог убегал. Спасибо, охранники не стреляли. Все-таки были среди них те, кто нас — местное население — щадили. (А вот комсомольцев не жалели. Выводили к ветрякам и на глазах у родителей расстреливали. Слава богу, я догадалась закопать свой ком-

сомольский билет в огороде.) По дороге мы попали под обстрел, спрятались в канаве в степи и просидели там всю ночь. А утром видим: столбы от стрельбы положены, а из-за бугра идут наши солдаты. Вот радость была: «Наши, наши идут!»

А однажды немцы из карательного отряда спасли нас от набега румын. Да, было и такое... У нас в деревне стояли каратели. Все молодые, подтянутые. Вечером они уезжали, утром возвращались. Я заметила, что на столах у них никогда хлеба не было, а мармелад, выпивка, мясо — всегда. Как-то в нашу деревню приехали румыны на лошадях, все забирать начали. Мама пожаловалась одному «карателю», который знал русский, и он пообещал, что нас никто не тронет: «Не волнуйтесь, все будет нормально», — сказал и на дверях нашего дома написал «скарлатина». И действительно, к нам никто не сунулся.

Бывало, что немцы нас подкармливали — угощали хлебом, смазанным мармеладом. Только я никогда не брала угощение. Однажды пришли они к нам, а я от них бежать. А подруга мне кричит: «Рая, возьми, возьми!» Я послушалась ее, взяла бутерброд, но есть не стала, хоть и голодная была. Так и отдала ей. Потому что не любила их...

Хозяева стоят у разрушенного дома.

Фото: Леонид Доренский. 01.08.1941. Архив РИА Новости

А как мне было жалко наших солдат!

Как-то ночью нас разбудил стук в окно. Мы сначала ничего не поняли, а потом рассмотрели — во дворе стоит раненый солдат. Хорошо, немцев не было в тот момент.

Мама к нему вышла и говорит: «Сынок, куда же ты пришел? У нас ведь немцы стоят. Куда я тебя спрячу?» И сама его — быстро в сарай, сеном прикрыла. Я каждое утро и вечер украдкой от немцев носила ему еду и лечить пыталась. А так как ни лекарств, ни доктора не было, то приходилось пользоваться народными средствами — ягодами паслена. Мы их срывали и выдавливали на рану. За полторы недели ногу подлечили, и солдатик сразу же ушел. А как его звали и куда, так и не сказал.

Недалеко от нас была речка и мост. Не знаю, для чего, но туда завезли навоз и посадили на него человек 500 наших пленных. Видно было, что они так грелись. Я к ним бегала, носила вареную морковь и свеклу. Старалась

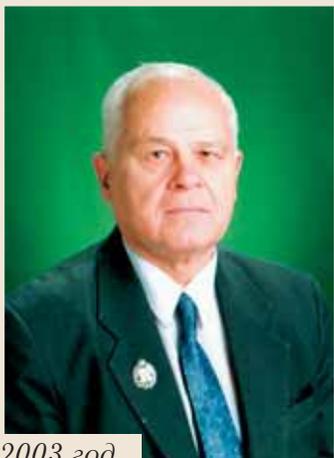

делать это осторожно, чтобы охранники не заметили. Но однажды все-таки меня засекли и плеткой так ударили по руке, что до сих пор шрамы видны. Но меня это не остановило, потому что очень жалко было этих людей.

Когда немцы нашу деревню освободили, я выучилась на тракториста и работала в поле. Трактор мой был полностью железный (даже сиденье), открытый. Мы пахали, сеяли пшеницу, которую в Ленинград потом отправляли. С 8 утра до 8 вечера была дневная смена, а потом начиналась ночная, но уже не моя. Пахали мы много, за смену — по 7 гектаров обрабатывали. Дождь, бывало, идет, все на тебя льется. Но работа мне нравилась, машину я знала очень хорошо, и сейчас отлично помню, что и где находится: и задний мост, и коробку передачи скоростей — все до ниточки, что куда цепляется. Часто ведь приходилось ремонтировать самой, проверять и тяжку, и коленчатый вал, и люфт, сливать масло, вынимать картер 12-килограммовый. Пятьдесят болтиков, бывало, открутишь, а потом завинчиваешь все до единого. Масло брызжет и в лицо, и на одежду. А в деревне воды горячей нет, не обмоешься... Я иду грязная с работы, но все равно захожу на танцы. У нас в деревне дом был, где мы плясали. А потом даже клуб сделали. Но нас не всегда туда пускали, старшие говорили: «Вам нечего тут делать!» А еще устраивали встречи то у нас, то у соседей, собирались, играли. Сами себя радовали, дух свой поддерживали, как в начале войны, когда к нам на окопные работы приезжали артисты. Помню, одна певица красивая такая была, с рыжими волосами, на машине стояла и пела: «Парень подходит. Нигде никого. Горькое горе встречает его. Черные трубы над снегом торчат, Черные птицы над ними кричат...» и так далее.

До сих пор хорошо помню эту песню. До сих пор плачу...

2003 год

Евгений Данилович ЕГИН

*Воспоминания о людях войны
и блокады*

Отец. Егин Даниил Афанасьевич (1906–1963)

Родился в многодетной крестьянской семье. Второй сын среди пяти братьев и двух сестер. Старший брат — Павел — прошел всю войну, был тяжело ранен и умер в 1945 году. Отец до начала войны работал в Мурманском траловом флоте. В мае 1941-го отец, мама и я поехали в отпуск к бабушке — Мавре Фарфоломеевне, в шахтерскую Макеевку, где жила и работала на шахте вся семья. Четверо старших братьев были призваны в армию (Иван — кадровый военный, погиб на Дальнем Востоке в начале войны). Сестры, младший брат Афанасий, внуки, сноха и бабушка были угнаны в Германию. Младший брат попал в концлагерь во Франции.

Начало войны

Дня за два до начала войны мы вернулись в Ленинград. Помню: воскресенье, жаркий солнечный день, ярко-голубое небо. Почему-то мы с отцом стоим на площади Труда. Отец держит меня за руку, мы слушаем радио, идет сообщение о начале войны. Так началась для меня война, как что-то тревожное: мы уже имели о ней представление, потому что помнили финскую войну, когда некоторые мои сверстники оста-

лись без отцов. (В то время мне было уже 7 с половиной лет.) На следующий день отец уехал в Мурманск, и мы увиделись только в октябре 1946-го, когда он приехал в отпуск, еще служа в армии.

Мама. Егина Мария Емельяновна (1909–1976)

С начала войны активно работала в системе местной противовоздушной обороны. В ее обязанности входили дежурства во время воздушных тревог и артобстрелов, патрулирование микрорайона и помощь жителям. Награждена медалью «За оборону Ленинграда». Мама меня спасла.

Бабушка. Евдокия Александровна Макеева (1884–1941).

Дед. Емельян Макеевич Макеев (?–1919). Умер от тифа.

Осталась бабушка с пятью детьми от 2 до 12 лет. Подняла всех. В нашем доме в 1941 году жили несколько бабушек. Они были удивительно оптимистично настроены, считали, что война скоро закончится (это были женщины с военным опытом: они пережили Японскую, Первую мировую и Гражданскую войны). Потому, когда объявили об эвакуации, они единогласно заявили: «Мы никуда не поедем. Пусть едут дочери с детьми. Мы останемся охранять квартиры». И остались. Навсегда.

Бабушка умерла утром 9 марта на руках у мамы и тетушки Антонины. Я плакал, не стесняясь, но недолго.

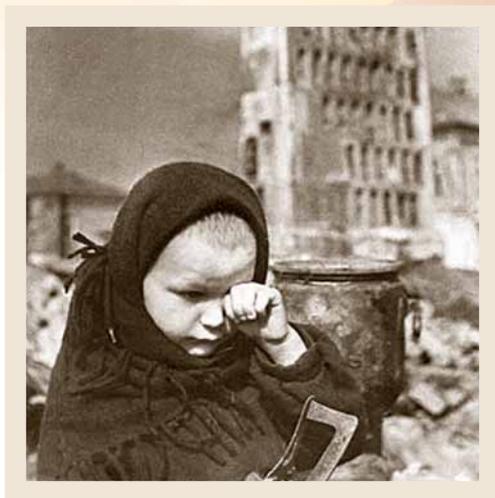
Мамины сестры

Средняя – Антонина (1911–1981).

Работница одного из оборонных приборостроительных предприятий. Награждена медалью «За оборону Ленинграда». Мама моего двоюродного брата – грудничка Севочки. Однажды привела меня к себе на завод в столовую и накормила своим обедом.

Севочка.

Был общим любимцем. Занималась им бабушка. Веселый, умный младенец. Был у него авитаминоз — головушка покрыта была болячками, которые чесались. Тетушка дала ему свою кровь, и болезнь прошла. Тяжело вспоминать, как уходит, тая, как свеча, малышок, который еще недавно прыгал у тебя на коленях. Плакал я горько, но тайком.

Осталось у меня чувство неприязни к тем старикам-немцам, ровесникам и постарше, которые с таким интересом посещали театры и музеи в Ленинграде после войны. А вдруг причастны?

Младшая – Анна (1914–1998).

Эвакуирована в августе 1941-го со своим проектным институтом в Омск. Мы туда же добрались с мамой в августе 1942 года.

Мамины братья***Старший – Константин (1902–1941).***

Знакомые говорили, что видели его на Лужском рубеже. Время было горячее — не удалось передать даже маленькую записочку. Но бабушка не верила, что он погиб, и ждала, что Костенька даст о себе знать, что живой.

Младший – Павел (1917–1941).

Я звал его ласково — Палей. Он пришел неожиданно, попрощаться. На лестничной площадке собрались и свои, и соседи. Все были взволнованы. В голосе Павла стояли слезы. На память он хотел подарить мне винтовочный патрон. Но я был патриотичным мальчиком, поэтому патрон мы положили обратно в подсумок. Больше Павла никто

3 «Б» класс, 1944 год

не встречал. Но осталась легенда. Кто-то слышал по радио, что рядовой Makeев с призывом «За Родину!» поднял в атаку своих товарищей. Бабушка, узнав об этом, сказала: «Павлуша мог! Мог!» Слышал своими ушами.

Остался сын Олег, который написал письмо Гитлеру (1945): «Гитлер, зачем ты убил моего папу?»

Девочки и мальчики нашего двора

Двор был «многодетным». Особенно много детей было в возрасте от 3–4 лет до 7–12. Гале Ершовой 6,5 лет. Ее сестре – 4. Римме Платоновой 8 лет. Вове Сизову – 8.

С Риммой мы учились в одном, первом, классе. Она была умненькая девочка и активная общественница. Когда я пропустил дня два учебы (было очень холодно), она

пришла к нам, спросила, почему не хожу, и сказала, что нечего дурака валять.

Это было в середине ноября 1941-го.

Первая эвакуация

Если не ошибаюсь, в июле была первая организованная детская эвакуация (увозили детей в возрасте 2—12 лет). Меня отправили с детьми работников фабрики Петра Анисимова (мама работала там прядильщицей до замужества). Собрали всех с провожающими в садике, затем довезли на трамваях до Московского вокзала. Разместили в пригородном составе и увезли, кажется, в Калининскую область, на озеро Селигер, может быть. На место добрались без приключений. Разместили в летних дачах. Пионерский лагерь! Чудная летняя погода, каждый день купания, отличное питание. Недели через две начали приезжать мамы за детьми, увозили их обратно в Ленинград: шли разговоры, что немцы наступают. Лагерь готовился к эвакуации на Урал. Приехала за мной и моя мама. Наняла лошадь с телегой и — на станцию километрах в двадцати. Опасались немецкого воздушного десанта. Вроде даже что-то померещилось: люди, перебегающие дорогу метрах в ста впереди. Но у страха глаза велики, как говорится. Зато земляники, которая густо росла по обочинам дороги, наелись досыта. На станции сутки ждали паровоза на Ленинград. Говорят, вез нас чуть ли не последний. Брата Олега его мама тоже вывезла в Ленинград. Добрались без приключений. Дома было славно. Бабушка, братик Севочка, тетушка Антонина, радио с песнями.

Песни начала войны

Конечно, «Священная война». В первые дни она исполнялась, где только возможно и как только возможно. Шли стройными колоннами добровольцы, почему-то без винтовок, и пели строевые песни: «Непобедимая и легендарная», «Стоим на страже всегда-всегда», «Украина дорогая, Белоруссия родная» и другие.

Певец Ефрем Флакс пел новые военные песни по радио. Кажется, он был в Ленинграде, но пел из Москвы. Очень мне запомнилась песня «Далекая застава».

После войны редко пели эту песню. Сегодня почему-то вовсе не поют. А жаль. Это ведь память тех лет.

По радио, кроме объявлений о воздушных тревогах и артобстрелах, передавались объявления о спектаклях. Помню, в театре комедии шел спектакль «Три мушкетера». А волшебный голос Марии Григорьевны Петровой знакомил нас с приключениями Карика и Вилли.

В октябре или начале ноября радио перестало работать. Город онемел. Вновь радио заработало лишь в начале февраля. Утром бабушка мне сказала: «Женечка! Радио заработало!» Мне все равно было кисло, я что-то пробурчал.

Выставка немецких трофеев

На площади у Госнардома (кинотеатр «Великан») были выставлены «Мессершмитт-109», армейский вездеход с большим количеством запасных колес по бокам, непривычного серо-зеленого цвета, а не хаки, как наши, и, если правильно помню, противотанковая пушка. Мы с мамой были на этой выставке (конец августа — начало сентября, похоже, уже после начала блокады). Самолет мне показался довольно большим: с застекленной кабиной, одномоторный, покрытый камуфляжной краской: зелено-желтой, почему-то больше желтого, может быть, он был переброшен из пустыни. Сравнить было не с чем: своих самолетов вблизи мы не видели. Машины — полуторка «ГАЗ» и трехтонка «ЗИС-5».

Первый день блокады — 8 сентября

Мы с мамой шли по Растанной улице домой с фабрики-кухни, где для Севочки получали питание. Голубое ясное солнечное небо. С юга идут 2 звена серебристых бипланов, с прерывистым, как у «Юнкерсов», звуком моторов. На наших не похожи. Сейчас подозреваю, что это и были

Сбитые немецкие самолёты.

Фото: Олег Кнорринг. 15.08.1941. Архив РИА Новости

транспортные «Юнкерсы», несшие в себе десантников, которых почему-то не выбросили. Мы с мамой — быстренько домой, без приключений. Там узнали, что Ленинград в блокаде. Что нас ожидает? Ничего хорошего, конечно.

Сгорели Бадаевские склады

Конец августа. Воздушный налет. Обстрелов еще не было. Западная часть неба закрыта сплошным густым черным дымом, яркого заходящего солнца из-за него не видно. Говорят, горел сахар. Потом, зимой, кто-то ходил на пожарище, ковырял расплавленную земляную массу, пытаясь его добыть.

Хлебная норма в два-три приема была доведена до героических: для детей и иждивенцев — 125 граммов, для служащих — 150 граммов, для инженерно-технических работников и рабочих — 250 граммов в

сутки. Карточки отоваривались каким-то количеством крупы. В небольшой кастрюльке в обычной круглой печке мама нам что-то варила.

Школа. Начало учебного года

Учебный год начался не 1 сентября, а 1 октября. В школе не топили, поэтому занимались мы на квартире у учительницы Антонины Тимофеевны. За большим обеденным столом собиралось нас человек 16: арифметика, письмо, чтение. 7 ноября был праздник, нас пригласили в 67-ю школу на Тамбовской улице. Поздравили, показали дрессированную овчарку с «Ленфильма» и угостили праздничным ужином: котлетой с картофельным пюре, кружкой сладкого чая и двумя половинками куска черного хлеба. Пюре съел, чай выпил. Хлеб с котлетой принес маме с бабушкой, которые улыбнулись и почему-то скормили его мне.

Таран Виктора Талалихина

В школе мы узнали, что над Ленинградом Виктор Талалихин срезал хвост немцу, пойдя на таран. Сам тогда остался жив. А немец упал в Таврический садик. Правда, посмотреть на обломки не удалось — далеко было идти. Но восторг был общим! Погиб Талалихин в 1943 году в Белоруссии.

В конце ноября, дня три я не ходил в школу, потом собрался снова. Мама с бабушкой пытались убедить меня, что на улице сильный мороз и школа не работает. Не убедили. Пошел. На улице синяя тьма. Ни души. Сугробы выше меня ростом. Пришел, поднялся, стучусь (звонки не работают). Из-за двери: «Кто там?» Отвечаю: «Я учиться пришел». В ответ: «Мальчик, иди домой. Школа не работает».

Собрали нас в школе лишь по весне, чтобы прикрепить к УДП — усиленному дополнительному питанию. Тогда я увидел, как через развалины домов между Воронежской и Боровой улицами идет девочка Галя Ершова и несет из столовой на Курской стакан киселя, покрытый ку-

сочком хлеба, для своей сестренки Люси. И никто не собирался на нее нападать и грабить.

Надо, наверное, отметить, что случаев хлебных грабежей ни больших, ни малых не было. По крайней мере, в нашем микрорайоне.

Осколок снаряда. Первый обстрел

10 октября, если правильно помню. Холодно. Около десяти градусов мороза. Идет снег-крупя. Мы с мамой опять на Растанной. Вдруг часа в два свист снарядов, дальние разрывы. Показалось, что вижу, как снаряд, теряя скорость, падает на дальние дома. Понял, что артобстрел. И быстро и благополучно — домой. Бабушка тоже зачем-то выходила на улицу. Рассказала, что чуть осколок в нее не попал. Рядом стукнулся в землю и закрутился, как волчок. И показывает его нам — еще теплый, с рваными краями, сантиметров 12 длиной, 2 — толщиной. Такой стресс был, что больше бабушка на улицу не выходила и вскоре слегла. Слечь означало умереть.

Вода. Дрова. Печка

Воду отключили во всех квартирах с началом блокады. Вода оставалась в прачечной во дворе и в кранах на улице. С морозами ее не стало. Брали воду из Обводного, вода была чистая.

Канализация не работала. Было ведро, которое выносили на помойку. Эпидемий не было.

На дрова разобрали чердак. Доски сперва покрыли негорючим составом, чтобы они не загорелись, если попадет бомба-зажигалка. Потом распилили. Пилили ножовкой и рубили на полешки для печки.

По вечерам собирались у печки, когда мама приходила. Бабушка считала, что у печки безопасно при бомбежке и обстреле — это место, которое остается, когда все стены вокруг разрушены. В убежище и в подвалы вскоре после начала бомбежек и обстрелов ходить перестали — «Двум смертям не бывать, а одной не миновать!» Накрывался

с головой одеялом и продолжал спать, если ночью. Считалось, что убежище — это потенциальная братская могила.

После первого обстрела в рамках вылетели стекла. Дыры заделали подушками. Не дуло.

Наш дом обстрелы пощадили.

Однажды ночью было слышно, как летит снаряд со свистом. До-летит — будет взрыв. Но его не последовало. Взрыв случился часа через два. На набережной Обводного канала дом, в который попал снаряд, рухнул. О жертвах разговоров не было, значит, успели вывести, а нас опять обошло. Сегодня там скверик между двух домов.

Вши

Появились в одежде и волосах: в голове посветлее, в одежде — серенькие. Появились неожиданно, по-видимому, от голода и грязи. Довольно обильное количество, особенно на срезах чулок. Пришлось уничтожать просто — давить пальцами. Мама согрела воды в кастрюле на печке и вымыла меня в тазу. Помогло.

Тревожная информация

О воздушных тревогах и артобстрелах узнавали по радио. Воздушная тревога объявлялась мужским голосом: «Говорит Штаб противовоздушной обороны! Говорит Штаб противовоздушной обороны! Воздушная тревога! Воздушная тревога!». Дальше завывала сирена и начинал отстукивать метроном. Налет заканчивался, звучала труба: сигнал «Слушайте все». Артобстрел также объявлялся, но какими словами, не помню.

Смерть Севочки и бабушки

Умер в феврале Севочка. Лежал на столе худенький, длиненький. Мама с тетушкой завернули его в простыню, положили на саночки, и мама отвезла его на Волково кладбище.

Похоронили в траншее № 2 братской могилы.

В марте умерла бабушка. Лежала на столе как живая. Мама с тетушкой завернули ее в простыню, положили на те же саночки, и мама отвезла ее на Волково кладбище. Похоронили в траншее № 5 братской могилы.

Сейчас мы с дочерью и ее детьми — Катей и Даниилом, и внучкой Сашенькой приносим цветы на могилы наших дорогих блокадников.

Рассуждения маленьких старичков

Мы с приятелем, таким же как я, шли мимо Анисимовки и рассуждали. У приятеля зимой умерла младшая сестренка, а мама осталась жива. «Это хорошо, что мама жива, будет другое время, мама родит еще сестренку».

Отъезд

Мы с мамой решили, что выжить еще одну блокадную зиму не удастся, несмотря даже на УДП. Поэтому решили уехать к младшей тетушке Анне, в Омск.

Оформила мама документы, и в двадцатых числах июня мы пришли на Финляндский вокзал. Сдав вещички в багаж, сели в пригородный поезд — и к Ладогe. На эвакуопункте мама получила хлеб и пшеничную кашу на двоих на 2 или 3 дня. Объялся, дурачок — запор. Хотя мама предупреждала.

По дороге на посадку на катер наелся остатков муки на перилах — диарея через некоторое время. Мама отошла оформлять документы, подошел милиционер в синей фуражке и сером плаще. Доброжелатели рассказали о моих проблемах и попросили меня забрать. «Товарищ милиционер, не надо меня забирать, мне уже лучше, а мама сейчас придет». И мама действительно вскоре подошла. Это меня спасло. Я напился крепкого чаю и заснул. Все это было уже на другом берегу Ладоги, за блокадой. Очень быстро поправился.

Идем с мамой вдоль вагонов товарного состава на посадку. Из дверей и окон смотрят как будто жи-

вые люди, а скорее, живые мощи. Кости рук и ног обтянуты кожей, глаза смотрят из глазниц черепов, обтянутых кожей. Страшно. «Мама, что это такое?». — «Блокадники», — отвечает мама. «Живые?». — «Да!».

Так закончилась наша Ленинградская блокада.

Вернулись мы из Омска в сентябре 1944 года.

Всматриваясь в блокадное прошлое, стараемся понять, как же удалось выстоять в этом смертельном кошмаре, как удалось победить, учитывая, конечно, и чисто военный фактор, военное искусство.

Лев Николаевич Гумилев рассматривает человека разумного как вид, в подсознании которого взаимодействуют два начала: инстинкт самосохранения и жертвенность (от простого сочувствия до самопожертвования). В экстремальных условиях одно из этих свойств подсознания преобладает. У блокадников жертвенность существенно перекрыла инстинкт самосохранения. И так победили!

Вспоминается октябрь 1944-го. Немецкие пленные «вкалывают» на улицах, на земляных работах. Холодно, снег. Пленный солдатик в летней шинели и легкой шапке поднял воротник. Лицо сизое от холода и ветра. Мимо идет наша ленинградская женщина в ватнике, платке, валенках. Что же она делает, проходя мимо немца? Она передает ему немного вареной моркови, картошки, свеклы. Похоже, что она сама пережила блокаду. Что такое ее поступок? Доброта, всепрощение, щедрость души? А может быть жертвенность, что победила блокаду?

Земной поклон Вам, жертвенно спасавшим нас, оставшихся в живых, как заканчивались все приказы Верховного Главнокомандующего: «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины!».

Василий Григорьевич ЗАВЕЩЕВСКИЙ

Я родился в 1930 году. Когда началась война, я закончил третий класс. Семья у нас была большая: 7 детей, мать и отец. Жили мы в весьма стесненных условиях. Отец работал дворником и, соответственно, семья наша была не из богатых.

Началась война. Мои старшие два брата уже были в армии, сестру направили работать на Дорогу жизни. Другой мой брат умер, как и отец, в начале 1942 года. И я остался старшим мужчиной в семье. Я должен был заботиться о маме и младших брате и сестре. Мама работала почтальоном, и ей каждый день приходилось преодолевать огромные расстояния, поэтому она очень уставала.

С чего для нас началась война? Во дворе своего дома мы вырыли окопы. Постоянно дежурили на крышах, чтобы вовремя гасить зажигательные бомбы.

В 1943 году я поступил на работу в Приморский промкомбинат в качестве ученика сапожника. По сути на промкомбинате мы лишь номинально числились. В основном нас отправляли на различные срочные работы: тушение пожаров, разборку и ремонт домов. Нас также посылали на работы в освобожденные от оккупации районы города. В общем, мы делали то, что было необходимо на тот момент. Все пять лет войны мы трудились, не покладая рук, с утра и до позднего вечера.

В этом же 1943 году по ходу работы я освоил специальность штукатура. Разбирая разрушенные дома и

ремонтируя еще сохранившиеся, попутно осваивал профессию. Я был способным учеником, поэтому мне легко это давалось.

В то время бомбежки и обстрелы для нас стали делом привычным. На крыше соседнего с нами дома стояли зенитные орудия. Немецкие самолеты летали очень низко. Я помню, как однажды встретился взглядом с одним из немецких летчиков. Он в небе, а я — на земле. Так мы и смотрели друг на друга, пока за ним цепочкой рвались бомбы.

Если говорить об ощущениях, то я как-то не боялся, что меня убьют. Вернее, даже не задумывался об этом. Другие заботы были. И их было немало: надо было и за домом следить, и все работы добросовестно выполнять.

Всю войну я провел в Ленинграде, на Петроградской стороне. Поэтому хорошо знаю о всех испытаниях и тяготах, которым подвергся тогда каждый ленинградец.

В первые два года войны я не ходил в школу, тогда было не до этого. Начиная с 1943-го, я стал учиться по вечерней системе. В 1944 году меня, как и многих школьников, наградили медалью «За оборону Ленинграда».

Война была страшным испытанием для нашей семьи: отец умер, один брат погиб на передовой, второй попал в плен. Он работал топографом на границе. В первые же дни войны его схватили немцы. Счастье, что он вернулся к нам живым в конце войны. Отца мы похоронили в 1942-м. На могиле мы оставили табличку, но потом кто-то ее снял, и теперь, к сожалению, найти место захоронения отца невозможно. Грустно и тяжело вспоминать об этом.

Евдокия Ивановна ЗАЙЦЕВА

Я родилась в Тамбовской области, в селе Подгорное. Жили мы плохо, а когда началась война, стало и того хуже. Мама умерла в возрасте 45 лет, отец был инвалидом. Кроме меня, из детей в семье был еще мой маленький братишка. Нужно было как-то поддержать родных, поэтому я решила поехать в Омск, где жил мой дядя со своей семьей. Он не раз меня приглашал. В общем, я собрала вещи и поехала. Это было в январе 1942 года. Но прожила я там немного. Со временем стала думать, что мне делать дальше. Ехать обратно домой? В то время немцы как раз подходили к Тамбову. И возвращаться мне не было смысла, да к тому же это было опасно.

Мне было уже 18 лет, и я решила устроиться на работу. В Омске тогда работал эвакуированный из Ленинграда завод «Прогресс», который занимался выпуском военной продукции для фронта. И я устроилась туда работать токарем.

Работали мы, конечно, много... По 12 часов, без выходных, в две смены. Бывало, стоишь за станком и засыпаешь. А если вдруг станок сломался, и тебе нужно ждать, пока его отремонтируют, то сразу присаживаешься рядом с ним, чтобы хоть чуточку подремать.

После того как я устроилась на работу, я перебралась в общежитие у завода. В комнате нас было 40 человек. Места было мало, поэтому поставили для нас двухъярусные кровати, такие же как в тюрьме. Но в тесноте, да не в обиде, как говорится.

Еду мы получали по карточкам, выдавали ее в заводской столовой. Мы получали крупу, сахар и немного масла. Ну что там было в этих 700 граммах?! Так бы сразу все и съела! Но приходилось растягивать. Жили плохо, конечно. Война есть война. Но мы и веселились иногда. Бывало, найдем за буханку хлеба баяниста какого-нибудь, соберемся, песни поем, танцуем. Танцы довольно часто устраивали. Девчонки есть девчонки. Радости-то всем хочется, несмотря даже на то что война.

На «Прогрессе» я работала с февраля 1942-го и до конца войны. А в октябре 1945-го завод вернулся в Ленинград, и я поехала вместе с ним. Многие омичи (жители Омска), работавшие на заводе в годы войны, приехали сюда, как и я.

Здесь, в Ленинграде, завод был почти разрушен: цеха были разбиты во время бомбежек. В первую очередь мы занялись восстановлением этих цехов. Нас, молодежь, посылали на самые разные работы: мы и снег чистили, и лед долбили, и камни перетаскивали. В общем, выполняли самую разную, самую тяжелую работу.

За всю свою жизнь я больше нигде и не работала — самой пенсии трудилась на заводе. Годы войны я не забуду никогда. Но как бы трудно нам ни было, мы все-таки выстояли и победили.

Ольга Николаевна ИВАНОВА

Я была направлена на военный завод № 397 в город Дзержинск 16 августа 1941 года. Родом я из Горьковской области. Вместе со мной в Дзержинск приехали еще 43 девочки. Мне тогда было 14 лет, а самой старшей из нас шел шестнадцатый. У нас даже паспортов еще не было.

Завод был страшно грязный — химическое производство. Дышать было совершенно нечем, поэтому почти все время мы ходили в противогазах. Мы изготавливали порох, работали на штампах и укладывали снаряды в длинные ленты.

Иногда бомбили Сейму — хлебопекарный завод. После бомбежки неделю мы почти ничего не получали, никакой еды. А в столовой крапива да вода — вот и весь обед.

Город был очень страшный, грязный, задымленный. Работали мы сутками, не было даже сил ходить в общежитие. Просили начальника, чтобы он нам разрешал спать прямо на заводе. Мы приносили коробки в кладовку и по очереди в них спали, потому что останавливать производство было нельзя. И на обед ходили тоже по очереди.

Белья и верхней одежды нам не давали. Так что приходилось ходить в протертой грязной фуфайке. Не выдали нам и теплых штанов, хотя мы очень просили. Поэтому зимой, в морозы, ходили в юбках.

Я помню, что очень часто умирали узбеки, работавшие с нами на заводе. На обед давали 200 граммов

хлеба, а они его продавали, все деньги копили, неизвестно зачем. А на воде разве долго проживешь? Вот они и умирали от голода. Но мы у них покупали хлеб. Потому что больше-то есть нечего было.

Не было ни нормальной еды, ни одежды. В столовой — сплошная антисанитария. Четыре наших девочки, мои подруги, умерли от дизентерии. Такие вот у нас были условия труда. Тяжело нам было, что тут скажешь. Но молодость-то берет свое. Работали, ведь это было необходимо. Когда сестра прислала мне письмо, что мои братья погибли на фронте, так у меня внутри все как будто оборвалось. Я и есть не хотела, и спать не мог, все бы работала, день и ночь, чтоб только война побыстрее кончилась.

Всю войну я отработала на заводе. В 1945-м нам сообщили, что мы все поедem в Ленинград. Я ответила: «Мы такие ободраные, грязные, вшивые! Нас не примут!», на что мне сказали: «Примут. И там оденут, а мы ничем вам помочь не можем: ни одеть, ни накормить вас нам нечем».

Вот такие мы и приехали: в рваных фуфайках, грязные. А ведь мы уже были девушки, нам хотелось выглядеть красивыми. Нас отвезли в баню, вымыли, выдали новое белье и одежду. Дали такие курточки хорошие, мы в них даже в кино ходили.

Недалеко от места, где нас поселили, находился кинотеатр, и там всегда было много военных. Мы ходили мимо них и отворачивались, чтобы никто нас не видел. Стеснялись. Ведь одеты были как попало: одежда не нашего размера, а намного больше, ботинки — как лапти на ногах. А в кино-то охота сходить. Придем в кассу, спрашиваем: «Можно?», и нам отвечали: «Конечно можно! Девочки, не стесняйтесь!».

В Ленинграде мы работали на подсобных работах. Нас даже в Карелию посылали на лесозаготовки. Не одних, конечно. Отправили с нами двух мужчин — потому что одни бы мы не справились. Они нами руководили, а мы грузили дрова на машины. Но там мы жили недели две, не больше. Куда нас только не направляли, везде успели поработать!

Потом, так как у нас был опыт работы в химической отрасли, нас направили на химический завод. Мы стали трудиться в огромном цеху, где тоже производили порох.

До 1988 года я проработала на заводе. Правда, не все время в этом цеху. Поскольку производство было вредное, и мы работали в противогазах, у меня начало сильно подниматься давление. И потом меня перевели в цех, где производились целлюлозные игрушки.

Военное время вспоминать сейчас, конечно, тяжело. Было трудно, сильно уставали, голодали... Но народ был сплочен общей целью — быстрее прогнать фашистов и победить в войне, поэтому все трудились изо всех сил.

Игорь Николаевич и Галина Болеславовна ИЗОТОВЫ

Воспоминания Игоря Николаевича

Прошло уже почти 70 лет с того рокового для всех нас дня — 22 июня 1941 года. В памяти остались лишь — штрихами — основные, в какой-то мере главные для меня, наследовавшиеся с того времени события. Расскажу о них так, как я в то время их воспринимал.

22 июня почему-то, к моему неудовольствию, не было утренней воскресной юмористической передачи. Играю с ребятами во дворе. Кто-то сообщил: Молотов по радио сказал, что на нас напала Германия. Наша реакция основывается на последних кинофильмах: «...и на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом».

Мне 14 лет. Живу с матерью (44 года), отцом (46 лет) и сестрой матери (тётя Рая, 40 лет) на Большом проспекте Петроградской стороны, недалеко от стадиона Ленина. Дом-колодец, у нас три комнаты в десятикомнатной квартире.

В первые дни после объявления войны отец (старший лейтенант запаса, воевал ещё в Первую мировую и Гражданскую) ушёл на фронт, оставив нам аттестат на получение его оклада (700 рублей). Мать в это время не работала (она — бухгалтер), тётя Рая — переводчик в «Ленэнерго».

Дальнейшие события не берусь точно датировать.

Заклеили окна полосками бумаги крест-накрест, чтобы стёкла не разлетелись при бомбардировке; повесили тёмные шторы. Получили продовольственные карточки. Город бомбили, но ближе чем за полкилометра от нашего дома бомбы не падали. Помню, что был разрушен «Печатный двор» — на улице валялись разодранные книги. Открыли чердаки, чтобы бороться с зажигалками (на моей памяти в наш дом они не попадали); играем на чердаках в прятки, бегаем по крыше.

Начало сентября. Горят Бадаевские склады — дым виден из окна.

В школе просят принести глубокие тарелки. Значит, нас как-то организованно кормили (чем и как, не помню). В школьном буфете можно купить лепёшки из соевых отжимок (шрот).

Зима. Не работают водопровод и канализация. На Большом проспекте против нашего дома под землёй прорвало трубу. Вытекающая вода, замерзая, образовала купол с отверстием сверху. Через это отверстие черпаем воду. Все отходы выбрасываем и выливаем через кухонное окно во двор.

Декабрь. От отца давно не было писем. Получаем «похоронку». Дословно: «Извещение. Ваш Изотов Николай Ильич в боях за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был ранен и умер от ран в 1941 г. Похоронен на кладбище ст. Мельничный Ручей Всеволожского района Ленинградской области. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии. Подписи: начальник полевого подвижного

госпиталя, военком, зав. делопроизводством».

На класс в школе дали три билета в Пушкинский театр на спектакль по «Трёх мушкетёрам» (артисты единственного оставшегося в Ленинграде театра — Музкомедии), после спектакля обещают накормить обедом. Билеты получили: бесплатно я (сын погибшего) и мой друг Эдик Соколов (сын солдата), Вова Ушаков заплатил пять рублей за билет (почему-то вспоминаю такие цифры лучше, чем даты). Эдик живёт недалеко от меня. Идём вдвоём пешком с Пе-

троградской стороны в театр (за Екатерининским садиком). На пр. 25 Октября (Невский пр.) дома с разрушенными стенами перекрыты полотнищами с нарисованными окнами. В театре действительно после спектакля покормили обедом.

Тётя Рая переведена на казарменное положение. Однако в январе 1942 года возвращается домой больная — воспаление лёгких, организм ослаблен голодом. Через несколько дней умирает. Тело, завёрнутое в простыню, на санках отвозят к больнице Эрисмана. У нас до конца месяца остаётся лишняя хлебная карточка. Зима, мы с матерью вечерами при коптилке лежим одетые в кроватях под одеялами и слушаем патефон. Запаса пластинок хватает часа на полтора, затем всё повторяется. Что-то едим, что — не помню. Помню, что чай пили с солью вприлизку.

Дома денег почти не осталось. На улице по просьбе случайного прохожего продаю ему кусок хлеба (за 14 рублей; наверно, продешевил, но у него больше не было). Не-

ожиданно приходит почтальон и — чудо, приносит денежный перевод, оклад отца за четыре месяца.

Апрель. Оставшиеся в живых жильцы дома вышли на расчистку двора. Ломами раскалываем лёд с нечистотами. Расчищаем улицу. Вскоре по ней проходит первый трамвай.

Воспоминания Галины Болеславовны

Блокадные картинки

С самого начала блокады я, тогда ещё совсем маленькая, оказалась в детдоме. Хотя наш детдом в первую очередь предназначался для детей школьного возраста, но было в нём и две дошкольных группы. В одной из них я и была, потому что в этой школе училась моя старшая сестра, а детей из одной семьи не разделяли. Наш детдом находился в помещениях бывшего училища правоведения, что располагался на набережной Фонтанки, как раз напротив Летнего сада.

Первая зима осталась в памяти тусклым огоньком лампадки в бомбоубежище. Этот огонёк почти ничего вокруг себя не освещал, не разгонял окружавшую нас тьму, поэтому обычно я старалась устроиться рядом с какой-нибудь нянькой спать. Чем ещё могла заняться маленькая девочка, чтобы скоротать длинные часы в подвале?

А весной, когда стаял снег и чуть-чуть отогрелась земля, нас — детдомовцев — стали выводить на Марсово поле. Но не просто на прогулки. Мы копали землю, устраивая нечто вроде грядок, и сеяли что-нибудь съедобное. Устраивали собственный огород, чтобы хоть как-то разнообразить скудный стол.

С того времени две ярких картинки навсегда остались в памяти.

Первая — это тоненькие зелёные петельки только что взошедшего лука-чернушки. Это были буквально ниточки, на кончиках которых ещё иногда оставались бисеринки семенных шкурок. Едва лук подрастал, нам разрешалось его аккуратно выдёргивать, чтобы потом съесть. Тогда он казался нам очень вкусным.

И вторая картинка — она тоже связана с нашим детдомовским огородиком. Когда приходим мы на наше Марсово поле, к нашим с огромным трудом и надеждой возделанным грядкам, а перед глазами открываются ямы взрытой земли. Нет ни грядок, ни столь ожидаемых всходов — только огромные воронки, оставшиеся от ночной бомбёжки... И огромное детское разочарование. И упрямство — всё равно мы снова вскопаем и посадим, и вырастим! Ведь и наши родители делают всё, что могут. И мы, сколь бы маленькими ни были, тоже будем делать всё, что можем.

Минута памяти (зарисовка)

27 января

Самая обычная комната в обычной квартире обычного дома. Где-то на северной окраине Санкт-Петербурга.

Пожилая женщина поворачивает ручку старенького однопрограммного приемника. В комнату вбегают девчушка лет семи.

— Баба Оля, я все сделала. И у родителей поставила, и у себя! — девочка явно гордится выполненным делом. — И принесла тебе зажигалку.

— Спасибо, солнышко, — женщина берет у ребенка зажигалку и гладит внучку по темным кудряшкам. — Ступай к себе.

Девочка убегает из комнаты. Женщина неловко чиркает зажигалкой раз, другой, наконец ей удается зажечь приготовленную свечу. Тогда женщина гасит в комнате свет и со свечой идет к окну, ставит свечу на подоконник.

Радиоприемник провозглашает семь часов вечера и умолкает. Женщина смотрит на чужие окна. Вот еще в одном окне погас свет и появилась свеча, и еще, и еще. Одно за другим гаснут окна и зажигаются свечи. В радиоприемнике раздается стук метронома.

Тук... тук... тук... тук...

Одинокий прожектор шарит лучом по небу, старательно ощупывая каждую тучу.

Прожектор шарит лучом по небу, старательно ощупывая каждую тучу. К нему присоединяется второй, и вдвоем они тщательно исследуют каждую пядь неба, стараясь как можно раньше обнаружить маленькие черные точки, несущие с собой смерть.

В этот раз первой раздается предупредительная сирена, и лишь после звук моторов. Оленька бежит к своей кроватке, хватая любимого игрушечного мишку и подбегает к двери. Старый замок не поддается детским ручонкам, тугой, да и высоко очень для такой маленькой девочки. Оленька, стараясь не заплакать от страха, кладет мишку у порога, бежит на кухню и тащит к дверям табуретку, забирается, и замок наконец поддается. Девочка хватая игрушку, старательно прикрывает за собой дверь и изо всех сил бежит вниз по лестнице. Ей надо преодолеть четыре этажа и потом еще одну крутую лестницу в подвал, в котором оборудовано бомбоубежище. На втором этаже она обгоняет старичка, который только выходит из своей квартиры. Не задерживаясь, девочка несется дальше, пока не оказывается в подвале, сыром, затхлом помещении, в котором плотными рядами стоят скамейки и стулья. Добравшись до нужной скамейки Оленька садится, крепко прижимая к себе мишку, и начинает ждать маму. Это самые тяжелые минуты в ее пока еще небольшой жизни — ждать маму. Бывают и другие тяжелые минуты, это когда хочется есть. Но это не так страшно. Потому что когда придет мама, она обязательно накормит.

Мама задерживается, и Оленька начинает беспокоиться. Гул моторов слышен уже где-то совсем близко, и девочка начинает тихонько хныкать. Вокруг люди сидят на своих местах, тихо переговариваются друг с другом, и никому нет дела до маленькой одинокой девочки, которая очень боится за свою маму. В убежище спускается старичок со второго этажа. Он ищет место, где ему сесть, и видит свободное место рядом с Оленькой.

— Здесь мама сядет! — вскидывается девочка, сажая мишку рядом с собой на свободный стул, и старичок покорно идет искать дальше.

А вот и мама! Оленька радостно подпрыгивает и машет маме рукой. С мамой можно не бояться, доста-

точно просто крепко прижаться к ней, и можно спокойно слушать, как где-то рвутся бомбы.

После налета мама ведет Оленьку домой. Девочка терпеливо ждет, пока мама сварит постный супчик из тонкого ломтика хлеба и травы, набранной в ближайшем парке. Оленька любит такой травяной супчик и может съесть хоть две тарелки, но всегда отдает вторую тарелку маме. Она очень гордится тем, что мама у нее — директор детского дома.

— Моя мама — самая главная из всех мам! — торжественно хвастается она всем, кто готов ее выслушать. — И самая лучшая, — добавляет она с нежностью.

У Оленьки есть подружки во дворе, но с некоторых пор девочки видятся только по делу — они постоянно заняты взрослыми делами: стоят в очереди за хлебом, ходят в парк за травой. Здесь Оленька главная — мама научила ее, как правильно выбирать траву, из которой можно сварить суп или потушить на второе. А еще девочка потихоньку от родителей, помня последнюю очень голодную зиму, запасала траву на зиму. Она набирала травы больше, чем требовалось для еды, и сушила у себя под кроватью, а потом складывала в коробку с игрушками.

— Коровы едят сено и дают вкусное молоко, — рассказывала Оленька своему мишке. — Так и мы будем зимой варить супчик из сена. И больше не будем голодать. А еще осенью вырастут грибы, и мама научит меня их искать. Грибы мы тоже будем сушить. Их тоже можно есть сушеными. Я и тебя угощу, а пока поспи, чтобы есть не хотелось. — И девочка заботливо укладывала игрушку в коробку на уже высушенную травку.

И так шел день за днем. Изю дня в день Оленька подметала комнату, ходила в парк за травой, выстаивала длинные очереди за хлебом. И каждый день приходилось прятаться в подвале. И каждый раз девочка сходила с ума от беспокойства за маму. Бывало, что мама не появлялась в подвале, она пережидала бомбежку где-то в другом убежище, тогда Оленька после отбоя тревоги приходила домой в слезах. И когда мама возвращалась, девочка подбегала к ней, обхватывала за колени, крепко прижималась

и долго не отпускала маму. Это были очень счастливые мгновения.

Лето пролетело быстро, осень еще быстрее. Оленька радовалась, что маме, как директору, давали чуть больше хлеба, чем старичку со второго этажа. Еще Оленька радовалась, что ей удалось за лето засушить много-много травки, получилась туго набитая наволочка. И грибочков засушили целый молочный бидончик. Девочка считала, что этого хватит на всю зиму, и гордилась собой, потому что понимала, что это она столько насобираала. Если бы она была чуточку взрослее, она могла бы уходить дальше от дома и набрать еще больше!

Когда с деревьев облетели все листья, ходить в парк стало незачем, травы больше не было. Но Оленька по-прежнему после хлебной очереди шла в парк и тщательно обходила каждое дерево в поисках запоздалых грибов. Однажды она увидела целую грибную семейку в развилке ветвей, но слишком высоко, чтобы достать. Оленька запомнила дерево, чтобы потом привести сюда маму, но судьба повернула по-своему. Тревожная сирена застала девочку далеко от дома, но Оленька была уже большой девочкой. Она, хоть и испугалась, но не заплакала и быстро побежала к дому, стараясь дер-

Красноармеец проводит занятия с населением города по обезвреживанию немецких зажигательных авиабомб.

*Фото: Александр Красавин.
Архив РИА Новости.*

жаться левой стороны улицы, как учила мама. Свист падающих снарядов раздавался совсем близко, после каждого разрыва девочка втягивала голову в плечи, словно это могло помочь ей защититься от взрывов.

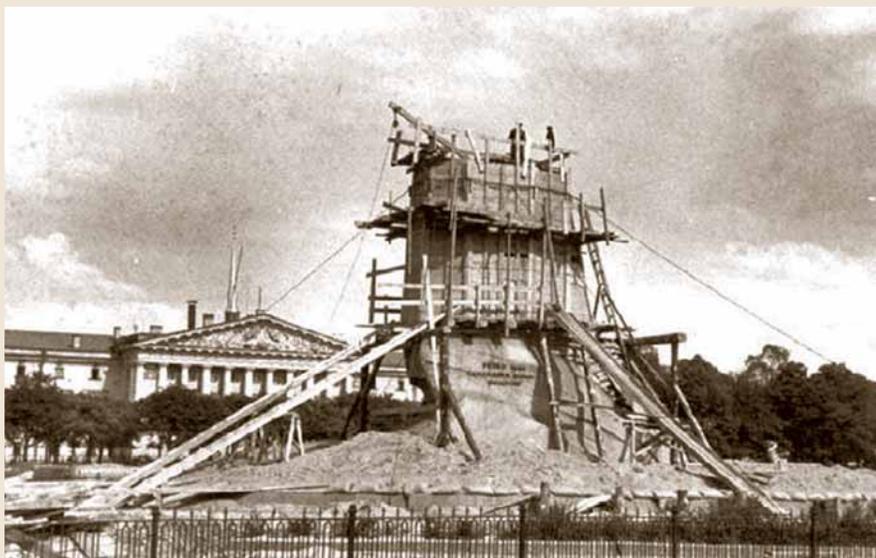
— Сюда! — услышала она вдруг и увидела женщину-дежурную с красной повязкой на рукаве, машущую ей. Забыв про все правила, девочка выскочила на середину улицы и метнулась к дежурной напрямую. Взрывная волна швырнула ее на ступени, и Оленька покатила вниз по лестнице прямо в ноги женщине.

Когда Оленька пришла в сознание, её уже успели перевязать голову и наложить гипс на сломанную руку. Потом ее долго спрашивали, кто она, откуда, где живет, как оказалась на улице во время налета. Девочка плакала от боли и просилась к маме. Она боялась, что мама будет переживать, не найдя ее дома. И потом нужно было обязательно сказать маме про грибы, тогда им точно хватит на всю зиму. От волнения Оленька никак не могла толком объяснить, где она живет, пока наконец не догадалась сказать, что мама у нее директор детского дома. После этого ее быстро отвели домой, где уже не находила себе места ее мамочка. И теперь мама обхватила Оленьку, прижала к себе и долго не отпускала. И это было очень счастливое мгновение. Даже вкус крови во рту не мог его испортить.

Когда Оленька поправилась от ранения настолько, что смогла снова ходить в очередь за хлебом, стояла уже зима. Однажды Оленька вернулась домой и, протягивая маме хлеб, спросила:

- Мамочка, мне кажется, или я подросла?
- Почему ты так решила? — улыбнулась мама.
- Последнее время наша порция хлеба стала меньше, чем я помню до болезни. Вот я и решила, что подросла.
- Ты действительно повзрослела, — ответила тогда мама и улыбнулась очень-очень грустно.

Хлеба с каждым днем становилось все меньше, а есть хотелось все больше. Порой Оленька в ожидании мамы тихо плакала, завернувшись в одеяло на своей кровати. Она укачивала своего мишку и сквозь слезы тихонько просила его потерпеть, подождать, пока придет мама. Одна-

жды Оленька возвращалась домой с ежедневным кусочком хлеба и у подъезда увидела старичка со второго этажа. Он сидел на земле, неловко прислонившись к дереву боком, и спал. Оленька очень удивилась, ведь сейчас очень холодно спать на улице. Она подошла к старичку и чуть тронула его за плечо.

— Дедушка, иди домой. Здесь холодно. Ой, дедушка, у тебя хлеб упал. Но я сейчас подниму, не волнуйся. Вот твой хлеб.

Оленька подняла с земли кусочек, бережно отряхнула его и попыталась вложить старичку в руку. Жесткие, стиснутые пальцы не разжимались. К девочке подошла дежурная с красной повязкой. Оленька даже обрадовалась.

— Вот, дедушка хлебушек уронил, я ему подняла. Его бы домой надо отвести, замерзнет он здесь, — по-взрослому рассудительно объясняла девочка дежурной.

Женщина склонилась к старичку, посмотрела, взяла кусок хлеба и неожиданно сунула Оленьке в руки.

— Ты хорошая девочка, добрая. Иди домой. Иди! — дежурная подтолкнула девочку прочь. Оленька с удивлением протянула хлеб обратно. — Иди! Ему этот хлеб

больше не нужен, а тебе еще пригодится. Иди, пока я не передумала!

Последние слова женщина почти прокричала, и напуганная девочка послушно побежала домой, крепко прижимая нежданный кусочек и думая о том, как порадуеться мама этому кусочку, потому что было очень голодно.

Но одного хлеба было мало, грибы закончились удивительно быстро, и Оленька постоянно хотела есть. Однажды она, не дождавись мамы, развязала свою наволочку с травой. Побежала на кухню, достала ковшик, но дома не было воды, и голодная девочка стала жевать сухую траву просто так. Травинки кололись, словно иголки, плохо разжевывались, царапали небо и десны, и к чудесному летнему аромату травы примешивался железный привкус крови из расцарапанного соломинками языка. И, по-прежнему, очень хотелось есть. Неужели ей никогда не перестанет хотеться есть?! Оленька заплакала от безнадёжности. Но плакала она так тихо, что даже услышала, в каком стуком разбилась упавшая на стол слезинка, другая... Тук... тук... тук... тук...

Затих стук метронома. Одинокий прожектор перестал шарить лучом по небу.

— Баба Оля, идем ужинать, — детский голосок разорвал завесу памяти.

— Ужинать? — неуверенно переспрашивает пожилая женщина. Смотрит за окно, где в каждом втором темном оконном проеме трепещет огонек свечи. И у человека за каждой свечой стук метронома пробуждает свои воспоминания...

Татьяна Берцева

Александр Матвеевич КАЛИНИН

РОЛЬ СВЯЗИСТОВ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В УСПЕХАХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

(Отрывок из рукописи «Воспоминание о войне»)

Прежде плавание наших кораблей было возможно до Лужской губы, тогда и база одна была. Но в результате подписания договора с Финляндией Краснознаменный Балтийский флот получил ряд опорных пунктов на Финском заливе, побережье Балтийского моря и открытый выход в него. Также стало возможным самостоятельно решать оперативные задачи в своем районе и можно было спросить за подготовку сил и средств связи.

В своей книге «Морской флот» бывший начальник штаба флота адмирал Р.А. Пантелеев рассказал о двух случаях: «Не оставалось сомнений, что в устье Финского залива ночью побывали фашистские корабли и поставили минные заграждения. Необходимо было тралить фарватеры. Но чем? И зачем рисковать?» Было второе донесение: в конвое с эсминцем т/э «И. Сталин» на пути с Ханко подсекли и расстреляли мину.

В апреле 1941 года немецкий флот (корабли, миноносцы, торпедные катера) под любым предлогом заходили в Балтийское море в районе Клайпеды якобы

из-за потери управления катерами, а вместе с тем проводили разведку наших сил, а в районе нашей базы отмечалось появление подводных лодок.

В мае у нас в береговой обороне, как и на всем флоте, проводилась боевая подготовка от внезапного нападения с моря. Отдел связи флота обеспечил нас стационарными радиостанциями; в штабах дивизионов и отдельных батареях установили передатчики «Бухту» и РСБ-А, что позволило считать радио как основное средство связи соединения. С этого связисты флота начали свою боевую службу. В такой обстановке наш народ, отвоевывая у времени каждый лишний день, строил достойный нашей страны флот, корабли — дар третьей пятилетки. Входили в строй новые батареи, узлы, станции и линии связи. У нас сложилось твердое мнение, что радио поставило себя на первое место в управлении артиллерией. С тех пор артиллеристы стали думать о стрельбах с закрытых позиций с корректировкой огня по радио.

Еще в мае с приходом генерала С.И. Кабанова силами СНиС (станций наблюдения и связи) начали строить приемный радиоцентр, на второй день боевых действий начали монтировать передающий центр. Связисты первыми на флоте осуществили укладку полевого кабеля в землю и таким образом укрыли сеть связи от пожаров в лесной местности. Посты наблюдения донесли: минные заградители в сопровождении миноносцев и сторожевых кораблей вышли в море для постановки мин.

Майор Ловецкий знал все наши возможности по связи. Он забрался в кузов радиостанции 5-АК, где за последнюю неделю дополнительно установили два приемника, а начальник района устроил контрольную проверку вахт передовых постов СНиС. Ждать долго не пришлось. Последние ответы — и Андрей Ефимович остался доволен бдительностью своих радистов и готовностью нашей рации. По тому как майор жал руки морякам видно, остался доволен. Затем он зашел на телеграф, переговорил по аппарату СТ-35 со своей приемной радиостанции и «Бухту» начали монтировать в кузове как основную рацию КП.

Пост СНиС первым донес о противнике, недаром на последней игре нам говорили: «Возможно внезапное

нападение...» Тревожные сигналы с постов поступали и до того, теперь их наблюдения оправдались. Практические стрельбы начали проводить очень рано, и все они были проведены более или менее удовлетворительно. Радиостанцию посетил начальник штаба флота И.С. Исаков и говорил о Красной Горке: занять первое место в соревнованиях — это стоило им длительного и упорного труда. «Товарищ Калинин помалкивает, но он ведь был начальником

этой радиостанции южного укрепрайона, тогда он и пошел в гору». Выучка сама не давалась, с молодыми радистами 1-го и 2-го года службы (образование иногда всего 5 классов) отводили ежедневно час на русский язык и скорость записи текста, люди с упорством работали, один из радистов по имени Артем работал на радиостанции в Кронштадте.

В эту ночь германские войска без объявления войны перешли границу: бомбили Либаву, минировали Кронштадтский рейд.

Первые боевые донесения постов СНИС поступали на корабли и в части как особое оповещение, как приказ Родины — применять оружие! Корабли в дозоре, лодки вышли на позиции. Посты службы наблюдения и связи флота открыли страницу боевых донесений.

Много пережито бессонных ночей, много положено труда штабистов, артиллеристов, связистов. День и ночь трудились строители и монтажники, оборудуя

побережье новых укрепрайонов. Командиры и штабы создавали систему управления и связи, отлаживали ее на учениях и играх.

Уезжая к электрикам, я прямо говорил радистам: «Все может быть, друзья мои, и десант, и бомбежка. Может взлететь весь наш объект за один налет, а может, останется незамеченным хуторком. Получше укройте, строже маскируйте работу. А если потребуется, достойно постоит за себя!»

Я работал с радистами 16-й стрелковой дивизии 156 полка. Видно было, что на учениях люди стараются. Когда все поняли необходимость сильной радиосвязи командного пункта, то сразу установили на машину резервную радиостанцию «Бухта». С залива радиостанцию прикрывал лесочек, а с суши он выглядел, как хутор. Ложные мачты поставили в стороне. Я доложил, что техники достаточно, и мы имеем небольшой резерв: «Бухта», 45-ПК-1 и «Пурга» — это усилит радиосвязь КП (контрольного пункта).

Капитан Заботинский говорил о старых линиях: «Даже через три коммутатора далеко не услышишь». В ответ возразили: «Теперь в артдивизионах и отдельных батареях мощности хватает на все море». На них установили передатчики «Бухта», ДСБ-Ф и «Ерш». А помнится, при введении коротковолновой связи на флоте «Бухта» с Красной Горки свободно держала связь с Черным морем.

Береговые связисты срочно решали наиважнейшие для них задачи по оборудованию постов, станций, узлов, строительству линий, по подготовке радиосвязи — основного средства управления в бою. В ночь на 22 июня была принята готовность номер один, сразу после обеда оперативная группа штаба перебазировалась на ЗКП (запасной контрольный пункт), чтобы перевести в надежное место документацию.

Телефонисты погрузили на машину полевой кабель. В 11.00 я позвонил капитану Фирсову, оказалось, что на позициях дела хуже: лишь одна цепочка полевой связи, т. е. для боевого управления и для обиходной работы. На днях собирались оборудовать подземный кабель, но видно, все наши планы полетят. А в штабе телефон и телеграф в готовности. За это время отдельная рота связи штаба своими силами в кузове штатной радиостанции 5-АК дополнительно смонтировали при-

емники 45-ПК-1 и «Дозор». Это позволило теперь на командном пункте береговой обороны открыть еще две приемные радиовахты и иметь необходимую информацию на случай выхода из строя основного радиоцентра, управляя артиллерией непосредственно с командного пункта.

К этим дням судно «Кабельный» закончило прокладку подводного кабеля, по нему и организовали новую сеть артиллерийской связи для 34-го отдельного артдивизиона и его батарей, с которыми почти год держалась вся связь. За последние два месяца связисты провели, пожалуй, основные работы по оснащению радиосвязью береговых батарей. Артиллеристы также форсировали практические стрельбы и отстрел вновь установленных артсистем.

Весь июнь и начало июля мы готовились к предстоящим маневрам флота: краснофлотцы, старшины, командиры, политработники, командоры, связисты и саперы — весь личный состав частей нашего соединения, как на кораблях и частях флота, брали на себя высокие обязательства — действовать, как в бою!

Полковник Кустов как прибыл на командный пункт при объявлении боевой готовности, так и не уходил. Задержалось все командование, а с ним и мы — начальники служб штаба обороны; полковник и начальник отдела агитации и пропаганды старший батальонный комиссар Г.И. Климаков переговорили с командирами частей, они внимательно выслушали командиров артдивизионов и железнодорожных батарей, снова обратив их внимание на взаимодействие и связь. Советовали осмотреться, побывать у личного состава, поговорить с краснофлотцами и старшинами о возможных внезапных действиях артиллерии. Говорили уверенно, спокойно, но как-то озабоченно, называя каждого по имени и отчеству. Всем пожелали боевого успеха, словно отдавая последний приказ перед боем.

Беспокойство нашего командования о связи и управлении было резонным: по береговой связи все как-то держалось до нашего прихода на том, что еще осталось от старого русского флота. Все, конечно, было изношено. Подводные кабели, лет сорок назад проложенные на острова и между ними, в большинстве неисправны. Воздушные

линии и подземные кабели требовали ремонта и замены. Времени на раскачку не оставалось: Европа находилась в огне фашистского разгула.

Мне часто приходилось слышать слова благодарности командующего нашей армии, обороняющей район, прилегающий к заливу. На кораблях было очень мало боезапаса, и каждый вечер по радио докладывали в штаб обороны Ленинграда о количестве оставшихся снарядов. Команды при стрельбе были такие: «повторить» или «достаточно» и благодарность командующего. Последнее было особенно приятно.

На кораблях был сделан заметный шаг вперед. Начальник артиллерии отметил стрельбу «Сильного» в Ораниенбауме и «Стерегущего» за удары с Петергофского рейда.

В Ораниенбауме происходили и курьезные случаи: во время корректировки огня появилась помеха от электросварки, начали искать «злоумышленника», командир БЧ-4 бегает с пистолетом в руке — ищет виновника и находит буксир, который ремонтируют. Пистолетом грозит: «Прекратить, немец идет». Это подействовало. Были и такие случаи: связь была, но пользовались ей неграмотно. Вот два примера нарушений: своими были обстреляны торпедные катера, хотя в последнем случае оповещения были даны своевременно. Другой случай: в первые дни июля СПР «Пурга» была атакована двумя самолетами МБР-2. Сторожевик тоже открыл огонь и сбил один самолет. Видимо, наши документы попали к противнику — подлодка сделала запрос торпедным катерам, последние дали правильный ответ, а после этого лодку атаковали торпедами и глубинными бомбами. Был грех и на душе летчиков — не имея оповещений, свои корабли принимали за чужие, а зенитчики посадили свой самолет. Не меньше хлопот доставляло наблюдение и изучение силуэтов кораблей и самолетов. Этому еще не научились, все сразу не поднять. С крейсером «Максим Горький» произошла неприятная поучительная история: он подорвался на mine и дал сигнал бедствия. Противник услышал и вызвал авиацию, это было 25 июня. Командир не учел необходимость маскировки. Ведь смогли же связисты крейсера «Киров» в трудном переходе из Рижского залива через Моонзунд пройти

не замеченными в сопровождении миноносцев, грамотно используя связь флажками.

«Красный Балтиец» описал первый бой в море. Эту операцию моряки разбирали у себя на КП. Слово предоставили начальнику 2-го отделения штаба артиллерии капитану И.И. Великову: «Снаряды противника ложились по бортам. Не освободившись от мин, эсминец «Сильный» открыл огонь, и немецкий миноносец подбит. Получив попадание в корму, «Сердитый» отошел под прикрытием. От командира последовал сигнал: «Уклониться!» Спрашивается, зачем, ведь он же без мин. Этим воспользовался противник, прикрываясь завесой, и тут новое приказание: «Преследовать противника опять тому же “Сердитому”».

Не успев достигнуть нужной дистанции для выполнения приказа, в воздухе на помощь появился командир эскадрильи Крохалев со своими «соколиками». Разыскав подбитый немецкий миноносец, «соколики» утопили его.

Так или иначе, но Ораниенбаум не сдали. Связисты при этом были на главном участке — они корректировали огонь. Наша задача — помогать наносить удар корабельной артиллерии по врагу. Было много дуэлей, и, как я помню, мы всегда выходили победителями. Держись, матушка-земля!

В 5 часов 30 минут огнем линкора «Октябрьская Революция» по Константиновке уничтожена танковая колонна противника. Фашисты вышли на левый берег реки. Создавалась Невская оборона: так всем своим прежним штабом и ушли.

Отбили атаку в районе Копорье. Каждый вечер противник палит по нашему КП. Нам бы самое время отрабатывать задание, а тут он начинает с комендантской землянки и так методически долбит до получаса, пока не исковыряет весь снег вокруг. Электрикам это причиняло немало хлопот: нужно связь держать, а враг — на тебе, опять...

15 сентября противник обрушил удары по правому флангу Красносельского укрепрайона, к вечеру «разрезал» на две части восьмую армию и вышел на побережье Финского залива в тыл Кронштадтского форта.

Вторые сутки корабли Ленинградской группы подвергаются артобстрелу.

В это время начарт пытался перевести все управление артогнем кораблей начарту морской обороны Ленинграда. Это усилило контроль и сказалось на эффективности и усилении мощи удара на главных направлениях. Но при отсутствии надежной связи частей Красной Армии заявки на стрельбу поступали с опозданием. Тогда штаб начарта обороны Главной базы стал выполнять заявки 8-й армии самостоятельно и правильно. Это дало надежное управление огнем, включая разведку глубины сил противника на дальность стрельбы кораблей и береговых батарей. В процессе боев армейцы под обстрелом храбро восстанавливали полевые телефонные линии.

В эти дни испытания выдержали связисты Кронштадтского укрепрайона. Северные форты по просьбе 23-й армии 12 и 13 сентября провели мощное нападение на Белоостров, который частично был занят фашистами. Военные части выбили немцев при поддержке фортов.

В Ораниенбауме — тяжелый обстрел, там была аварийная группа.

— А как на Котлине?

— За остров не боюсь, если не будет прямого попадания...

— А если? — спросил полковник.

— Если... Ну, к этому мы готовы.

— Сегодня подавили две батареи противника, а «Волга» только что палила по Ропше с Петергофского рейда. «Марат» обстрелял южное побережье и отразил воздушное нападение, выдержал Лисий Нос и Красная Горка. «Марат» своим ходом уже прибыл на Кронштадтский рейд.

— Да... Ну а пока будем довольны тем, что на «Северке» добились хорошей связи с дальними точками. Предложения по антенне и режиму работ оправдались. Золотой у нас народ, все думают, как бы взять больше от техники ради общей нашей будущей победы. Но наша победа во многом зависела и от нашего духа и настроения. Поддержать его пытались все как могли. И как же мы были удивлены и рады, когда к Новому, 1942-му году получили подарки от ленинградцев из блокадного города!

Над воспоминаниями работали родственники полковника Калининна Александра Матвеевича

Дочери:

— Чернякевич Светлана Александровна, доктор мед. наук, профессор.

— Иванова Наталия Александровна, канд. биол. наук.

Племянник:

— Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук.

Внук:

— Иванов Михаил Анатольевич, доктор мед. наук.

Правнуки:

— Гуров Илья Алексеевич, студент.

— Гуров Данила Алексеевич, ученик 10 кл.

Маргарита Васильевна КАРАВАЕВА

Караваяева Маргарита Васильевна, 1929 года рождения, провела свои детские годы и юность в детском доме.

Во время Великой Отечественной войны проходила обучение в ремесленном училище. В дни производственной практики на заводе воспитанники училища изготавливали на станках составляющие для артиллерийских боеприпасов и мин, а также вспомогательные материалы для снаряжения. В то время на заводах работало много подростков, которые заменяли у станков рабочих, ушедших на фронт.

После окончания ремесленного училища Маргарита Васильевна продолжала работать на заводе в городе Ижевске, выпускающем военную продукцию — стрелковое оружие и боеприпасы. Работать приходилось много и без выходных. Смены были увеличенные по времени. С питанием также было трудно.

1 декабря 1945-го из Ижевска Маргарита Васильевна в «телячьих» вагонах отправилась в город Ленинград. После блокады все силы жителей были брошены на восстановление разрушенного города. Сразу по приезду 17 декабря 1945 года ее определили на работу на завод, производящий химическое волокно, в мотальный цех. Проработала на нем она больше 20 лет. Ветеран труда.

Вспоминая военные годы, Маргарита Васильевна заметно волнуется, что весьма понятно. Больше

всего же в память к ветерану Великой Отечественной врезались картины послевоенного Ленинграда. Улицы и проспекты города производили угнетающее впечатление: разбитые жилые дома и постройки, следы пожаров, гильзы во дворах домов, одним словом – разруха.

Но наши советские люди справились со всеми трудностями, преодолели все, что вставало преградой на пути. Теперь город стал ещё краше и ничего не напоминает о том послевоенном времени.

Аркадий Алексеевич КРИВОШАПКИН

В ноябре 1941 года участвовал в боях в районе города Клин, в обороне Москвы. В декабре 1941-го был ранен, воевал в 84-й отдельной стрелковой бригаде 12 ударной армии Северо-Западного фронта. В дальнейшем воевал на Северо-Кавказском, 1-м, 2-м, 3-м Украинских фронтах. Участвовал в освобождении Украины, Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии. Герой Советского Союза.

Работал в Ленинградском морском порту Балтийского морского пароходства.

Боевые эпизоды

Наша дивизия, сформированная в Сибири, в начале октября 1941 года была направлена на Западный фронт на защиту Москвы. Оборонительные позиции заняли под Москвой в районе г. Клин. Шли жестокие кровопролитные бои. Рядом сражалась Панфиловская 316-я дивизия, 28 бойцов которой приняли удар 50 немецких танков. Почти все из них погибли, но танки не прошли. Глубоко врезались слова политрука Ключкова: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва».

Наши орудия и пехота стояли на 2-м рубеже, еще и еще раз отрабатывая приемы стрельбы по танкам и другим огневым точкам противника.

Катера подвозят продукты по Ладожскому озеру в блокадный Ленинград.

Фото: Борис Кудояров. 01.09.1942. Архив РИА Новости

В первых числах декабря 1941-го измотанные и обескровленные соединения врага прекратили наступление. Оборонительный период битвы под Москвой закончился. 5 декабря мы начали наступление. Шли по глубокому свежему снегу. Обессиленные кони не могли вытянуть орудия, и мы — огневики, налегая на колеса, продвигали орудие вперед, занимали позиции, вели огонь по команде командира батареи, находившегося на наблюдательном пункте с пехотой.

Двигаясь вперед на Запад, встречали мы сожженные деревни и различные строения, брошенную врагом технику, обозы и другие «трофеи». На дорогах и полях повсюду лежали обмотанные теплым тряпьем замерзшие трупы фашистских захватчиков. Понимали, что во всей картине есть и наша доля работы. В конце декабря сопротивление врага начало возрастать. Наша пехота по несколько раз

атаковала вражеские позиции, но несла потери и откатывалась назад. Было решено использовать артиллерию на прямой наводке. С наступлением темноты наша батарея незаметно для врага выдвинулась на опушку леса, отцепили орудия. Ездовые отвели лошадей в укрытие, а мы — огневики вручную по мелколесью и через кустарники вытянули орудия на позиции боевого охранения пехоты. Это заняло всю ночь. При выбросе осветительной ракеты ложились на снег и лежали, пока она не погаснет, и снова — за работу.

Под утро усталые и промокшие, мы установили орудие, подтащили снаряд и приготовились к бою. Перед нами была окраина города Старица. Прояснились огневые точки и позиции врага. Нас отделяло 250—300 метров. Открыли огонь, и завязалась настоящая дуэль. Наши снаряды ложились точно в цель. Укрыться было негде, кроме орудийных щитов. Тяжело ранило командира батареи. Полностью вывело орудийный расчет соседнего взвода вместе с командиром. Остальные орудия вели прицельный огонь, посылая снаряд за снарядом на позиции врага. Наша пехота приготовилась к атаке. В этот момент я почувствовал сильный удар в правое плечо. Боль вскоре затихла, но из рукава потекла кровь. Внутри под гимнастеркой стало тепло и сыро. Снег окрасился в розовый цвет, а пули свистели над головой. Не понимая, что случилось, я продолжал отдавать команды командирам орудий. Кто-то из бойцов закричал, что ранило лейтенанта. Тут же подползли две санитарки с волокушей, раздели и перевязали меня, положили на встречные санки, укутав меня полушубком. В этот момент подъехал верхом на коне связной и передал приказ командира дивизиона, чтобы я принял командование батареей. Но было уже поздно, меня ожидал медсанбат в г. Калинин, а затем госпиталь в Ярославле. Через полтора месяца, в феврале 1942-го, меня доставили в г. Валдай, где был штаб северо-западного фронта, а затем в отдельную морскую стрелковую бригаду 1-й ударной армии в отдельный дивизион, в котором командный состав сухопутных войск, а рядовой и старшинский состав состоял из моряков Амурской флотилии.

Бои за Будапешт. Форсирование Дуная

Известно, что Будапешт разделен Дунаем на две части: западную — Буда (правый берег) и восточную — Пешт (левый). Бои за Пешт закончились в октябре 1944 года. Все мосты, связывающие Пешт и Буду, фашисты разрушили. Взять Буду, в которой была сосредоточена вражеская группировка численностью 800 тысяч солдат и офицеров без форсирования реки Дунай было невозможно. Поэтому задачу форсирования Дуная командование 2-го Украинского фронта возложило на нашу 316-ю дважды Краснознаменную Тюмрюкскую стрелковую дивизию. Место форсирования было выбрано в районе населенных пунктов Ерд-Эрчи с острова Чепель (в 20 км от центра Будапешта).

Первый десантный отряд в составе 1-го батальона 1077 СП начал переправу в ночь с 4 на 5 декабря 1944 года с острова Чепель. Ширина реки в этом районе 800 м, глубина около 9 метров. Переправочные средства: боты, мотоботы, шлюпки и плоты. Еще в нашем распоряжении был речной теплоход для специальных нужд.

Я, начальник разведки 3-го дивизиона, со своими разведчиками и радистом, связистами батальона и другими специалистами отправился на первом мотоботе. Сначала пользовались только веслами (для тишины). Но еще не достигнув форватера, взвились ракеты противника, и мы, включив мотор, устремились к вражескому берегу. Также действовали и другие плавсредства. С правого берега понеслись на нас снаряды, мины, пулеметный огонь. От разрывов вода в Дунае клокотала. Но мы вскоре вошли в непростреливаемое мертвое пространство и еще прибавили скорость. Это позволило большинству десантных средств уцелеть. На нашем пути встретилось мелководье и заросли камыша. Пришлось прыгать в воду и выбираться на берег, преодолевая непредусмотренные трудности. Подразделения батальона получали указания, где и кому собираться и готовиться к атаке. Это заняло около часа. Я уточнял на корте и местности необходимые для корректировки ориентиры. Подготовка закончилась. Получив конкретные задания взвода и роты начали подыматься вверх по извилистой дороге на верх гребня, оставаясь незаметными

*Аэростаты воздушного заграждения.
Фото: Олег Кнорринг. Архив РИА Новости*

для противника. Потом — атака, и мы — в траншеях врага. Гранатами забрасывали пулеметные расчеты. Брели пленных и расширяли плацдарм до утра. Я сообщал на командный пункт обстановку. Закреплялись на занятых позициях. Ждали контратак. А пока оборудовали НП, установили стереотрубу и постоянное наблюдение. Я знал — затишье будет недолгим: на рассвете враг обязательно попытается сбросить наш десант в Дунай.

Едва забрезжил рассвет, и враг предпринял первую контратаку. Впереди по кукурузному полю ползли танки.

— Давай огня, бог войны, — крикнул мне командир батальона капитан Моженко.

Я доложил на командный пункт артполка обстановку и попросил огня. Координаты были известны. Огневая завеса стала перед вражескими танками, их было всего три. Они повернули назад, но это была разведка. За ней вторая, третья, четвертая. Каждый раз на один танк добав-

лялся. Потом венгерская конница прискакала. Непонятно, что они хотели показать? Во второй половине дня еще пятью танками с пехотой атаковали наши позиции, но огонь нашей артиллерии был настолько плотным и мощным, что пройти вражеским танкам было невозможно. Наши позиции прикрывали три дивизионных и два корпусных артиллерийских полка. Настолько важно было удерживать плацдарм.

Близилась сумерки. Гитлеровцы понимали, что за ночь к нам может подойти подкрепление за счет свежих десантных подразделений. Наши саперы могут и понтонный мост навести. И это все мы планировали. Поэтому враг предпринял еще одну контратаку, самую мощную. И снова я корректирую огонь в своей артиллерии, но танки идут и идут. Подбит один танк метким выстрелом единственной оставшейся в батальоне противотанковой пушки «сорокопятки».

Завертелся на месте вырвавшийся вперед, его гранатой остановил сержант Панкратов. Но остальные продолжают ползать по траншее. «Давай прямо сюда!» — кричит Моженко. «НЗО-1,» — кричу я радисту и сам беру

трубку. «Ты куда огонь направляешь?» — несется с того берега. — «Здесь же наши позиции!». «Танки! Вызываем огонь на себя! Мы в глубоких траншеях — выживем!» — сверху посыпался песок, рвутся снаряды, идут танки. На какой-то момент потерял сознание, песок крепко обнял тело. Сознание вернулось, пытаюсь пошевелить ногой, рукой, ничего не получается. Первым, кого увидел, — разведчик Полуянов. Он же мой ординарец по совместительству. Говорит мне: «Сейчас тебя откапываем». Разыскали капитана Моженко. Весь черный от грязи и копоти, только зубы сверкают. «Живы, братушка, остались», — крепко обнялись на радостях.

Ночью саперы навели понтонный мост, подтянули основную артиллерию. Можно наступать дальше. Было 6 декабря, а к 9 декабря мы уже продвинулись километров на 10. Здесь же заняли огневые позиции дивизиона. Было спокойно, хорошая погода. Наша пехота пошла в атаку, и мы — разведчики с ней. Без боя дошли до шоссе, идущего от города Будапешта до озера Болотон и дальше. И здесь нас встретили из лощин несколько танков с немецкой пехотой. Бой был неравный, и мы начали отступать. Я получил ранение в левое плечо разрывной пулей. Наши батареи открыли прицельный огонь по танкам, и те вместе с пехотой ушли на исходные позиции. Ранение оказалось тяжелым, с повреждением левого срединного нерва. Это подтвердилось впоследствии. А в тот момент наложили крепкий жгут и доставили меня в ближайший полевой госпиталь. Там под наркозом обработали рану, хотели руку ампутировать, потому что после крепкого жгута не появлялся пульс. Через полчаса пульс появился. В связи с ранением в руку я стал инвалидом. Лечение продолжал в Одессе в Окружном военном госпитале.

Клавдия Емельяновна ЛАЛЕТИНА

Родилась я в Ленинграде, в Калининском районе. До войны моя семья жила на Большой Пороховской улице. В нашей семье было четверо детей. Я — старшая. Когда началась война, мне было 7 лет.

Зиму 1941-го мы голодали несильно, выживали за счет огорода и отрубей для поросенка, хранящихся в бочке.

Весной 1942-го, когда с продовольствием в городе стало совсем плохо, нашу семью эвакуировали. По дороге наш поезд периодически бомбили немецкие самолеты. В эти моменты мама прятала нас под лавку. Поезд наш ехал через Ладогу, составы шли по проложенной дороге. Мы тряслись в так называемом «телячьем» вагоне, с огромными щелями. С тех пор у меня остался патологический страх перед Ладогой: когда мы выглядывали из окон, то ничего, кроме воды реки, не видели, и это очень пугало... В пути в нашей семье произошло трагическое событие — умер мой новорожденный брат. Сейчас невозможно представить, как моя 27-летняя мама с четырьмя детьми на руках могла вынести то страшное и тяжелое время.

Наконец нас привезли на станцию, в Молотовскую область, снова посадили на телеги и повезли дальше в деревню. Там нас и семью тети Любы, которая тоже выехала с нами из блокадного города, поселили в избе. В доме ничего не было, только стол да голая лавка. Не было ни подушек, ни одеял. Спать приходилось впятером на печке: трое ребят, мама и тетя Люба. Когда началась зима, маме в колхозе выдали

фуфайку, шерстяной платок и валенки. Женщины днем уходили работать, а мы — дети оставались дома, смотрели в окно и на спор выбегали на улицу босиком на снег.

Зимой 1942-го нас повезли в школу. Она представляла собой избу с прихожей, где стояла плита. В школе нам выдавали кусочек хлеба и картошку в мундире, и это нам очень нравилось. В классе стояли четыре парты: справа первая принадлежала первому классу, ко второй парте относился третий класс, слева стояли парты для ребят второго и четвертого классов. Учительница была одна. Я одна сидела за партой первого класса: меня обучали только грамоте. Однако учились мы не каждый день. В школу нас возил деревенский житель, у которого была лошадь и телега. Он собирал ребятшек с окрестных сел и отвозил в школу. Однажды в поездке с нами произошел страшный случай. За нами увязался голодный волк и преследовал нас без остановки. Мы не знали, как от него избавиться. И тогда наш «извозчик» придумал отогнать животное шумом. Он приказал нам стучать по телеге кружками, которые мы с собой всегда возили в школу. Зверя мы прогнали, но после этого в школу нас больше не возили.

Во время войны все окна в домах были заколочены крест-накрест. Как только начиналась тревога, они завешивались одеялами, чтобы ни один луч света не вырвался наружу. В противном случае это расценивалось как шпионаж.

Отец во время блокады работал в органах милиции. У него было огнестрельное ранение. За службу во время блокады он награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны и медалями.

В 1944 году наша семья вернулась в Ленинград. Дом, в котором мы жили, был наполовину каменный, наполовину деревянный. Во время войны бомба упала на каменную часть, а деревянную сожгли. После этого в районе Охты отцу дали комнату, в которой и прожила вся наша семья до 1963 года.

Деньги в войну потеряли свою ценность. В деревнях меняли всё, что можно, на молоко, картошку и другие продукты. Но у нас ничего не было, так как мама с четырьмя детьми увезти с собой ничего не могла. Очень голодали. Но

мы — дети войны — были как маленькие старички: все понимали, поэтому ничего не просили. Ведь чем только нам не приходилось питаться: рвали лопухи, чистили их, нарезали на кусочки, как макароны, и варили. Очень любили кашу-затируху, которая состояла из муки, заваренной кипятком. Ее выкладывали в миску, делали в середине углубление, и в него наливали растительное масло. Мы ложкой цепляли с краев понемногу кашу и макали в масло. Мы так мечтали наесться этой кашей, когда вернемся в Ленинград после войны!

Когда мы приехали в Ленинград, то хлеб получали по карточкам. Мама замеряла его лучинкой и прятала в ящик шкафа, чтобы мы не съедали весь сразу. Но есть так хотелось, что мы отодвинули фанеру, достали хлеб, а чтобы было не заметно, скоблили его края ножом, сгребали крошки и делили на троих.

В 1944 году мы пошли в школу. Никаких вещей у нас не было, и мне приходилось брать планшет отца. А сестренка моя ходила на учебу с сумкой от противогаза. Я сразу пошла в четвертый класс.

Жили тогда в коммунальных квартирах, и когда объявили победу, соседи побежали всем, кто еще не в курсе, рассказывать об этой радости. Этого момента все очень ждали. С замиранием сердца мы слушали по радио, какой фронт прошел, какой город заняли наши войска. Люди целовались, радовались, плакали. Не было предела нашему счастью.

Сразу после войны стали проводить субботники. Молодежь ездила в колхозы. На уборку города выходили школьники, они чистили газоны, собирали ветви деревьев.

Со школьных лет я активно занималась спортом. Затем выступала в командах от заводов — играла в хоккей с мячом. По окончании школы я пошла работать. Тренер команды, в которой я играла, устроил меня механиком-сборщиком на завод «Ленинградское оптико-механическое объединение» (ЛОМО, тогда назывался ГОМЗ). На нем я проработала 50 лет.

После войны на производстве мы самозабвенно трудились почти на одном энтузиазме, полностью отдавая свои силы. Потому что очень хотелось побыстрее восстановить наш прекрасный город после страшной разрухи и жить счастливо.

Нина Алексеевна МИРОШНЕКОВА

То, о чем не забыть

Говорят, плохое забывается. Нет. Оно просто на какое-то время притупляется. Сначала училась, потом работала и не на одной работе, потом растила сына. Когда вышла на пенсию, все чаще и чаще стали вспоминаться ужасы военных лет.

Когда в 1941 году началась война, мне было всего семь лет. Жили мы в Тосненском районе, близ Московского шоссе, которое пересекало нашу деревню на две половины. Поэтому немецкие войска шли на передовую к Ленинграду прямо мимо наших домов. Перед наступлением наши летчики сбрасывали листовки, на которых немцы были изображены в виде жутких зверей. Было страшно, поэтому мы всей деревней спрятались в лесу. Когда пришли первые оккупанты, до нас дошел приказ: вернуться или расстреляют. Все вернулись. Нас, однако, выгнали из дома и заставили вырыть для себя землянку, но так как немецкие подразделения часто менялись, то до зимы 1943 года мы жили в доме.

В нашей деревне был госпиталь, мать для него стирала белье. Это были бинты и белые халаты. Ни мыла, ни порошка не было и мать стирала золой. Однажды она сожгла себе руки до локтей да так, что сошла вся кожа.

Летом 1942 года к нам прибыло подразделение настоящих фашистов. Все они были очень высокие и

Н.А. Мирошнекова (в центре)

рыжие. Однажды я была дома одна, фашист с налитыми кровью глазами, засученной до локтей рубашкой на волосатых руках, закрыл на крючок дверь и пошел на меня. Каким-то чудом я увернулась, отбросила на двери крючок и выбежала во двор.

У меня был отчим. Он воевал ещё на финской войне, а добровольцем на фронт в Великую Отечественную войну не пошел. В 1942 году осенью он заболел тифом, поэтому его погрузили на грузовик и куда-то увезли. Нас же всех: мать, меня и новорожденную сестру фашисты приказали полицая погрузить на телегу, увезти в лес и там расстрелять. Мать откупилась от полицая и он нас отвез на другой конец деревни. Так мы чудом остались живы.

В 1943 году нас увезли в Латвию в товарных вагонах. Ехали очень долго, пришлось побираться, так что я и сейчас не могу выбросить ни одной крошки хлеба. В Латвии жили у хозяев, мать с отчимом работали, а мы с сестрой сидели дома. Но так продолжалось не долго. Нас снова погрузили в товарный вагон и повезли, теперь куда-то к границе Латвии с

г. Ленинград. Искалеченные фашистскими снарядами дети лечатся в больнице.

Фото: Борис Кудояров. 01.04.1942. Архив РИА Новости

Польшей. В конце концов мы прибыли в концлагерь NQ 17, с бараками из жердей, с вышками и за колючей проволокой.

Еще мне очень запомнился случай, когда всю дорогу до лагеря нас бомбили наши же русские самолеты. Они летели так низко, что были видны лица летчиков. Было очень страшно.

Освободили нас 9 мая 1945 года, домой мы приехали в июне. В школу я пошла уже в 11 лет. Когда мне было 18 лет, я окончила 7 классов и решила устроиться на работу. Поскольку мы были в оккупации, меня нигде не хотели брать на работу. Такие были времена. Но мир не без добрых людей и на Московской товарной, в отделе кадров, начальница сказала, что не будет писать про оккупацию, а напишет, что я откуда-то приехала.

Говорю я об этом мало, но вот написала, и как-то легче стало.

Тамара Григорьевна МОНАХОВА

**Из рассказов мамы Марии Петровны Никулиной
и старшей сестры Риммы**

Когда началась война, мне было два года, сестре Римме — девять. Папа ушел на фронт и не вернулся. Мы жили с мамой, бабушкой, бабушкой на Васильевском острове, на проспекте Кима, д. 7/19. Дедушка — Ужакло Петр Осипович работал на заводе им. Калинина. Бабушка, Ужакло Марфа Яковлевна, — ткачихой на фабрике Желябова.

По 250 граммов ржаного хлеба в сутки положено было только рабочим. Остальным, в том числе и детям, — по 125 г в течение полутора месяцев. Мама делила хлеб на маленькие кусочки и давала нам раза четыре в день. Ни одной крошки не пропадало, их мы собирали пальчиком и клали в рот. Нам, детям, старались дать побольше дедушка и бабушка.

Мама дежурила на чердаках во время налетов, тушила зажигалки, ездила на рытье окопов.

От голода все исхудали, отекли. В январе 1942-го умер дедушка, племянник Олежка — ему было 9 месяцев, а в апреле — бабушка.

В июле того же года мы были эвакуированы. В поезде у сестры начался приступ острого аппендицита. Нас высадили на станции Любим Ярославской области, увезли в больницу, где и прооперировали Римму. Госпитализировать при-

шлось и маму, она была очень слаба от голода. А меня взяла к себе врач больницы. Добрые люди, узнав, что мы из Ленинграда, приютили нас.

С февраля 1943-го маму приняли на работу стрелочником станции Любим Северной железной дороги. Много километров было ею исхожено по шпалам в любую погоду во время проверок стрелки и рельсов. Часто приходилось бегать, чтобы успеть передвинуть стрелку и отправить состав на другой путь, так как впереди рельсы были повреждены.

Мама ходила за 10 км копать замерзшую картошку. Отморожены были и руки, и ноги.

Римма училась в школе. Из школы дети возвращались на поезде. На полустанке, где мы жили в бараке, состав замедлял ход, и дети спрыгивали.

Я оставалась дома одна, забиралась на подоконник и плакала, звала маму. Было страшно и так холодно, что ноги примерзали к подоконнику. Бегали крысы.

В июле 1944-го мама была откомандирована в распоряжение Октябрьской железной дороги. Мы вернулись в Ленинград, в свою квартиру. Меня повели в детский сад на 8-й линии Васильевского острова (он и сейчас есть). Мне запомнился полдник: кусочек булки с творожной массой и стакан какао. Это было очень, очень вкусно!

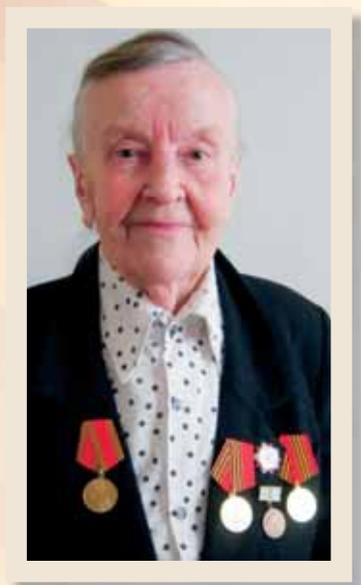
Мама работала на станции Цветочная до 1946-го, затем на заводе Калинина контролером-приемщицей, награждена медалями «За доблестный труд», «Житель блокадного Ленинграда».

Мы, дети блокады, благодарны своим мамам, дедушкам, бабушкам, которые в невероятно трудных условиях спасли нас, своих детей.

Мария Петровна Никулина

Нина Васильевна МОРОЗОВА

Родилась я 23 ноября 1926 года. Жила со своей семьей в деревне в Ярославской области. В 1941 году мне было 15 лет. В день начала войны я находилась в деревне и впервые услышала это страшное слово «Война!». Над деревней иногда пролетали немецкие самолеты. Все очень боялись и прятались кто куда, думали, что они будут нас бомбить. Но нам везло, как-то всё обходилось, и нас не бомбили.

В 1942—1943 годах мы работали, в основном, в поле, пахали и сеяли на лошадях и даже на быках. В нашей семье было трое братьев. Двое братьев воевали на фронте и там сложили свои головы. Моего отца тоже отправили на фронт. Ему часто приходилось бывать в Ленинграде. Мама в это время в деревне оставалась одна. К тому же она была беременная. Рожала она на печке, а принимала роды одна бабушка, которая их принимала по всей деревне. В деревне питались тем, что сами выращивали: картошкой, овощами, собирали грибы и ягоды. Тем, кто хорошо работал, давали мякиш. Обычно назначали на работу теребить лён или на полевые работы. Женщинам в ту пору в деревне было очень тяжело: много детей, надо всех накормить, а мужчин нет.

В 1944 году мне пришла повестка, в которой говорилось, что надо ехать на торфоразработки в город Ярославль. В начале я приехала на военный завод, где недолго проработала уборщицей. Только затем меня отправили на

торфозавод, на котором я трудилась целых два года. Документов у меня никаких с собой не было, но меня все же оформили на торфоразработки. Поселилась я в общежитие. Мама из дома дала мне алюминиевую тарелку, но её у меня украли. Надо было из чего-то кушать. Пришлось взять железную 800 граммовую банку от тушенки и с этой банкой ходить в столовую. В столовой при общежитии кормили хорошо: хлеб давали, а также и первое и второе. На работу мы выходили сытыми. На торфоразработках мы копали и резали торф. Всем определяли норму выработки. Если всё выполнишь — можешь идти домой

пораньше.

Когда объявили о Победе, никому не верилось, что война наконец закончилась. Мы в общежитии накрыли праздничный стол, напились от радости. Надо было домой ехать, а ни документов, ни денег у меня не было. Даже не на что было билет не купить. Что же поделаешь — поехали на поезде без билета. Благо, никакого контроля тогда не было и мы благополучно доехали до родного дома.

В Ленинград я приехала в 1948 году. Устроилась работать маляром на завод «Красный выборжец», на котором проработала 50 лет.

Имею знаки отличия и медали.

Оксана Федоровна МОРСОВА

По образованию я фельдшер, и рано или поздно меня все равно призвали бы в армию. Поэтому, не дожидаясь призыва, я пошла добровольцем.

В первых числах июля нас с приходящим эшелоном через город Великие Луки, в котором я жила, отправили на фронт (в то время я работала секретарем райкома комсомола). В эшелоне были солдаты в форме, а мы — призванные — в гражданской одежде. Нас должны были в городе Себеж распределить по частям, обмундировать и экипировать. В этом эшелоне был вагон с медработниками Военно-медицинской академии им. Кирова из Ленинграда, которые тоже ехали на фронт. Они были в военной форме и имели какой-то запас средств для оказания помощи раненым. Но до Себежа нам не пришлось доехать.

Наш эшелон остановили на угловой станции Идрица. Там уже стояли два эшелона. Один с танками и бое-

припасами, идущий в сторону фронта, второй — с людьми, которых эвакуировали в тыл. Там были в основном старики, женщины с детьми. Третий наш эшелон — на крайнем пути. Прибыли на станцию мы часа в 4 утра. Солнце уже взошло, день обещал быть теплым и ясным. Люди почти все вышли из вагонов, и вдруг в небе появились три самолета. Оповестительных знаков не было видно, а по звуку мотора тогда их еще не умели различать. Многие начали махать руками, говоря: «Вот летят наши соколы!». Но самолеты почти на бреющем полете зашли над станцией и начали бомбить эшелоны. Начали рваться снаряды, поражая убегающих людей. Кругом крики, стоны раненых, убитые, и мы — с пустыми руками ничем не можем им помочь. Материалы, которые были у военных медиков, быстро заканчивались. Укрыть раненых было негде, кругом открытое поле. Кто был живой, пытался спрятаться во ржи — рядом было открытое поле. Так их расстреливали из пулеметов, гоняясь буквально за каждым. К вечеру оставшихся в живых женщин, детей, стариков и всех раненых отправили в тыл. А нас, ехавших на фронт, недалеко от этой станции собрали на сборном пункте. Очевидно, это был военкомат. Меня и несколько бойцов направили в район Полоцка. Когда мы прибыли на место назначения, часть вела ожесточенные бои, отступая, несли большие потери. Неподалеку на железнодорожных путях стоял эшелон, в котором были погружены раненые. Тогда здесь не было санитарных поездов, и раненых перевозили в теплушках, в товарных вагонах. Мне дали сопровождающие документы, двух бойцов для охраны поезда. Мы должны были сдать раненых в госпиталь в Великие Луки. По дороге нас несколько раз бомбили, но, слава богу, ни разу не попали. Машинист то разгонял поезд до предела, то резко тормозил так, что вагоны налезали друг на друга. А каково же было раненым! Помочь им я тоже ничем не могла. Не было перевязочного материала, даже воды не было, чтобы дать попить, да и перебраться из вагона в вагон почти не было возможности. Тут злость была не только на фашистов, но и на свое бессилие. Вот так для меня началась война. Сдав раненых в госпиталь в Великих Луках, мы с бойцами вернулись в часть. Вскоре я была ранена, но не сильно.

Когда нашу часть расформировали, я попала в другую часть — 28-ю гвардейскую дивизию, 89-й гвардейский стрелковый полк, 1 роту, которая вела бои в районе станции Старая Русса, Лычково и ряда населенных пунктов. Здесь в декабре 1942-го я второй раз была ранена в грудную клетку, осколок до сих пор сидит внутри как память о войне. В марте 1943-го выписалась из госпиталя города Вологды и направлена в Московский военный округ, в запасной полк. На фронт я больше не попала. Задача полка была другая, готовить пополнение для фронта. А затем, весной 1944-го наш полк был переброшен в соседний район. Там мы должны были подготовить базу для приема наших бойцов, бывших в плену у немцев. По мере продвижения нашей армии вперед освобождались лагеря военнопленных, и в начале 1945 года мы приняли первый такой эшелон. Задача нас — медработников — заключалась в том, чтобы выявить всех больных, ослабленных, нуждающихся в лечении.

Служба не героическая. Кто-то брал Берлин, освобождал Варшаву, Прагу, а кто-то должен был выполнять и эту работу.

День Победы я встретила в этом же полку. Радость была так велика, что слов не подобрать!

Лена Васильевна МУХИНА

В детстве я жила в Сталинграде, где мой отец работал управляющим банком. В 1937 году его арестовали по статье 58 пункт 10 Уголовного кодекса за антисоветскую пропаганду. Осудили отца на 5 лет и отправили в Магадан.

После этого мы с семьей переехали в мой родной город Вольск Саратовской области. Родители развелись.

Когда началась война, мне было 14 лет. Школу, в которой я училась, переоборудовали под госпиталь, и я, как и многие мои сверстницы, ухаживала там за ранеными солдатами. Это было в первые два года войны. Когда в 1943-м мне исполнилось 16 лет, я поступила ученицей на междугороднюю телефонную станцию (МТС). И через некоторое время я начала работать телефонисткой. Там я и трудилась до самого конца войны.

Война отняла у меня брата Аркадия. Он ушел на фронт, и больше мы его не видели. Нам просто пришло письмо, в котором сообщалось, что он погиб.

Я была комсомолкой, и в 1945 году, когда закончилась война, меня вызвали в горком комсомола. Там мне вручили комсомольскую путевку в город Магадан для освоения земель Крайнего Севера. Тогда со всего Советского Союза в Магадан отправляли различных высококвалифицированных специалистов.

Мы поехали во Владивосток. Оттуда до Магадана 6 дней пути на пароме. Но вскоре после того, как мы отплыли, началась советско-японская война. Это было 1 августа 1945 года. Прямо под нами на глубине ходили подводные лодки. Весь паром трясло, да и нас тоже — от страха. На груди у каждого был непромокаемый мешок с документами. На всякий случай. И все же мы доплыли. Хотя у нас на это ушло в три раза больше времени, чем обычно — 18 дней.

Я проработала в Магадане 30 лет: с 1945 по 1975 год. Поначалу я работала почтовым оператором, потом прошла обучение и стала начальником отделения связи. После я закончила заочное отделение Новосибирского института связи и стала заведовать учебным комбинатом Магаданского производственно-технического управления связи.

В Магадане я встретила много интересных людей, вышла замуж за геолога, родила двоих сыновей.

С первым своим мужем я развелась и спустя некоторое время вышла замуж во второй раз. Второй мой муж был летчиком и работал здесь, в Ленинграде. Так я и оказалась здесь в 1975 году. Мы с мужем довольно долго привыкали к здешним нравам.

...Вот и вся жизнь. Такая коротенькая — всего 85 лет. Но жизнь была хорошей, пусть местами и трудной, но все же интересной.

Вера Ивановна НАЗИНА

Вера Ивановна Назина родилась в Ленинграде в 1931 году. Жила на улице Радищева, в доме 42б. Первый год Великой Отечественной войны провела в Ленинграде. В 1942-м была эвакуирована в Сибирь. С детства всегда и везде рисовала.

После войны Вера Ивановна закончила ЛВХПУ им. Мухомовой. Член Союза художников Санкт-Петербурга. Постоянный участник зональных и всесоюзных выставок. Картины В.И. Назиной находятся в музеях и частных собраниях в России, Франции, Японии, США, Финляндии и многих других странах.

Недавно художница открыла в себе дар писателя и подготовила сборник воспоминаний «А я есть...». Это записки о блокадных днях 1941–1942 годов.

А Я ЕСТЬ...

*Посвящаю моей бабушке
Евдокии Васильевне Станкевич*

Солнышко

Уже лето.

Мама велит сидеть на солнце.

«Солнышко заменяет еду. Возьми вышивку».

Я послушная. Выношу детский стульчик под окно портнихи на Рылеева. Вышиваю крестиком. Люди идут мимо: «Вот, какая умница. Сидит, вышивает».

Дурра большая. Мне уже 11 лет.

А мала-то, мала. И в чем душа держится.

Меня не должно быть. А я есть...

Бабушка дуня

Моя любимая бабушка в богадельне у Смольного собора. Мы ходим ее навещать, часто под обстрелом.

Палата большая. Воздух спертый. Бабушкина кровать посередине. Она лежит. У нее водянка. Бабушка наказывает маме: «Таня, береги Верочку».

Бабушка ест только суп, кашу. Хлеб складывает под подушку и отдает нам.

Дома при свете буржуйки и свечи мама делит эти дары по дням. Каждый кусок в отдельный пакет и много-много крепких узелков, таких, что только зубами развязывать, чтобы не вдруг можно было съесть.

Пьем кипяток с больничным затхлым хлебом — как вкусно. Потом подбираем крошечки все до одной. Под конец попала на язык крошка от свечи — нехороший вкус помню и теперь.

Бабушка Дуня, царствие тебе небесное!

Царство снежной королевы

Окно забито фанерой.

Остатки стекол пересекают бумажные полоски.

Подушкой заткнута рама.

Наледи. Иней по углам.
 Холодная буржуйка. Труба в окно.
 Дров нет. Вода в ведре замерзает.
 Хочется на зубах ощутить твердое.
 Грызу ледышки. Ни вкуса, ни запаха.
 А Кай грыз ледышки?

Кулинарные изыски

Хряпу мы давно уже съели. Мама ходила под обстрелами собирать мороженые кочерыжки на окраину города. Это очень хорошая еда. Мне велено хорошо отмыть лицо и руки. Мы званы на «студень» к тете Нине.

Хорошая посуда. Все красиво, как до войны. И студень из столлярного клея с лавровым листом, перцем, разными приправами. Мутный, дрожит на блюде. «Правда, вкусно?» «Да, да, хорошо!» В животе гадко, будто лягушачья икра просится наружу. Наши-то блины из горчицы куда лучше. Мама закупила мешок и вымачивает в кадушке, меняет воду. Лепешки «детского цвета», почти и не горькие. А когда на рыбьем жире, а не просто на железке, за уши не оторвать. Еще хороши оладушки из кофейной гущи, не очень красивые, правда. А лучше всего погрызть дуранды, но это на рынке меняют на хорошие вещи, которых у нас нет.

Железный воробей

В начале месяца нашла карточки на улице. Иду по адресу: Рылеева, за угловым магазином, первая парадная, первый этаж. Достучалась. Женщина с маленьким мальчиком.

Обреченные.

- Тетенька, я нашла ваши карточки.
- Деточка!

Тяжелая сцена со слезами. А мальчик безучастный, сидит неподвижно.

- Что тебе подарить, девочка?
- Нашелся заводной воробей.

Строительство противотанковых укреплений.

Фото: Александр Устинов. Архив РИА Новости

Собак в городе нет, кошек нет, птиц нет. Всех съели. А у меня по паркету скачет железный воробей и клюет невидимые крошки.

Свет мой, зеркальце, скажи...

У мамы день рождения.

Она дежурит на крыше.

Я решила прибраться на туалетном столике.

Вымыла прибор из бисквитного фарфора: две вазочки с бессмертниками, пудреницу, два подсвечника. Все — тонкой работы. Рельефные ангелочки держат гнездышки с птенцами, птички, цветочки. Все из другой жизни.

В зеркало давно никто не смотрит.

Заросло пылью, сажей. Протерла.

«Господи! Кто эта грязная сушеная обезьянка?»

Мама у меня строгая. Похвалила: «Сегодня ты хорошая девочка, Веша».

Кавки-вавки

Многие переселились жить в бомбоубежище.

И портниха с нашего двора с четырьмя детьми. Ядвига, двойняшки Кавелия и Вавелия (мы во дворе не различаем двойняшек и зовем общим именем Кавки-Вавки) и Стасик.

Портниха кормит только Ядю, а другим дает мало, только попить.

Женщины возмущаются. Отвечает:

«Мне бы хоть одного сохранить».

Первого на саночках в простыне она отвезла грудного Стасика. Потом и Кавки-Вавки приказали долго жить Яде.

Я видела ее после войны.

Волшебная лампа Алладина

Я дома одна. Из черной тарелки репродуктора весь день стучит метроном. Прерывается только на вой сирены — тревога. Тогда я должна взять рюкзачок с ценностями (карточки, отрез крепдешина, мамино колечко, семейные фотографии) и идти в бомбоубежище. Не дохожу. Стою на черной лестнице с Ольгой Ивановной и другими там, где у нас кладовки и двойная кирпичная кладка между домами. Считается, что здесь надежнее. Слушаем.

Сильно воет, значит, летит мимо.

Скорее бы конец тревоги. По радио продолжение «Лампы Алладина». Спокойный, добрый мальчишеский голос рассказывает сказку изо дня в день: волшебный мир Востока, прекрасная царица Будур...

И было волшебство — я забывала о войне.

А читала Мария Григорьевна Петрова.

Кофе «У водников»

У нас два магазина: «Пролетарий» — угол Чернышевского и Кирочной и «У водников» — угол Кирочной и Восстания, напротив «папанинского» дома.

В «Пролетарии» распродажа: сен-сен — пакетики для бросающих курить со сладкими козьянками, внешне напоминающими мышиный помет. Мы много закупили.

«У водников» весь день кипятят титан и заваривают ячменный кофе. Очередь толпится с утра до закрытия. Народ с бидонами, котелками. На потолке роспись в виде свернутых синих рыбин.

Ждем, когда закипит. Дома ведь дров нет. Готово.

Всем разливают за мелкую плату. Остальные ждут следующий титан. Так весь день.

Дома горячим кофе запиваем сен-сен. Живем!

Нюхаю хлебозавод

Хожу на бульвар на Петра Лаврова за травкой для супа.

На углу Чернышевского — хлебозавод.

Там такие кованые решетки над подвалом и тянет запахом хлеба.

Сначала я собираю мокрицу. Лебеду брать не велено — от нее слепнут.

А после иду вкушать запахи.

Дышу ртом, глубоко, до самого живота, чтобы наесться всем телом.

Так бы и стояла тут весь день.

Дома на двух кирпичиках в голландке варю суп из травы на щепочках, собранных на заднем дворе моей разбомбленной школы.

Голод

Захожу во флигель к Гале Соловьевой.

Там женщины колдуют над сковородкой.

Жарят свои... каки.

Посыпают соль, перец..

Ушла. Рассказала маме.

«Не смей туда ходить! Съедят».

Под аркой сбоку дверь в дворницкую.

Прохожу поскорее. Там дядя Вася с Зойкой съели тетю Маню.

Купим козочку

Ночью кто-то упорно стучит в парадную дверь.

Мама открыла — стоит ледяной папа.

Он шел с завода по Неве и провалился под лед.

Чуть живой. Мама раздела, отогрела, уложила.

Папа лежит на высокой кровати. Я стою возле.
Он гладит меня по голове.

«Вот скоро кончится война. Купим козочку. Будешь пить парное молоко. Поправишься».

Перед войной папа возил из пригорода козье молоко в бутылке за пазухой. У меня туберкулез.

Так мы жили полной семьей несколько дней.

Скоро папа ушел на завод.

Больше мы его не видели.

Запечатленный кадр

С жестяной банкой иду за водой на Рылеева среди сугробов.

В подворотнях лежат белые мумии.

С Восстания идет грузовик. Пережидаю.

Высоко над бортами навалены голые мороженые дистрофики, как дрова.

Белые тряпицы развиваются на ветру.

Машина идет в сторону Невы.
 Мороз. Тишина. Безлюдно. Проехала.
 Я иду дальше.
 А кадр врезался навсегда.

В лесу родилась ёлочка

Оказывается, уже Новый год, 1942-й.
 Маме дали билет для ребенка на елку в Кукольный театр на Некрасова.

Одеколоном она оттерла сажу на моем лице и руках. Обрядила поверх ватничка в свой желтый шерстяной костюм, а сверху пальто, платок — узлом на спине, валенки.

Детей собрали в хоровод. Взялись за руки маленькие «мумии» и пошли вокруг ёлки: «В лесу родилась ёлочка...»

Ходим кое-как, а нос чует забытые запахи, только ждем скорее подарки. Усадили за длинные столы, и вот чудо: на тарелке маленькая свиная котлетка с кашей. Еще дали узелочек: мандаринчик, печеньице, конфетка. Так и

вышли к мамам, сжимая узелки в руках. Оранжевые шарики мандаринов тихо поплыли в разные стороны.

Пшено в спичечном коробке

Очень холодно.

Мама на дежурстве в госпитале. Велела топить буржуйку, варить пшенный суп. Не могу.

В пальто, шапке, валенках забралась под ватные одеяла с коробочком в руке.

Там пшено.

Послюнила палец и набрала крупинки.

Тают во рту.

Нет, надо по одной, чтобы «на дольше» хватило.

Какие вкусные крупинки.

Замерзаю.

Никто не забыт?

Стучат. Женщина из дома 42а работает на «Светлане». Пришла сказать, что папы больше нет. Она видела, как он упал на заводе 25 января 1942 года.

Папа хотел пойти на фронт добровольцем, но на заводе он включен в список самых нужных — «золотой фонд завода».

Если бы отпустили, может, вернулся бы, хоть калека.

После войны мама делала запрос — ни в каких списках не нашли. Свидетельства о смерти не дали.

На Пискаревском в братских могилах нет.

Где упокоился мой папа — Иван Афанасьевич Назин из «золотого фонда» номерного военного завода?

Горошинка

Растаяли сугробы на Радищева, Рылеева.

Под аркой дома 42а среди серых булыжников на черной земле что-то светится волшебным светом.

Горошинка! Одна. Откуда?

Может, закатилась осенью в начале войны, набухла под снегом и ждет меня?

Лежит на ладошке, толстая, светло-зеленая, уже проросшая.
Смакую: толстый росточек, две половинки, крепкая кожица.
Какой необыкновенный, давно забытый вкус свежести!
Это весна.

Хлеб на ниточке

Мама пришла с дежурства, а душа моя уже отделяется от тела.
Запаковала дохлятинку и повезла в стационар на саночках.

- Все, мамочка, везите дальше, в Неву.
- Я буду жаловаться начальнику госпиталя!

Мама – санитарка в эвакогоспитале 989.

- Она еще дышит. Попробуйте выкинуть!

Затащила на санках в бокс, а сама выглядывает из-за угла. Выкинули пустые санки. Слава богу – взяли.

Очнулась через несколько дней. Полная палата тощих девчонок. Кормят три раза, поят зеленым хвойным настоем. Оживаю. Под окном зов: «Ве-ру-у, Ве-ру-у».

Это мама. Я сейчас.

Опускаю кусочек хлеба на ниточке со второго этажа.

- Что ты. Не надо. Кушай сама.
- Ешь. Это подарок.

Вера НАЗИНА

Галина Александровна НЕТЕСА

Сотрудник Ленинградского металлического завода с 1942 по 1980 год.

Июнь 1941-го. Мне 17 лет. Я заканчиваю 9 класс, впереди каникулы. Но наступило 22 июня, и все пошло не так... Началась Великая Отечественная война.

В сентябре 1941 года я пошла на дежурство в свою школу — школу № 1 на Покровской улице (*теперь это продолжение проспекта Металлистов от Кондратьевского проспекта до Лабораторной улицы*). Часть здания уже была отдана военным курсантам. Мне запомнился день, когда они возвращались с задания. Это были совершенно другие, вмиг повзрослевшие ребята, настоящие солдаты. Но и тогда еще сложно было представить, что скоро начнется и голод.

Мы жили в доме № 21/23 на Антоновской улице, которая упиралась в улицу Замшина. Под одним

номером находились три двухэтажных деревянных дома. В нашем было 8 квартир. Водопровод на улице, в доме печь-голландка, подвал. Летом 1942 года, когда встал вопрос о дровах для центра города, наши дома разобрали, а нас переселили на Кондратьевский проспект, 26, в две узкие комнаты 4-комнатной квартиры.

Декабрь 1941-го.

Уже наступил голод. Я устроилась работать на Ленинградский металлический завод им. Сталина, чтобы получать рабочую карточку. (В то время мы, иждивенцы, получали по 125 г хлеба. Но что это был за хлеб?!). На вид я еще не была крайним дистрофиком (а прозвище это уже было в ходу), поэтому меня направили завальщицей в литейный цех, где отливали стабилизаторы для мин. С весов я сбрасывала руками чугунные чушки в жерло небольшой вагранки. А так как работа считалась вредной для здоровья, нам давали на обед дрожжевой суп. Его я ела с кусочком высушенного хлеба (мама на плите сушила, чтобы дольше жевать), который брала на обед из дома. Вот сейчас пишу, а сама думаю: «Сколько же надо было иметь терпения, чтобы не съесть этот кусочек до того, как нальют суп. Видимо, очень хотелось жить. Именно жить». А голод мучил постоянно: утром и вечером, на работе и после нее, даже ночью. Но несмотря на это, мама строго запрещала нам заглушать его водой и есть много соли. Конечно, она нас любила, но именно эта любовь и заставляла ее принимать столь жесткие меры. И поэтому мы хоть и были худыми, но никогда не опухали.

Отец работал тоже в цехе на ЛМЗ. Но в конце января 1942-го его призвали в армию. На Ленинградском фронте он развозил почту по военным частям. Однажды мы с братом ходили к нему в часть пешком. Это было в районе Автово. Позже папа с военной частью дошел до Эстонии.

В конце апреля 1942 года меня вызвали в штаб Местной противовоздушной обороны. Начальник штаба И.И. Панюшин предложил остаться на заводе бойцом МПВО, так как пришла повестка из городского штаба ПВО. Я согласилась и осталась на заводе, где работала и моя мама сверловщицей. Так что, с мая 1942 до окончания войны я находилась на казарменном положении. Тогда для многих рабоче место

стало домом. Наша команда жила в пристройке 25 цеха, кормились мы на рабочую карточку, ходили за 21 цех рвать лебеду, потом пекли лепешки. Домой отпускали редко, хорошо, что с мамой виделась на заводе. Я часто наблюдала за тем, как люди, грязные, неумытые, оставались на ночь в цеху, устраивались где попало, лишь бы было тепло, и засыпали.

Чем мы занимались в штабе?

— Учебой по специальности. Даже участвовали в дегазации очага поражения (район Девяткино).

— Дежурили во время налета авиации и артобстрела. Участвовали в ликвидации очагов поражения на территории завода вместе с другими командами (медиками, управленцами). Городские команды ПВО в ликвидации очага поражения на заводе участия не принимали.

— Дежурили в штабе завода (в бомбоубежище), куда управленцы, дежурившие на посту на крыше, передавали сообщение об обстановке обстрела.

— Зимой расчищали Свердловскую набережную от снега. А для того времени это был труд не из легких при нашей еде и «дистрофии».

— В цеху, где ремонтировали танки (к тому времени часть Кировского завода переехала на наш завод), снимали первую стружку с будущих снарядов на станках (выполняли самую первую операцию), а другие операции — обработка и доводка деталей до готовности — выполняли уже «настоящие» станочники, в основном ребята ремесленного училища завода.

— Дежурили в больнице им. Мечникова, ухаживали за ранеными. Палаты были большими, в них размещалось около 40 раненых. Сердце сжимается до сих пор, как вспомню танкиста с множеством ожогов, лежащего, как в гамаке, на подвешенной простыне в изоляторе.

Во время войны перебои с водой были обычным делом. Когда наша уличная колонка в 40-градусные морозы перестала работать, приходилось растапливать снег. Его мы собирали на полях, которые находились между Кондратьевским проспектом и улицей Замшина. Там в мирное время

RIA Novosti Archive. #2153
Photo: Boris Kudoyarov | 12/10/1942

высевали морковь и сажали капусту. (Как теперь я понимаю, в 40-е годы наш район был окраиной Ленинграда. Железная дорога от Финляндского вокзала завершала территорию города.) А ино-

гда мы с братом ходили к Полюстровскому источнику. Однажды, помню, туда же пришел и мальчик с Кондратьевского проспекта. Когда он набирал воду, поскользнулся, упал и вымок. День был холодный, дорога до дома довольно дальняя, шла через поле. Я предложила ему зайти к нам, погреться, но он отказался. Теперь, вспоминая этот случай, я до сих пор задаю себе вопрос: «Дошел ли он до дома?»»

Почти до снятия блокады на левый берег Невы, в центр города, я не ходила, поэтому умерших от голода на улице видела мало. Но и в нашем районе насмотрелась всякого. Помню, зимой шла с завода домой по Кондратьевскому проспекту, когда мимо проехала грузовая машина, заполненная сложенными трупами. Брезент, которым были покрыты тела, вздулся от ветра, и мне запомнилась женщина. Особенно ее развивающиеся волосы. Машина ехала в сторону Богословского кладбища. Сколько лет прошло, а я картину эту вижу, как наяву. Не стирается из моей памяти и еще такой момент: человек, неподвижно сидящий у дома на углу Кондратьевского проспекта и улицы Жукова. Видимо, как присел отдохнуть, прислонился к стене, да так и замер навсегда.

1944 год. Долгожданное событие — прорыв и снятие блокады.

Помню, за несколько дней до этого были слышны глухие раскаты.

О прорыве блокады, о том, как ленинградцы встретили этот день, уже написано воспоминаний немало. Но ту радость, которую мы испытали тогда, описать все-таки невозможно. Это надо пережить!

Странно, но именно в страшные годы войны я рассмотрела величие и красоту нашего города. Кажется, это было зимой 1944-го. Помню, в тот день мне повезло: удалось отоварить мясные талоны бараниной. Обычно для этого приходилось простоять в очереди целый день, и только в центре города. Так было и в тот раз. Магазин находился в районе нынешней станции метро «Чернышевская», ближе к улице Чайковского. Счастливая, что мне удалось раздобыть мясо, я возвращалась уже к вечеру домой. На улице было тихо и слегка морозно. Проходя через Литейный мост на правый берег Невы, я вдруг остановилась и невольно залюбовалась городом. Несмотря ни на что, он был прекрасен. И такой родной, что у меня захватило дух от восторга. Я вдруг поняла, что значит гордиться местом, где живешь. Я многое знала о Ленинграде, интересовалась его архитектурой, но великолепие родного города рассмотрела только тогда...

Май 1945 года.

Не помню только, 4 или 5 мая нас всех собрал директор завода В.В. Кожаринов и отпустил домой до 10-го.

Война закончилась для нас. И как поется в песне, эта была «радость со слезами на глазах».

После войны мы в семье старались не вспоминать о пережитом в этот период. Было слишком тяжело.

Мы — молодые — стремились закончить обучение, получить образование. Стране нужны были и рабочие, и инженеры. Ребятам из нашего класса, вернувшимся с фронта, постарались принять в институты даже без окончания 10 класса. Учителя были уверены, что они оправдают их надежды, и они их не подвели. Среди них оказались будущие археолог Заднепровский, врач Лукьянов, полярник Агеев и другие достойные уважения люди.

Александра Ивановна НИКИТИНА

Никитина (Володина — в девичестве) Александра Ивановна родилась 4 октября 1932 года в Киришском районе. В семье было 4 детей — два брата и две сестры.

21 июня 1941-го, в Юрьев день, Саша с отцом гостила у своей тетки, в соседней деревне. Проснувшись утром следующего дня, они услышали страшное сообщение: «Началась война». Нужно было идти домой, пешком 6 км. В Сашиной деревне была небольшая площадь, где обычно проводились колхозные праздники и танцы. Но в день начала войны вся площадь была наполнена не звуками веселой музыки, а женским воем, именно воем. В центре стоял председатель сельского совета и говорил о войне. К этому времени Саша закончила только первый класс.

Отца на фронт взяли не сразу, потому что как бригадир он был нужен в селе. Но 5-го июля все же ушел защищать родину. Перед уходом он произнес горькую фразу: «Мы больше не увидимся. Или вы останетесь живы —

меня не будет, или я выживу — вас не будет» — и очень плакал. Все носил на руках самую маленькую дочку, прижимал к себе. Говорил, как чувствовал: когда он погиб, ему было всего 37. Предполагается, что он умер от ран в госпитале.

После того как отца забрали на войну, на руках у матери Александры осталось четверо детей. Вскоре и Саша, и мама заболели воспалением легких. Лечил девочку сельский фельдшер. А вот матери было не до болезни: она продолжала рыть окопы с односельчанками.

Немцы вошли в деревню 7 ноября 1941-го со стороны станции Войбокало. Жители ушли в лес. Но и там скрыться не удалось: место их расположения фашистам выдал свой же — председатель колхоза. (Когда наши войска освободили Кириши, этого предателя арестовали и посадили.)

До ухода в лес семья Володиных по меркам военного времени была хорошо обеспечена пищей: у них жили три гуся, в погребе хранилась картошка, зерно, говядина (корову тете Александры пришлось зарезать). Щами тетка

кормила и своих четверых детей, и племянников. Но завтрак, обед и ужин семьи обычно составляла щепотка пшеницы, запаренная водой.

Когда немцы обнаружили жителей села в лесу, то погнали их обратно в деревню, но в дома не пускали. Многих загнали в деревенскую баню. Жить в бане с пятью соседскими семьями пришлось и семье Александры. Как они умудрялись там уместиться, представить сейчас невозможно, тем более что на улицу немцы никого не пускали. Жизнь была как в кошмарном сне. Когда по ночам бомбили окрестности, одна из женщин хватала деревянное корыто, накрывалась им и лезла в грязь под пологом. А семья Саши бежала к порогу, к выходу бани у каменки. Дети садились на корточки, мама обхватывала всех руками и говорила: «Умирать, так всем вместе».

А когда баню топили, четырехлетняя сестра сильно плакала. Мама лежала с ней под ватным одеялом и говорила: «Не плачь, сейчас придут немцы», и она замолкала. Маленькая сестра их очень боялась.

Через некоторое время в баню привели мальчика, Сашиного одноклассника. Его дом разбомбили: отца убило, а мачеха и сестра выжили. У самого ребенка были переломаны ноги, и немецкий врач пытался их вправить, чтобы мальчик мог ходить. Через пару дней немецкие захватчики решили из деревни всех выгнать, так как рядом были русские солдаты. Поэтому всех ночью согнали на скотный двор. Было это зимой. Днем всех увели, а мальчик остался один, замерз и умер.

Александр с односельчанами немцы погнали в Германию. Дорога была долгой и тяжелой. Голодные, замерзшие женщины и дети держались из последних сил. На привал остановились в одной из соседних деревень. Володины расположились в доме, где жила женщина с маленьким ребенком. Там они и ели и спали как дома, но это продолжалось недолго, всего пару дней. Однажды, войдя в дом, хозяйка сказала: «Уходите в Городище, иначе вас сейчас отсюда погонят». В тот момент староста уже бегала по домам и всех выгоняла. Володины всегда были наготове: спали одетыми.

Они взяли санки и ушли. Немцы их не остановили. Так и дошли все до Городища. А там поселились в одной

из бань, их свои деревенские впустили. Немцы в этой деревне были недолго, кто-то говорил, что дней пятьдесят.

Однажды мама пошла за водой, возвращается и кричит: «Наши сейчас придут! Что вы спите?» Все соскочили с мест, и она рассказала, что встретила кого-то из деревни, и ей сказали, что сейчас придут советские разведчики. Когда в деревню пришли наши войска, все из бани выскочили, очень радовались — наконец-то, дождались!

Когда деревню от немцев освободили, Володины решили вернуться в свой дом, но их туда не пустили. И только, когда мама сказала: «Я же хозяйка», разрешили залезть на печку и приказали не выходить.

Мама Саши работала на военных, стирала в бане. За это ей давали тарелку супа, второе, чай или компот. В семье все это делилось на пять человек. Второе доставалось маленькому двухлетнему братику, если он не доедал, то отдавалось младшей сестре.

В 42-м Саша с братом и сестрой ходила собирать кострицу, которая росла там же, где и рожь. Мама ее перемалывала, сушила и потом пекла лепешки. Лепешки пекли даже из мха, который собирали на болоте. Иногда Саша ходила на поле за прошлогодней гнилой картошкой. Собирала ее, обтирала и ела.

Однажды Александра заметила, что за ней идет военный. Она слышала его шаги, но шла не оборачиваясь. И вдруг он ее позвал. Девочка повернулась и увидела, что он протягивает ей пакетик с гречкой. Она схватила его и побежала, радостная, домой. Мама сразу же сварила суп из этой гречки. А случай этот запомнился на всю жизнь, настолько сильно семья была благодарна тому человеку.

В деревне Володиных остановился русский военный, с дочкой которого дружила Саша. Иногда, когда Саша приходила к ним в гости, они ели копченую селедку. Когда рыбу доедали, остатки пищи выбрасывали на улицу.

Тогда Александра бежала на помойку, собирала косточки и несла истощенной маме, которая их с удовольствием обсасывала... Маме так и не удалось дожить до Победы, 20 августа 1942-го она умерла в возрасте 34 лет. После этого страшного события произошло еще одно. Сгорел дом Володиных, и дети остались без крова.

В 1942 году их забрали в детдом, в Будогощь. Сначала привезли в детприемник в Тихвин, а потом погрузили в машину и отправили в детдом в поселок Красный броневик. Первое время детям не на чем было спать — не было кроватей. Позднее, кровати для детей все-таки нашли, и у 40 девочек и мальчиков появилась возможность нормально спать. Саше исполнилось тогда уже 10 лет. В детдоме было голодно. Никто никогда не чувствовал себя сытым.

В этом детдоме Саша Володина закончила 4 класса. Потом ее отправили в другой. Училась она хорошо, хоть и книг не было.

В 1947-м, уже после войны, воспитатели, глядя на детей в столовой, не могли сдержать слез. Тогда уже еда представляла собой не тарелку, в которой были три макаронины с водой, а настоящая порция макарон с сухариками. Как дети радовались такому обеду! Кричали от счастья! А воспитатели стояли и плакали.

В 1949 году, после 7 класса, повзрослевшая Александра поступила в Ленинградский химический техникум, так как очень любила химию.

Наталья Алексеевна ПЕРЕШИВКИНА

Родилась я в 1925 году в деревне Череповецкого района Вологодской области. В последующем наша семья переехала и стала жить в селе Верхотомское Кемеровской области. В семье было четверо детей. Жили дружно. Получилось так, что наша семья не состояла в колхозе.

Я вместе с мамой и сестрой работала до войны на маслозаводе. Вначале на маслозаводе я была простой рабочей, а затем уже стала мастером. Моя сестра работала там лаборантом.

22 июня 1941 года я была в деревне. Там я и узнала, что началась война. С первого же дня войны, да и в последующие дни нашим мужчинам вручали повестки и отправляли на фронт. Много людей было мобилизовано на оборонные работы.

Я тоже была отправлена на лесозаготовку недалеко от города Тихвина. Впоследствии на оборонные работы людей распределяли и в другие города, в первую очередь, туда, где готовилась нашими войсками укрепленная оборона.

На лесозаготовке приходилось валить лес, рубить и заготавливать дрова для фронта. Кроме того, мы копали окопы, строили заграждения из колючей проволоки и оборонительные сооружения. Жилось очень тяжело, часто просто голодали. Когда еды не хватало ели траву или дуранду, которую сушили и толкли. Был не только страшный голод, но и холод. Несмотря на то что было очень тяжело, все мы старались не отлынивать от работы. Трудились в меру своих сил и возможно-

стей, ждали хороших вестей с фронта о победах наших войск. Все ждали окончания войны и этот счастливый день наконец настал. Когда объявили о нашей Победе над фашистской Германией, все, даже не знакомые люди, обнимали и целовали друг друга, плясали, радовались, плакали от счастья.

В конце 40-х годов вместе со своей приятельницей я перебралась в Ленинград. Вначале жила в общежитии. В 1950 году вышла замуж. В восстановлении города после блокады не участвовала, но и потом хватало дел. Работала на заводе «Красный выборжец», который расположен на территории муниципального образования Финляндский округ. Награждена медалью «Ветерана труда».

Сейчас — на заслуженном отдыхе, но всегда в День Победы мы вспоминаем о тех трудных и героических временах.

Нина Васильевна ПЕТУХОВА

Я родилась в деревне Олешино Лужского района Ленинградской области. В 1941 году мне было 10 лет.

Уже ближе к концу войны, когда начали освобождать некоторые районы от немцев, нас сразу стали посылать на работы. Тогда не было ни лошадей, ни быков. Никакой тягловой силы. Поэтому вскапывать и пахать землю для посева пришлось нам самим, вручную. Мы работали лопатами. Земля вся заросла травой, ее нужно было переворачивать и рубить лопатой. Было тяжело. Взрослые женщины впрягались в плуг: надевали на шею веревки и тянули его за собой, как лошади. Мы, подростки, им помогали.

Потом, когда урожай уже поспел, мы помогали его собирать. Жали рожь. Я не очень хорошо умела обращаться с серпом, поэтому мой указательный палец был весь ободран.

Когда мужчины стали возвращаться с войны, стало полегче. Они выходили с нами в поле, работали косами, а мы вязали снопы и укладывали килосы — накрывали снопы, чтобы рожь не намочила под дождем. Потом, когда снопы убирали, мы собирали колоски.

Каждый колосок был на счету — хлеба-то не было.

Рожь нужно было обязательно высушить, ведь мокрую ее не смолотишь. Сушили ее на риге. Снизу топилась печка, а сверху на специально установленные доски выкладывалась рожь. Когда она просыхала, мы ее молотили. У

меня почему-то не получалось. Моя подруга научилась, а я нет, поэтому я стала веять рожь — отделять ее от мусора.

Кроме ржи мы также выращивали разные овощи. Откуда появились семена, мы не знали. Да и не вникали в это. Для нас главное было побыстрее обработать, да на танцы сбежать. Как ни работай, пусть и устал очень сильно, но на танцы обязательно надо сходить. Молодежь, что еще сказать!

Когда мы работали на выращивании овощей, я на всю жизнь наелась турнепса. До сих пор не ем свеклу! По идее, он выращивался как корм для животных, но мы его сами с удовольствием ели. Еще мы копали картошку: хорошую отправляли в совхоз, а гнилую брали домой. Плохо мы жили, хвастаться нечем.

Большой радостью для нас было возвращение отца с фронта! Он был большим тружеником, поэтому много работал. Зимой в лесу, пилил деревья, а летом пас колхозных коров.

Ели мы мало. Вот, например, папа иногда приносил конфетки — подушечки. Маленькие такие. Так мама нам даст по одной, с чаем попить, и будьте здоровы. И кусочек хлебца малюсенький.

Как-то мы с братом пошли в другую деревню — искали муку, чтобы лепешки испечь. Но муки не было, и мы купили льняного семени. Я пришла домой, намолочила муки из него. Пока молочила, наелась крупными ошметками. Из получившейся муки замесила тесто и испекла лепешки. Мама с братом поели, а я не стала — муки наелась, уже сытая. И тут увидела страшную картину: мама идет, вдруг падает и лежит. То же самое произошло с братом. Встанут — опять упадут. Видимо, какой-то наркотик был в этом семени. Как пьяные. Хоть смейся, хоть плачь. Я плачу, что мама падает, страшно за них стало. Взяла эти лепешки и отдала их курам. Птицы все склевали, упали на спины и лежат, лапки под себя подтянули. А я еще пуще плакать начала: «Куры сдохли!» А они ведь яйца несут, которые государству надо отдавать! Тут папа приходит на обед. Мама с братом к тому времени уже пришли в себя. Отец говорит: «Давайте обедать». А мама ему отвечает: «Так есть-то нечего. Нинка вон напекла лепешек каких-то, мы все завалялись и лежали. И куры вон до сих пор лежат, лапы вверх!» Папа мой все равно решил поесть. Наелся.

Пошел дальше на работу — пасти коров. Работал он не один. И потом его друг Анатолий нам рассказывал, а мы умирали со смеху. «Идет — говорит, — дядя Вася по дороге и падает. Я ему: “Васька, ты чего валяешься?”, а он отвечает: “Только молчи, моим ничего не говори!”». Вот такие лепешки я испекла.

Помню, с отцом мы ходили в соседнюю деревню за капустой. Животные такую не едят, вся гнилая была. А мы ели. Приходилось...

В 1948 году я приехала в Ленинград. Устроилась на ФЗО на комбинат ткацкой фабрики им. Тельмана. Отучилась год, потом меня взяли на работу.

...Все мои друзья уже умерли. Осталась одна только подруга. Все-таки война подкосила: пусть не в военное время умерли, но потом на здоровье сказались и голод, и холод, и тяжелые работы. В войне мы все же выстояли, за что я благодарна Богу.

Вячеслав Павлович ПОТИХА

Родился я незадолго до Великой Отечественной войны, в феврале 1944-го, под г. Островом Псковской области. События суровых военных лет не обошли стороной нашу семью. По рассказам моих родных и родственников, многое произошло с нами на Ленинградской земле и в самом Ленинграде.

Мой дед, Иванов Егор Иванович (1894—1944), в 30-е годы был председателем колхоза «Красное знамя» на Псковщине, затем переехал в Ленинград и работал в системе ЖКХ Куйбышевского района. Так как он был непризывного возраста, то почти всю блокаду работал по довоенной специальности на предприятиях и оборонных объектах района. Сначала жил в Петроградском районе, около кинотеатра «Молния» на улице Шамшева, получая блокадные 400 граммов хлеба, а позже только 250. Когда дед ослабел и на работу стало тяжело ходить, его перевели на жительство в рабочее общежитие около Марсова поля, рядом с «Ленэнерго». Работы было много, так как фашисты интенсивно обстреливали и бомбили Куйбышевский район. Снаряды и бомбы падали на жилые дома, Эрмитаж, Русский музей, Инженерный замок, Главный штаб, Дворец пионеров. На Невском проспекте, 12, в память о 900-дневной блокаде висит доска, предупреждающая об опасности попасть под артобстрел на четной стороне улицы.

Пережив блокаду, дед подал заявление о добровольном вступлении в Красную армию, хотя руководство отговаривало его, подчеркивая его возраст — 50 лет и

Иванова Зинаида Егоровна (мама) с сестрами (в центре).

указывая на необходимость восстанавливать район после блокады. Но он сказал, что хочет освобождать родную Псковщину, где у него в оккупации остались жена, четыре дочери и внук. Он сражался на Невском пяточке, участвовал в полном снятии фашистской блокады Ленинграда, а затем с армией пошел в сторону Новгорода и Пскова и пропал без вести в марте 1944-го. Его имя занесено в Книгу безвозвратных потерь под №ОП:977521, Л:621, Л.329. До сих пор его судьба нам неизвестна.

Мой отец, Потиха Павел Кириллович (1912–1970), в конце 30-х годов служил по призыву в частях НКВД в Ленинграде. После службы закончил пожарно-техническое училище и был направлен на работу в Псковскую область, в Сошихино. В начале войны воевал в партизанском отряде в Сошихинских лесах.

Затем их отряд по приказу командования с боями перешел линию фронта, и отец стал защитником Ленинг-

Потиха Павел Кириллович – служба в Красной армии до войны в Ленинграде, 2-й взвод, 3 дивизион полка НКВД, первый ряд, крайний справа

рада. В 1943—1944 годах участвовал в прорыве и снятии блокады, освобождал Красное Село и Ропшу. После боев оставлен в Красном Селе для прохождения дальнейшей службы. В последующем он работал в должности инспектора госпрожнадзора в нескольких районах Ленинградской области, вышел на пенсию, а в 1970 году умер. Я храню его фотографии и государственные награды.

Моя мать, Иванова Зинаида Егоровна (1922—2006), в годы Великой Отечественной войны за связь с партизанами была отправлена в концлагерь Равенсбрюк в Германию, который находился около города Фюрстенберг, севернее Берлина. В нем находились женщины и дети из оккупированных фашистами стран и немки-антифашисты со своими детьми. Несмотря на то что лагерь был рассчитан на 35 тысяч заключенных, находилось в нем более 130 тысяч узниц и несколько

сот детей. С весны 1944-го в нем началось массовое уничтожение пленных: расстрелы, газовые камеры, преступные «медицинские эксперименты». Всего погибло более 93 тысяч человек.

Заключённых использовали в военных целях фашистской Германии, а также на хозяйственных работах у немцев. Группа, где находилась моя мать, работала на авиазаводе на клепке корпусов самолетов. За малейшую провинность и некачественную работу охранники избивали пленных палками. Но тем не менее в марте 1944-го советские женщины отказались работать на вооружение фашистской Германии. 27 апреля 1945-го фашисты эвакуировали значительную часть заключенных. 30 апреля Советские войска освободили лагерь, а позднее и остальных узниц. Среди них была и моя мать. Охранники, услышав шум моторов советских танков, бросились врассыпную.

О судьбе матери мы узнали только осенью 1945-го, когда она вернулась в СССР. До этого нам говорили полицаи, что ее как пособника партизан расстреляли фашисты. После возвращения на Родину мать некоторое время жила на Псковщине, затем в Латвии и Узбекистане. После смерти И.В. Сталина она вернулась в родные края и последние 50 лет жила в Ломоносовском районе Ленинградской области.

Победа, достигнутая нашим народом благодаря многочисленным жертвам, позволила нам, «детям войны», выжить и устроить свою жизнь. Лично мне довелось с отличием закончить ЛГПИ им. А.И. Герцена, проработать педагогом более 45 лет, стать заслуженным учителем России, кандидатом педагогических наук.

Александра Ивановна ПРОКОПЬЕВА

Александра Ивановна Прокопьева родилась 15 октября 1919 года в деревне Насоново Пашского района Ленинградской области в семье Ивана Васильевича и Марии Осиповны.

Семья была большая: четверо сыновей и две дочери. Отец занимался рыбным промыслом. На заре нэпа он создал небольшую артель, занялся торговлей и уехал жить в Ленинград. Там у него появилась другая семья, и с первой женой пришлось развестись.

Маленькую пожелтевшую справку со штампами о разводе родителей Александра Ивановна хранила всю жизнь. Сейчас, глядя на этот листок бумаги, понимаешь, что за ним стоит судьба целой семьи. И вот почему: в тридцать пятом году, после убийства С.М. Кирова, отца Александры Ивановны выслали из Ленинграда вместе с его второй семьей. Что случилось с ним в дальнейшем — неизвестно. А развод, оформленный в начале тридцатых, спас от репрессий Александру Ивановну и семью.

Кроме отца в город перебрался и старший брат Яков. Он поступил на заочное отделение Холодильного института, женился, но старался поддерживать оставшуюся в деревне семью.

В 1931 году он взял в Ленинград Александру Ивановну (ей тогда было 12 лет). Сначала она жила с его семьей, а затем, пока брат писал дипломную работу, — с семьей отца.

Александра Ивановна с сестрой и подругами. Лето 1943 года, г. Котовск

В 1936 году умерла мать, Мария Осиповна.

К сорок первому все братья и старшая сестра Александры Ивановны перебрались и устроились в Ленинграде, а сама она в 1938 году с отличием окончила школу и без экзаменов поступила в Электротехнический институт.

Весной 1941-го Александра Ивановна окончила третий курс института. С началом войны, после 28 июня, попала на торфоразработки под Новгород. Проработав там месяц, вернулась в город и первого августа пошла на занятия в институте, которые к тому времени были возобновлены. Но через две недели всех студентов отправили на строительство оборонительных укреплений в район Копорья. А после Копорья — на уборку овощей под Пери (район Лесколово).

Когда 8 сентября началась бомбежка города, студенты вернулись в Ленинград. В сентябре и октябре занятия еще пытались возобновить, но студентов осталось

мало — парни ушли на фронт, а девушки уехали из города.

24 октября студентов вновь отправили на рытье окопов, а вернулись они в город 6 ноября.

Старший брат Яков к тому времени ушел в армию. Сначала он обучался на курсах подготовки командного состава, а в начале октября погиб на фронте, где-то под Ленинградом. Доподлинно неизвестно, что с ним случилось. Служивцы говорили, что в него стрелял снайпер, и Александра Ивановна искала его по госпиталям, пока не получила похоронку с прочерком в графе «место захоронения». Только сейчас стало известно, что подразделение, в котором служил Яков, участвовало в одной из контратак по наступающим немецким войскам под Ленинградом. Неподготовленные и плохо вооруженные солдаты были обречены на гибель.

Александра Ивановна всю жизнь пыталась через архивы найти место захоронения брата. И это неудивительно — ведь именно он помог ей устроиться в Ленинграде, с его женой Валентиной Петровной она пережила первую блокадную зиму.

Им помогали остальные братья Александры Ивановны, служившие в армии: присылали сухари и хлеб. Под Новый год брат Павел, матрос на одном из сторожевых кораблей в Кронштадте, прислал кусочек сала. Его корабль зимой стоял около Петровского стадиона, и когда Павел дежурил на кухне, то всегда отдавал свой паек Александре Ивановне.

Начало нового 1942 года Александре Ивановне запомнилось походом в Драматический театр на Фонтанке. Удивительно, но театры работали в блокадном городе, несмотря на бомбежки, перебои с электроэнергией и отсутствием водоснабжения.

*Старший брат Яков.
1924 г.*

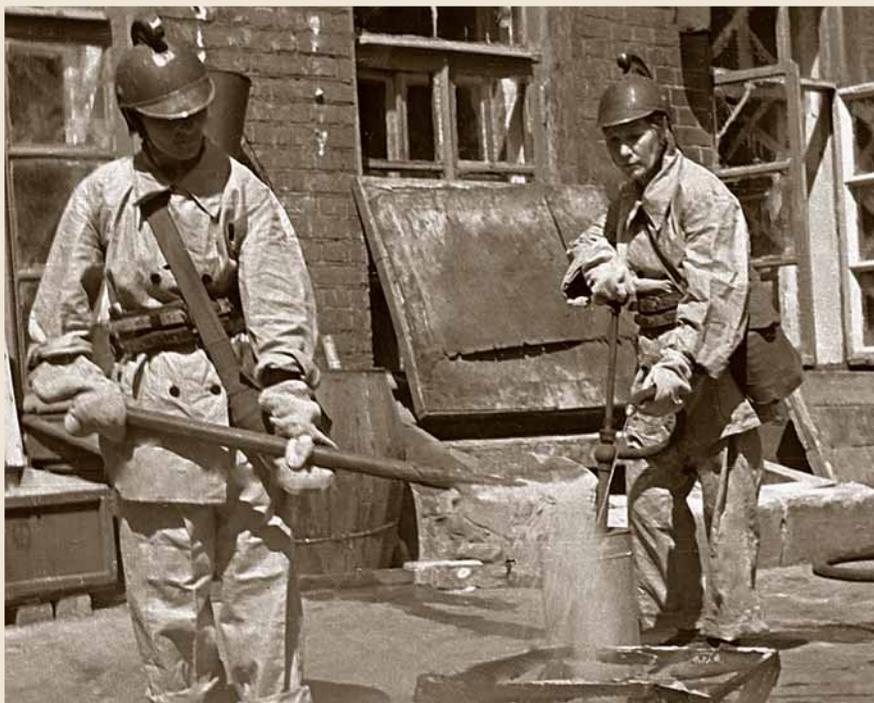

Муж Александры Ивановны, Прокопьев В.И, фотография и рисунок на поздравительной открытке. 1938 год

В марте 1942 года институт, в котором училась Александра Ивановна, эвакуировали, но она решила ехать к сестре, жившей в это время в городе Котовске под Тамбовом. Эвакуация проходила по Дороге жизни: ночью четырнадцатого марта, в кузове полуторки, под обстрелом фашистской авиации она покинула блокадный город.

В первых числах мая Александра Ивановна устроилась работать электромонтером в жилищном управлении Котовска при местном пороховом заводе, где проработала до сентября 1943 года, а потом поступила на четвертый курс Московского электротехнического института.

Институт Александра Ивановна закончила с отличием в 1946, и ее направили на работу на завод «Электропульт» в Ленинграде. А еще раньше, в сорок пятом году, вышла замуж. Когда она училась в Москве, то получила письмо от Василия Ивановича Прокопьева с предложением выйти за него замуж. Он был родом из той же деревни, их семьи давно дружи-

Боевой расчет тушит немецкие зажигательные авиабомбы.
Фото: Александр Красавин. Архив РИА Новости

ли и родственники одобрили этот брак. Александра Ивановна знала Василия Ивановича с детства и приняла его предложение.

Александра Ивановна всю жизнь хранила оставшиеся у нее документы военного времени: военный билет мужа, его награды и удостоверения к ним. Василий Иванович до войны работал на строительстве Свирской ГЭС, служил техником-лейтенантом в РККА. В начале Великой Отечественной его бригада занималась уничтожением мостов, а когда наши войска стали гнать фашистов на запад — строительством переправ.

Наталья Владимировна РОМЕНСКАЯ

О тех временах я помню смутно. В основном из рассказов мамы, так как я была совсем маленькой. Мы жили до войны на Социалистической улице: мама — Пиотровская Наталья Владимировна, папа — Пиотровский Владимир Иванович, бабушка — Пиотровская Мария Петровна и я — Пиотровская Наташа, названная в честь мамы. Так что, после моего рождения в нашей семье стало две Пиотровских Наталии Владимировны.

Что лично я помню из тех времен?..

Хорошо помню, как мы хоронили папу. Стук молотка, которым вбивали в гроб гвозди, слышу до сих пор. Когда началась война, ему как военно-морскому инженеру предложили эвакуироваться с семьей на Урал, но из-за своей матери он остался в Ленинграде. Пока мог двигаться, ходил на судостроительный завод. Однажды он пришел такой радостный! Принёс ведро риса, которое выменял на золотые часы Павла Буре. Но под слоем зерен в 2—3 см оказался песок, которым гасили на чердаках огонь от снарядов.

Через некоторое время он слёг с дистрофией и больше не поднимался. Дома почти все были лежачие, кроме мамы и отца моих двоюродных сестёр. Семейство моей тети к тому времени перебралось к нам после того, как в их дом на Пушкинской улице попала бомба. Идти им было больше некуда. Моя сестра Ольга рассказывала, что запомнила, какой худенькой я была и как все время просила есть. Хотя я не считала

себя дистрофиком — мой отец втайне от мамы отдавал мне часть своего хлебного пайка.

В блокаду маме было 28 лет, но в очереди за хлебом её называли бабушкой. Чёрные от голода, закутанные в платки, молодые женщины выглядели старухами.

О централизованном отоплении пришлось забыть, от холода полопались батареи и трубы с водой. Поэтому за водой обычно ходили на Неву, набирали её из проруби в вёдра и везли на детских саночках. Бывало, отстояв на морозе несколько часов, отходя от лунки, голодная женщина падала, подскользнувшись на льду, и оставалась без воды.

Всё, что осталось с мирного времени, было уничтожено. Муж тети до войны был страстным коллекционером, собирал антиквариат, картины, мебель. Но из-за страшных морозов, сопровождавших эту блокадную зиму, мебель из красного дерева пустили на дрова. Мама пешком ходила в Новую деревню — меняла золотые вещи на мёрзлую картошку. А когда она заканчивалась, приходилось варить шелуху, клейстер, есть заплесневелые сухари. Чтобы как-то выжить, весной мы собирали лебеду и крапиву на Марсовом поле.

После того как разбомбили Бадаевские склады, многие ходили к ним собирать землю, пропитанную сахаром. В городе исчезли кошки. Рассказывали о случаях каннибализма. Жители города отупели от голода и холода. Никто не реагировал, когда идущий впереди человек падал и умирал или замерзал на скамейке. На утро можно было увидеть, что у мертвого отрезан кусок бедра... Да, было и такое... Это страшное время стало жесткой проверкой для людей. Мама рассказывала, что до войны у них с папой были друзья: милая, интеллигентная пара, он — профессор, она — певица. Как-то папа пришёл к ним в гости, когда они варили бульон, и почти потерял сознание от запаха. Но его все-таки не угостили...

Первым в нашей семье умер мой папа. Его несколько дней не могли похоронить. Дядя и мама на детских саночках отвезли его на Большеохтинское кладбище. Следующей умерла моя бабушка Мария Петровна Пиотровская от водянки, за ней вскоре и вторая бабушка — Ольга

*Трое мужчин хоронят умерших в дни блокады в Ленинграде.
Волково кладбище.*

Фото: Борис Кудояров. 01.10.1942. Архив РИА Новости

Дмитриевна Анжу. Ни сил, ни возможности хоронить у нас не было. Поэтому за покойниками приезжали специальные машины, складывали тела штабелями и увозили в братскую могилу на кладбище.

После смерти папы мама со мной и моей двоюродной сестрой, устроившись в интернат для блокадных детей, была эвакуирована в Абакан (Хакасия). Ехали в теплушках. Время от времени нас бомбили с воздуха. Бывали случаи, когда в вагоне люди, истощенные от голода, набрасывались на еду (не было чувства сытости) и умирали от заворота кишок. С собой у нас было два чемодана. Так, чтобы их не украли, мама перед сном привязывала к своим длинным косам.

Приехав в Хакасию, воспитатели поселились у местных жителей. В доме хозяйки-хакаски была радиота-

релка, по которой они узнавали о продвижении наших войск. Мы не могли дожидаться победы. Уехав из голодного Ленинграда, в эвакуации нам пришлось «воевать» с животными. Как-то зимой маму послали в город за едой с возницей на лошадях. По дороге их стали преследовать волки. Чтобы спастись, они зажигали факелы и бросали в зверей.

...В Ленинград мы вернулись до дня Победы. Какое-то время жили на Невском проспекте в коммунальной квартире моей тёти. Помню, как нас, детей, разбудили крики взрослых на всю квартиру: «Победа!» Женщины в ночных рубашках выскочили в коридор и стали целоваться и плакать от счастья. По разбомбленному Невскому шли солдаты. Люди выбегали из домов и обнимали их. На следующий день на Дворцовой площади прямо на здании Зимнего дворца показывали боевую хронику и давали незабываемый салют в честь Победы. Народ танцевал прямо на площади.

Я хорошо помню пленных немецких солдат на Социалистической улице. Лица у них были добрые. Они разговаривали с нами на ломаном русском языке и дарили красивые деревянные копилки.

После Победы на лето я уехала к сёстрам в Боровичи, где их отец охранял военнопленных офицеров. Мы, дети, спрашивали их о войне. Они уклончиво отвечали, говорили, что шли воевать не по своей воле. Все они были тихие, неразговорчивые, многие знали кое-как русский язык.

Помню, как восстанавливался город в первые месяцы после войны, как из ящиков доставали скульптуры Летнего сада, которые во время войны закопали в землю. (Так их спасали от бомбёжек.) Помню, как устанавливали коней Клодта, как постепенно оживал город, каким вкусным был хлеб с маслом, посыпанный сахаром. Тогда он казался настоящим пирожным!

...Вот такие были времена. Сейчас странно представить всё это.

Со склоненной головой шли к символу блокады.
Здесь кто-то вспоминал, не сдерживая слез.
И в память о тебе, защитник Ленинграда,
На плиты без имен легли венки из роз.

Под крик толпы «Ура!» и с ленточкой в петлице
Прошли за рядом ряд в медалях старики.
Подтянуты, легки, с улыбками на лицах,
Походные сто грамм, как встарь, на ход ноги.

Мы в этот светлый день наполнили бокалы.
Не слышно канонад и грохота войны.
Знакомый всем призыв, и сразу стало тихо.
Минута тишины, минуты тишины...

Глядели в тишине на знамя из гранита.
Отбили шестьдесят кремлевские часы.
За тех, кем в этот день чекушка не допита,
Поднимет свой бокал за деда внук и сын.

Тебя нам не забыть, солдат в сраженьях павший,
Блокадный черный хлеб, из проруби вода,
Тебя, просивший есть, до срока умиравший.
Ты чудом уцелел, хоть голова седа.

Нарушит рюмок звон ту скорбную минуту.
За тех, кто не дожил, за тех, кто землю спас.
Мы за победу пьем под россыпи салюта
И светлую слезу смахнём украдкой с глаз.

Екатерина Тихоновна САДОФЬЕВА

Я родилась в поселке Торбино Окуловского района Новгородской области. Когда началась война, мне было 10 лет. В школе нам сразу выдали противогазы, стали обучать оказанию первой помощи, тому, как промывать и перевязывать раны. Была сооружена специальная вышка, и мы дежурили на ней по очереди, чтобы в случае чего объявить тревогу. Когда слышали приближающееся гудение самолета, мы кричали: «Тревога! Тревога!», и все прятались в специально выкопанную траншею. Места в ней для всех не хватало, приходилось тесниться, прижиматься друг к другу. Уроки у нас были, хотя писать было не на чем и нечем: не было ни бумаги, ни нормальных чернил... На большой перемене нам выдавали малюсенькие кусочки хлеба. Он был черный и такой колючий, что раздирал десны и щеки до крови.

Вскоре после начала войны к нам стали привозить раненых солдат. Везли их через лес, по узкоколейке, в открытых вагонах. Раненых размещали в сельсовете и в жилых домах. Мы помогали им, как могли. Бинтов у нас не было, поэтому для перевязки использовали разорванные тряпки и простыни.

Часто мы помогали раненым писать письма домой. Писать приходилось между строк на страницах газет и книг. Много ли там напишешь? Я как-то писала под диктовку раненого бойца — отца троих детей. Его младшую дочку звали, как и меня, Катей. Как только он начал диктовать:

«Я жив, здоров...», я так и замерла. Смотрю на него: одной руки нет, вторая искалечена. А он: «Что я тебе говорю, то и пиши». Я была еще маленькой, и мне было не понять, что это ложь во благо — чтобы родные не переживали.

А как мы мастерски научились скручивать папиросы из газет и махорки! Сначала у нас плохо получалось, и папиросы разваливались, но потом мы крутили их, как заядлые курильщики. И это в возрасте десяти-то лет!

Днем и ночью наш поселок бомбили. Мы быстро научились различать бомбы: фугасные оставляли глубокие воронки, а осколочные, как только долетали до земли, взрывались, и осколки летели во все стороны. Мы прятались от них в ямы, в водосточные трубы. Бывало, 18—20 человек залезали в одну трубу.

Жили мы недалеко от Мстинского моста, по которому проходили эшелоны с солдатами на фронт. Это была единственная дорога на Ленинград. И целью немцев было уничтожить этот мост. Каждый день бомбы сыпались одна за другой, и пачками из самолетов выбрасывались листовки, причем, на русском языке. В них были стишки, как частушки. Один я даже запомнила: «Проедут наши таночки, закопают ямочки». Немецкие самолеты (мы называли их «самураи») летали очень низко, гудели, мы их боялись так сильно, что нас трясло. Но сколько они ни старались взорвать мост, ничего не получилось — его тщательно маскировали.

Однажды мы возвращалась из школы. Рядом с нами шли работники сельсовета. Вдруг начался обстрел.

14 человек убило осколками бомбы. Осталась только я с двумя соседскими мальчиками — мы успели спрятаться в вагонетке и спаслись от смерти.

В нашем поселке держали пленных немцев. Расселяли их при вокзале, в сельсовете, в клубе, и никогда в жилых домах. Мы с ребятами прибежали на вокзал и разговаривали с ними жестами. Один из них объяснил мне, что у него трое детей: двое моего возраста и один совсем маленький, грудной.

Каждый день в школе на линейке нам говорили: «Если заметите что-нибудь подозрительное, сразу бегите в сельсовет, чтобы немедленно сообщить об угрозе». И вот как-то раз на дороге возле меня останавливается наша, советская, машина. Из нее выходят двое. Оба одеты в советскую форму, у одного в руках карта, и он на ломаном русском спрашивает у меня дорогу на Мстинский мост. Естественно, у меня они вызвали подозрение. А перед мостом как раз была развилка: одна дорога вела прямо на мост, а вторая шла в обход, и на ней как раз располагался наш штаб. Я сказала им, что прямая дорога закрыта из-за недавней бомбежки и отправила их по объездной. Как только

они отъехали, я побежала в сельсовет и рассказала о случившемся. Их задержали. Потом в школе на линейке мне объявили благодарность за бдительность.

Летом нас часто посылали в поле собирать колоски, за 3—5 км от нашего поселка. Обуви у нас не было, поэтому мы носили «шанхаи» — деревянные подметки, которые приматывались к ноге тряпками. Ноги все время были мокрые и мерзли, и мы часто простужались.

Зимой мы расчищали снежные заносы на железной дороге. Морозы были под 40 градусов! Нам давали норму, объем работы был очень большим. Наверное, это делалось для того, чтобы мы не замерзли. Если выполняешь норму — получаешь талон на хлеб. Мы все к этому стремились, поэтому работали не покладая рук.

Мне сложно передать, насколько ужасным был голод в то время. Нам выдавали маленькие кусочки черного хлеба. Мы ели траву и использовали сушеный болотный мох как муку для лепешек, настолько мы были голодными. Когда умирали лошади, папа снимал с них сбрую, и варил кожаные ремни. Получалось что-то вроде киселя — такая странная клейкая масса. Ее мы тоже ели. Из-за постоянного недоедания и авитаминоза у нас опухали руки и ноги, все тело покрывалось оспинами, фурункулами и гнойниками. Мы страдали от вшей, чесотки, постоянных простуд... И все это нечем было лечить.

На этой войне я потеряла почти всю свою семью: один мой брат погиб на передовой, второй пропал без вести, сестра скончалась от голода в Ленинграде во время блокады, мама тоже умерла. Осталась только я и моя старшая сестра. Она и сейчас живет в Торбино. То, что я пережила в детстве, останется со мной навсегда. Это было очень страшное время, никому такого не пожелаешь, даже врагу.

Я никогда не забуду тот момент, когда по радио объявили о том, что война кончилась. Все плакали от счастья, обнимались, как родные, смеялись и радовались. За все годы войны я не видела столько улыбок, как в тот день. И это действительно был один из самых счастливых дней моей жизни.

Нина Михайловна САМСОНОВА

Я начала работать на заводе «Прогресс» в 1940 году. Мне тогда было 18 лет. Когда началась война, весь завод — и рабочих, и оборудование эвакуировали в Омск. В августе мы уже уехали из Ленинграда.

В Омске наш завод занимал 2 помещения: ветеринарный институт, в котором мы жили и работали, и сельскохозяйственный институт, где расположилось наше начальство. Потребовалось время, чтобы установить все станки, настроить их... А потом пошла работа. На заводе я была гравировщицей. В феврале 1943-го я вступила в партию. И меня уже в Омске сделали бригадиром, у меня было 12 девочек под командой. Работали мы, конечно, хорошо, старались, ведь у каждого из нас был кто-то близкий и родной на фронте. Трудились по 16 часов и ночью, и днем. Бывало, ночью хочется спать, выйдешь на улицу, мороз как схватит, взбодриться! Холода в Омске были сильные, под 40 градусов. А моя кровать в общежитии стояла как раз возле холодной, обдуваемой ветрами стены. Так у меня одеяло к стенке примерзало! Иногда проснешься утром, и одеяло от стены не оторвать.

Мы с утра и до ночи работали, у нас не было времени даже думать о чем-то другом. Никто не ныл, никто не стонал, никто никаких гадостей не делал. Все старались, стремились к Победе. Лишь бы скорей кончилась война.

9.

Общежитие . Комната № 50.

Жилось, конечно, тяжело. И с хлебом, и вообще с едой было трудновато. В столовой нам постоянно готовили галушки: маленькие кружочки из муки непонятного цвета. Война есть война. Мы, конечно, не испытали такого голода, как ленинградцы, но трудностей было много.

До самого конца войны мы были в Омске. Вернулись домой вместе с заводом в ноябре 1945-го.

Когда мы уезжали из Ленинграда, нам всем дали справки, что наша жилая площадь за нами сохраняется, а когда мы вернулись, нам сказали: «Вас не было 4 с лишним года, вы ничего не платили, так что вся ваша площадь пропала». У нас на «Прогрессе» был большой клуб. Его разделили фанерой на маленькие комнаты, в которые поселили нас по 3—4 человека. В них мы жили до тех пор, пока со временем не расселились кто куда.

Родители мои остались в Ленинграде, когда меня эвакуировали, позднее их тоже вывезли в Красноярск, но я об этом узнала уже после войны.

Мой брат тогда как раз закончил институт, выучился на врача. Естественно, его призвали в армию в самом начале войны. Мы с ним переписывались, и часто в своих письмах он писал, что родители наши, скорее всего, погибли, раз от них ничего не слышно. В 1944 году брат погиб. Он так и не узнал, что родители живы и здоровы.

Уже никого из омичей, кто работал с нами на заводе, нет, все умерли.

На заводе я отработала до 80 лет. До самого юбилея меня не отпускали. Все говорили: «Так Вы доработайте до 80, мы отметим праздник, накроем стол!» Я сказала: «Нет, мне уже стыдно в таком возрасте работать». Но в коллективе было хорошо. В войну было так тяжело, но люди были дружные, сплоченные, все как-то уважали друг друга, все с радостью и любовью относились к работе и друг к другу. Я 56 лет отработала на заводе. Я и ветеран ЛОМО, и ветеран труда, и ветеран войны...

И сын мой со школьной скамьи поступил на работу в ЛОМО. Учился в техникуме, параллельно работая, потом поступил в институт. И до сих пор на ЛОМО работает. Такие вот мы заводские!

Михаил Иванович СЕМЕНОВ

Война застала нас врасплох, как и всех. Жили мы в небольшой деревушке Волховского района, в 30 км от города Волхов. У нас была большая семья: отец, мать, семеро детей.

Жили мы безбедно, я бы даже сказал, зажиточно. В каждой семье были коровы с телятами, овцы, куры, а у некоторых даже гуси. В общем, жизнь у нас была хорошая, деревня наша процветала. Отец был очень работящим, как сейчас говорят, трудоголик. Мать работала агрономом, тогда эта профессия называлась «овощевод».

В первые же дни войны всю молодежь призывного возраста забрали в армию. Остались в деревне только два старика старше 60 лет, женщины и дети. В это время в деревне у нас еще не было ни электричества, ни радио, поэтому о том, что и как происходит в стране, мы узнавали только через слухи. О продвижении немцев никто не знал, даже в воинских частях.

Наступил ноябрь 1941 года. В деревне остановилась отступающая воинская часть. И даже в ней не знали, где немцы. В нашем доме образовалось нечто вроде штаба, старший лейтенант и политрук части нас успокаивали, мол, немец еще далеко! А ночью связисты отправились в соседнюю деревню, и их перехватили фрицы. Одному из них удалось вырваться, его сильно побили, но он прибежал к нам и сообщил, что в соседней деревне немцы. И тут начался переполох. Из другой

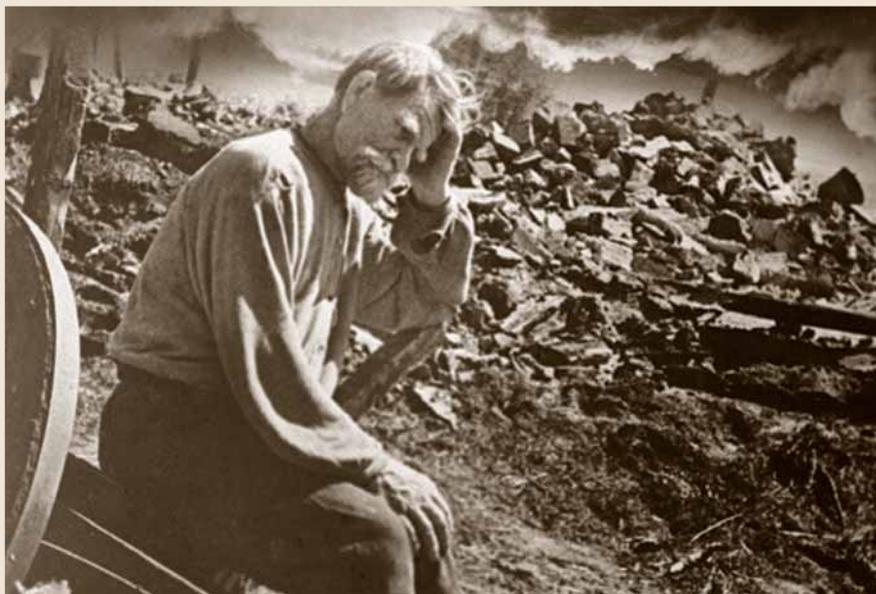
деревни, с которой была связь, прислали 2 танкетки и колонну солдат. В эту ночь на нас напасть не пытались.

На следующий день наши командиры говорят: «Рой землянку, отец! Будет бой». И вот отец, две старшие сестры, старший брат и двое соседей приступили к работе. Хорошо, что земля была как пух, чистый песочек. К тому же начали рыть на месте большого дома, а там уже и так была приличная яма от бывшего подкопа. Бревна на перекрытие брали со сруба недостроенного гумна, так что землянка получилась на славу. И вот только устроили перекрытие и прорыли лаз, как началось светопреставление. Танкетки из деревни ушли, колонна солдат пошла по той дороге, где немцы схватили наших связистов, и все затихло. На пригорке недалеко от землянки наши солдаты и пулеметчик устраивали позицию, а немцы уже сидели на опушке леса и наблюдали за всеми этими приготовлениями. Лейтенант пошел проверять пост, который находился в других окопах, и пал первым, потому что там уже был враг. Мы сломя голову побежали прятаться в нашу землянку. А в доме у нас была огромная русская печь. Политрук помог на нее залезть моей матери, двум сестрам и брату. Там они и укрылись от пуль. Сам политрук из кухни стал отстреливаться и убил немца. Потом выскочил в коридор, и там его настигла пуля врага.

Когда мы зашли в дом, там уже хозяйничали фрицы. Они вытаскивали все, что нравилось, во дворе рубили курам головы, а нам офицер грубо говорил по-немецки и жестами показывал: «Прочь отсюда! Здесь будут жить немецкие солдаты!» Понятно, почему они для жилья выбрали именно наш дом. Ведь он у нас был большой, раньше принадлежал кулаку, которого во время коллективизации выселили в Соликамск. После взятия деревни из пленных отобрали, видимо, коммунистов и евреев, вывели на берег реки и у нас на глазах расстреляли.

Так мы потом и жили полтора месяца в землянке, не раздеваясь и не умываясь. Где-то в конце декабря нас освободили, но фрицев отогнали недалеко, до Киришей, которые находились от нас в 30 км. Сидели они там целых два года, до полного снятия блокады.

Когда мы вошли в дом, там было все разломано, разграблено, живность либо зарезана, либо украдена. Когда мы уходили, подвал был полон овощей, солений, но фрицы все забрали, ничего не оставили. И начался голод. Спасли нас от голодной смерти только лошади. Видимо, когда немцы брали деревню, кто-то выпустил их из конюшни. Немцы их пытались поймать, но лошади не дались. Тогда они окружили животных и расстреляли из автоматов. Вот этим лошадиным мясом и питалась вся деревня и тем жила. Весной, когда мясо начало разлагаться, мы вымачивали его часами в колодезной воде и ели. Многие умирали от голода. Деревня состояла где-то из 30 дворов, и за весну и лето умерло человек 20, в основном старики и дети.

Надо было еще и работать, не оставлять же поле брошенным и пустынным! Тягловой силы не было: ни лошадей, ни быков, но проблему эту решили. Организовали машинотракторные станции, в которых находилась вся сельскохозяйственная техника. Во всех колхозах, по очереди, вспахивали и засеивали государственным зерном землю. Сеяли преи-

мужественно рожь и овес. Те, кто остался жив и мог двигаться, спаслись, а кто ложился или не выходил на работу, умирали.

15 марта 1942 года отца арестовали за несколько произнесенных слов. Он сумел как-то вывести из хлева корову и спрятал ее в бане. Так он спас ее от немцев. А когда наши войска наступали, они хотели отобрать корову. Отец сгоряча и сказал: «От немцев сохранил, а тут свои забирают!» Его сразу же арестовали за сопротивление Советской власти и дали 10 лет лагерей.

Питались мы в основном чем придется: лебедой, крапивой, дудками, клевером разным, корешками. В общем, жили на подножном корму, как животные. Истощали страшно, но надо было работать, что нас и спасло. Пospели хлеба, наступила уборочная страда. Пригнали двух лошадей и косилку. Женщины вязали хлеб в снопы, а мы шли цепью, как солдаты, и подбирали все до колоска, потому что каждый колосок был дорог, и мы не имели права ничего забирать себе — за это сажали в тюрьму. Так же, как и до войны, нам присылали план, и мы из последних сил трудились, чтобы его выполнить. Надо было кормить армию, город, чтобы победить врага.

Самый страшный для нас был, конечно, 1942 год. И кто пережил его, не забудет этого никогда.

У нас в деревне была начальная школа, но учебу мы начинали не в сентябре, а в октябре, потому что собранное зерно нужно было обмолотить, провеять и сдать государству. Вот весь сентябрь на это и уходил.

В 12–13 лет мы уже пахали как заправские мужики. В последний год войны, с весны 1944-го я работал пастухом. Мы выращивали хлеб, но нужно было сдавать государству еще и мясо. И вот к нам завезли 50 овец и десятка полтора телят. Меня, как самого шустрого, отправили работать пастухом. И все лето я бегал за скотиной.

Осенью 1944-го в городе Волхов-2 открылось ремесленное училище, и с

ноября я стал обучаться специальности слесаря-инструментальщика. Жизнь там тоже в то время была несладкой. Нашу группу поселили в угловой комнате, где в стене от разорвавшейся рядом бомбы была щель шириной с ладонь. Батареи отопления от мороза лопнули, и в помещении было так же холодно, как на улице. Спать мы ложились, сдвинув три кровати вместе, в бушлатах и обуви. На ноги клали освободившийся тюфяк, предварительно закрывшись тремя одеялами. Иногда вечером мы садились на последний отходящий в Ленинград пассажирский поезд, забирались на верхние багажные полки и спали в тепле. А утром этот же поезд привозил нас как раз к завтраку. На завтрак нам давали 200 граммов хлеба и квашеную капусту. Капуста была испорченной, с запахом гнили. Те, кто не видел голодной смерти, вываливали эту капусту на стол и стучали по нему пустыми мисками. Но стучи — не стучи, другого ничего не дадут, потому что не откуда взять. Вот и такие мытарства пришлось нам пережить.

В августе 1946-го мы сдали экзамены и получили аттестаты. Нам дали отпуск на месяц, а потом выдали направление в Ленинград, всех распределили на разные

предприятия. Я и несколько товарищей из нашей группы получили направление в «Севзапэлектромонтаж». В зимнее время, пока не разъехались по командировкам, производили работы по установке лестничных перил в ремонтируемых или вновь построенных домах, устанавливали на крышах решетки ограждений и выполняли разные слесарные работы. Наша бригада специализировалась на монтаже силовых подстанций. Строители построят здание, а мы уже монтируем там всю начинку. Первая командировка была на Украину в город Запорожье на восстановление комбината «Запорожсталь». В 1947 году это были только груды кирпича и покореженной арматуры. Но уже достраивали первую домну, и было возведено здание под силовую подстанцию, ибо без электроэнергии ничего работать не будет. Пробыли мы там 4 месяца, закончили объект, и я отбыл восвояси. По приезде дали нам 3 дня отдыха и направили в другую братскую республику — Беларусь, на Минский тракторный завод. Там мы тоже пробыли месяца 4, смонтировали подстанцию и еще провели высоковольтную линию передач. И только вернулись из Минска срочно дали только два дня на сборы и отправили в дальнюю дорогу. Это было в предпусковой период «Маяка-54». Вот там была горячая работа. По двое-трое суток и есть, и пить, и спать приходилось на рабочем месте.

После «Маяка» была командировка на «Магнитку». Там мы находились дольше всего — 9 месяцев. Это было в 1949 году. По приезде из «Магнитки» нас срочно отправили в Москву. Тогда ко дню рождения И.В. Сталина нужно было пустить вторую очередь метро. И вот нам — бригадой из 3 человек — пришлось на станции «Калужская» монтировать щелочную аварийную подстанцию, работали там 2 месяца.

В 1951-м был призван в армию, где отслужил 3 года и 9 месяцев в железнодорожных войсках. И там также работал: в начале слесарем по обслуживанию строймеханизмов, а после 2 года водителем мотовоза. После армии по путевке комсомола уехал на строительство Сталинградской ГЭС, где отработал с 1955 по 1959 год от начала и до конца строительства.

Нина Александровна СИДЛЕР

Я белоруска. После техникума работала в районной больнице Вилейского района.

С 21-го на 22-е июня 1941 года была на свадьбе. Около 5 часов утра летчиков как ветром сдуло (жених был летчик). Свадьба прервалась.

В 10 утра я ушла в деревню проводить занятия с допризывниками по заданию райвоенкомата. Там меня знали еще с тех пор, когда я рвалась на Финскую войну. Меня тогда не взяли, потому что я еще училась.

Вернулась из деревни — на площади у церкви плачущие женщины. Тут и узнала, что война.

Через час я уже в РВК с заявлением направить меня на фронт. Получила повестку и 23 июня уже шагала в авиационную часть на аэродром, куда направили.

Еще не успели нас обмундировать, как налетели немецкие самолеты и все смешали с землей.

Нам выдали гранаты, и начался горький путь беспорядочного отступления под непрерывными бомбежками: разрозненные военные и огромная масса гражданских — в основном, женщин с детьми — убегали, чтоб не оказаться на территории, захваченной немцами.

Железнодорожники депо около бронепоезда во время Великой Отечественной войны.

Фото: Иван Шагин. Архив РИА Новости

Где-то на Витебщине мы, военные, обратились в соответствующие органы и были направлены в воинские части. Я стала фельдшером танкового полка.

Путь отступления продолжался с боями: Ельня, Вязьма, Смоленщина и до смерти незабываемая Соловьевская переправа на Днестре. Тут на небольшом участке скопились сотни машин (в том числе с ранеными), тысячи солдат и беженцев. Только наведут переправу, как налетают немецкие самолёты, сплошные черные кресты, и переправы как не бывало.

Рассчитывать перебраться на другой берег реки с техникой не приходилось, и был негласный совет: «Перебирайтесь, кто как сможет». И люди бросались плыть. Раненые выбирались из машин и тоже пытались плыть на другой берег, но в основном все тонули. Вода в Днестре у Соловьевской переправы была красная от крови.

Что мог чувствовать медработник, видя этот ужас, как гибнут раненые, и неспособный оказать помощь!? Это, пожалуй, самая страшная картина, которую я видела на войне.

Наши войска отступали, но наши контрбои усиливались.

Однажды мы были потрясены чем-то непонятным. Над нашими головами в сторону противника летел какой-то смерч огня. Как потом нам стало известно, это были залпы наших «катюш». Мы были счастливы, что у нас появилось такое мощное новое оружие...

Приближаясь к Москве, мы видели, какие работы велись по возведению оборонительных сооружений, по укреплению подступов Москвы. А как трудились женщины, подростки, народное ополчение! Такой патриотизм, стойкость народа не оставляло места тревоге и страху.

Вдруг в самый суровый и ответственный момент боёв за Москву меня, 19-летнюю девчонку, назначают начальником, как тогда называли, санлетучки, которая представляла собой товарный вагон-теплушку. Эти вагоны использовали для перевозки раненых из Клина, Кубинки, Крюкова, Волоколамска до вокзалов Москвы.

Назначение фельдшера начальником поезда было временным, вынужденным из-за отсутствия в резерве СанУпра Западного фронта врачей. Начальником я пробыла два месяца. Затем я продолжала службу, как раньше. В конце 1943-го подвело здоровье. После лечения в госпиталях Владимира, Казани я была отправлена в запас как инвалид Великой Отечественной войны. Потом инвалидность утратила: не пошла на очередную комиссию ВТЭК — молодая, стыдно было сидеть в очереди с людьми без ног, без рук.

Я обращаюсь к гражданам страны, особенно к молодежи. Любите, берегите, защищайте свою Родину. Родней своей Родины нет! Будьте патриотами, как мое поколение!

Лидия Федоровна СНИТ

В период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов Лидия Федоровна трудилась вольнонаемным бухгалтером финансовой части запасного авиационного полка воинской части 2145 в городе Моршанске Тамбовской области.

В полку осуществлялась передислокация, в том числе переобучение летного состава эскадрильи, а также замена авиационной техники после боевых действий. Лидия Федоровна занималась оформлением документов для финансирования продовольственного и вещевого снабжения летного состава, денежного довольствия офицеров и сержантов эскадрильи на период дислокации.

Рабочий день был ненормированным, в основном с восьми утра до семи вечера. Накануне вылета эскадрильи на фронт работали и ночью. В качестве

Колхозники передают советским воинам танки, построенные на собственные средства.

Фото: Иван Шагин. Архив РИА Новости

вознаграждения за ночную работу 1 раз в 3–4 месяца Лидия Федоровна получала по 1 мешку картошки и капусты. Это было существенной поддержкой для ее семьи, в которой были еще сестренка-дошкольница и трое братьев-школьников.

С 1943 года братья Лидии Федоровны были призваны в армию, двое из них погибли на фронте.

В 1946 году Лидия Федоровна награждена медалями «За Победу над Германией в ВОВ 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в годы войны». Ей также присвоено звание «Ветеран труда», награждена медалью «Ветеран труда».

Нина Яковлевна ТАРАКАНОВА

Я родилась в 1930 году в селе Вторая Стрелица Большетроицкого района Белгородской области. И там же прожила всю войну. Однажды, во время очередной из немецких атак, я бежала через лес к своей тете, которая жила недалеко от нас. Дело было ночью, поэтому мчаться пришлось босиком, в одной ночной рубашке. После этого случая у меня отнялись ноги, и практически всю войну я пролежала в кровати. Чтобы выходить меня, мама собирала в лесу лекарственные травы, из которых делала отвары и настои и которыми потом поила меня. Каждый день она боролась за мое здоровье, и ей удалось меня вылечить. В 1948-м, когда я окончательно окрепла, комсомол направил меня на восстановление Ленинграда.

Отправили нас в Ленинградскую область на ремонт железной дороги. Работа была очень тяжелой: трудиться приходилось в лесу, по колено в снегу. Так что вскоре я сильно заболела, а после этой болезни меня с подругой отправили в Ленинград, в Кобрино. Но и там было не легче. Мы работали на строительстве завода. Сначала я таскала кирпичи, камни и другие строительные материалы, а потом меня назначили каменщиком. Когда мы построили завод, нас отправили в Шувалово. Там я тоже работала каменщиком, но на строительстве жилого дома.

После этого нас послали восстанавливать здание «Ленэнерго». Во время войны оно часто попадало

под обстрел, и было полностью разрушено бомбами. Мы, можно сказать, отстраивали его заново. Как-то раз начальник отдела кадров проходил мимо нас и остановился посмотреть, как мы трудимся. Посмотрел и говорит: «Девочки, как вы хорошо работаете! А переходите к нам! У нас и общежитие хорошее есть, и ездить далеко не надо». Предложение было хорошее, и я согласилась.

Когда я начала там работать, меня направили на улицу Панфилова отстраивать жилой дом. Штукатурить пришлось его уже зимой, в сильные морозы. Поэтому я простыла и очень сильно заболела. А после болезни меня перевели работать в лабораторию, на испытания кабелей. Работа была трудная и вредная: приходилось постоянно дышать озоном, от чего я часто падала в обморок и плохо себя чувствовала.

Когда я проработала год, и мне дали отпуск, я поехала в гости к сестре. Она посоветовала мне взять расчет и переехать к ней. Но уволиться мне не дали, сделали все, чтобы я осталась. В «Ленэнерго» я проработала всю жизнь. Несколько раз переходила из одного района в другой, и везде у меня складывались хорошие отношения с коллегами и начальством. Наверное, поэтому у меня так много медалей и наград «За безупречную работу», «За доблестный труд» и других. Даже со своим будущим мужем я познакомилась благодаря «Ленэнерго»! Как-то мне дали задание разносить извещения по заводам, и я отправилась на пивоваренный завод «Бавария». Там я, оказывается, приглянулась нескольким ребятам. И когда я ушла, они позвонили моему начальнику и сообщили, что я забыла у них какие-то важные документы. Когда я вернулась к ним и спросила, о каких документах идет речь, они признались, что просто хотели меня видеть, и пригласили встречать с ними Новый год. И я согласилась. А через некоторое время вышла замуж за одного из них.

Я вырастила сына, которым очень гордилась, но, к сожалению, уже похоронила его. У меня есть внуки и правнуки, довольно большая семья. Жизнь моя хоть и была нелегкой, но я могу ею гордиться. И могу гордиться собой, тем, как с достоинством я переносила все жизненные невзгоды.

Валентина Павловна ТВОРОГОВА

Воспоминания о детстве и войне

Родилась я в деревне Кишкино Весьегонского района Тверской области. Село наше было большое, где-то около 60 семей. Семьи были большие, в каждой избе от 3 до 9 детей.

Деревню окружали километровые холмистые поля, на которых выращивали рожь, овёс, пшеницу, ячмень, лён, горох, картофель и другие культуры. Поля наши были ухоженные, урожаи на них собирали и до войны и после неё хорошие. Жили сыто, чисто, дружно, весело. Молодежь по вечерам и в праздники устраивала гулянки с песнями и плясками, танцами под гармонь и балалайки. Деревню окружали множество других деревень, дома с резными ставнями, часто обшитые вагонкой, а иногда и просто бревенчатые. Соседние с нашей деревни: Гяра, Паново, Боровицы, Колынёво, Мохноши, Косадово тоже были густо населены. Все жители занимались сельским хозяйством и скотоводством.

В двух километрах на возвышенном месте, на берегу реки Реня, притоке Мологи, а Молога впадала в Волгу, в селе Никола-Реня стояла большая красивая Никольская церковь. Сюда со всех деревень по праздникам и в выходные дни стекались нарядные люди на молебен. Служба была 3 раза: утром, днём и вечером. Народно было всегда много,

особенно по таким большим праздникам, как Никола, Успенье, Рождество, Пасха. Люди верили в светлое будущее, но и о Боге помнили и молились.

В нашей деревне стояла часовня, которая находилась на высоком пригорке, а внизу, у подножья горы, били источники, или как их называли «ключи». Вода в них была чистой, буквально хрустальная и, наверно, целебная, потому что, помнится мне, в деревне не было никакого гриппа или ангины. Детей в школе училось много и во всех классах почти всегда была 100% явка на уроки. От ключей по оврагу бежал ручеек между двух возвышенностей, а на его пути еще из нескольких мест пробивались многочисленные ключи.

В двухстах метрах от часовни, тоже на возвышенности, моим отцом с бригадой строителей была построена школа 10-летка. В школе работали столовая и буфет. Обеды были очень вкусные, особенно пирожки, как мы говорили «пальчики оближешь», потому что каждый колхоз, а колхозы были в каждой деревне свои, выделял школе дотацию на питание детей. Поэтому обеды и пирожки по цене были копеечные.

Жил у нас в деревне ходок к Ленину, заслуженный учитель СССР, учитель географии Виноградов Александр Александрович. Он был умнейшим человеком, увлекался местным фольклором, выпустил даже книжку «Деревенские частушки». Так как мы помогали ему их собирать, то он нас за это фотографировал бесплатно.

Председателем нашего колхоза 19 лет был мой отец, Жуков Павел Ефимович, человек многоопытный и умелец на все руки, прошедший революции 1917 года. За пытливый ум и находчивость его прозвали «Павел Жук», так как он умел найти ответ на любой вопрос и люди за это к нему тянулись за советом. Его фамилия раньше была Лысев, а в революцию он поменял на Жуков.

Учитель географии и председатель колхоза очень дружили. Однажды, собравшись вместе, они решили перегородить этот ручей плотиной и построить водохранилище. Плотины, правда, прорывало несколько раз, когда с холмов во время паводков стекались потоки воды, но потом её укрепили сваями, расширили и образовался довольно большой водоём

Одна из улиц Ленинграда после обстрела немецкой артиллерией. Фото: Всеволод Тарасевич. 01.01.1942. Архив РИА Новости

с чистой ключевой водой. Затем из Вельегонского водохранилища привезли мальков, развели рыбу. Вскоре её стало так много, что рыбачить на водоеме приобщились не только наши деревенские, но и ребята из других деревень. Всем рыбы хватало.

В нашей деревне было несколько ферм: две с лошадьми, два — коровника, свинарник, по 60—100 голов на каждой ферме плюс молодняк. Птицы, куры, гуси были только в птичьих хозяйствах.

Примерно четверть взрослого населения работала на фермах, а остальные на полевых работах выращивали рожь, пшеницу, овес, горох, картофель, лён и коноплю (для масла и на волокно — вили верёвки). Тракторов в колхозе не было, поэтому все работы выполнялись на лошадях.

И вот только стали мы жить хорошо, начали появляться трактора и машины, как в июне 1941 года грянула Великая Отечественная война. Все сразу резко изменилось — взрослых мужчин и ребят призвали в армию. Слу-

Дружинники санитарного отряда на улицах города.

Фото: Леонид Доренский. Архив РИА Новости

жить отправили и наших коней. Коров, телят, поросят грузили в машины и отправляли на мясокомбинат. Армию надо было кормить, одевать, обеспечивать винтовками и боеприпасами и вся наша могучая Родина встала на военные рельсы, как поётся в песне: «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!»

Действительно, все, и взрослые и дети, работали по 16–18 часов в день. Всем было ясно — врага надо во что бы то ни стало победить. В деревнях остались только женщины и дети. На фермах оставалось только несколько дойных коров и свиноматок для разведения. В колхозе были только 2 старых лошадёнки, чтобы пахать поля приходилось запрягать коров. Даже женщины порой по 2–3 человека тащили за собой плуг. Все запасы зерна тоже ушли на фронт, нам оставили только семенной фонд и поля по-прежнему засеивались все. Четыре года войны это было очень тяжелое время. Мы голодали. Нам давали по 200 граммов хлеба, кусок дуранды (это плитки,

получаемые после отжима льняного масла), 2–3 картошины или свеклы, суп капустный, щавельный или крапивный по 2 ложки. Только иногда давали одну ложку молока к чаю.

Во время войны дети были бледные от недоедания, как будто после болезни, но они все это понимали и летом работали наравне со взрослыми, а зимой учились и тоже помогали взрослым. По вечерам мы вязали варежки, шарфы, носки, шили и вышивали китеты под махорку и все это отсылали на фронт солдатам. Иногда приходили с фронта письма с благодарностью за скромные подарки и гостинцы (сушеные яблоки, грибы и др.).

Мать моя, Жукова Мария Яковлевна, была, как ее называли в деревне «стахановка». С 5.00 до 9.00 утра она работала на ферме, доила коров, ухаживала за поросятами. С 9.00 до 19.00 работала в поле на посевной или уборочной, а вечером, когда пастухи пригоняли стада в деревню, — опять шла на ферму. Я была «правой рукой» у матери, все выполняла как взрослые: кормление, дойка, уборка, уход за молодняком.

Нас было 4 сестры и брат — старше меня. Они сеяли, косили, жали, делали все работы согласно сезону года.

Моя тетя Шура осталась в блокадном Ленинграде. Певунья, плясунья, работала на оборонных работах, сбрасывала с крыш бомбы и снаряды и умерла от голода. Мы даже не нашли ее могилку, на каком кладбище она похоронена, ведь тогда всех умерших хоронили в братских могилах. Кроме того, некоторые люди умирали на улицах блокадного Ленинграда, не имея при себе паспорта.

Работая с мамой на ферме, я с детства научилась и доить коров и ухаживать за молодняком, и принимать малышей, когда они появлялись на свет. Приходилось мыть и выхаживать поросят и телят, а иногда даже кормить из бутылочки с соской. Поэтому с детства я люблю всех животных. В поле моя мать брала 4 полосы жать, косить и лен тереть. Поскольку мы еще были дети и трудовых книжек на нас еще не заводили, то всё записывали на маму. В селе не было ни одного человека, у которого было бы столько трудодней, как у нашей мамы. Все этому удивлялись: «И за что только Марью так дети любят? Рады и не спать, и не есть только бы за мать всё переделать». Мы и

вправду любили нашу маму так, как и словами-то не выразишь. За её доброту, её ласковое отношение к нам. Она постоянно находила время для каждого из нас. Между делом приласкать, одобрить: «Ай да молодец сегодня у нас Валенька, 22 поросёнка приняла, ну сущий доктор, всех намыла, осушила и к матерям подпустила. Такое и взрослому не под силу сделать». Я радовалась, что маме помогла, что мама довольна.

В школу у нас в семье ходили все дети. Придёт к нам Александр Александрович, учитель географии, и скажет родителям: «Спасибо Вам, Мария Яковлевна и Павел Ефимович, за воспитание детей, у нас в школе в каждом классе есть представители вашей семьи. Они нас выручают, всегда подготовлены к урокам и ведут себя примерно. Мы радовались, что мама с папой улыбаются, для нас это было счастье. Чаю как такого не было вообще, мать травки с листьями яблони, ромашки, малины заваривала. Всё это казалось вкусным, чаю пили вдоволь. Мать было скажет: «Валенька, у тебя на лице-то одни глаза только торчат, щёчки-то бледненькие».

Вспоминаю, что немцы подошли к нашему селу совсем близко, не дошли всего 12 километров. Когда немецкие самолеты над нами пролетали, было страшно, но почему-то нас ни разу не бомбили. Наше село полностью уцелело.

В 1943 году отца призвали в армию, хотя он был инвалидом 2-й группы после финской войны, правая рука у него была повреждена. На фронт он не попал, потому что его забраковала медкомиссия. Он был послан на Коломенский машиностроительный завод, где работал техническим директором. Завод выпускал снаряды и военную технику.

Брата тоже забрали в армию, но почему-то отправили на Дальний Восток. Там ожидалась война с Японией. В 1943 году моя старшая сестра Нюра, тётя и я вместе с ними были направлены в прифронтовую полосу. В основном мы заготавливали лес, грузили его в эшелоны и отправляли на фронт. Кроме того, мы участвовали в строительстве дороги к аэродрому под Ржевом.

Окончания войны мы ждали как манны небесной. И вот она пришла, наша Победа в мае 1945 года.

В 1946 году я окончила 8 классов и поступила в Ленинграде учиться в техникум земельного строительства. Потом я окончила еще два вуза: Лесотехническую академию и Ленинградский государственный университет. Работала в Куйбышевском районном комитете ВЛКСМ.

Затем я пошла работать по своей специальности в «Леспроект». Много пришлось поездить на контроль лесоустроительных работ. Побывала более чем в ста городах и населенных пунктах. Мы составляли генеральные планы развития лесного хозяйства на отдельные районы бассейна Байкала, Иркутскую область, Алтайский край, Архангельскую область, в районах Казахстана. Мне довелось увидеть столько красот по всей нашей стране. Приходилось подниматься от подошвы Терлецкого озера до альпийских лугов и снеговых вершин на границе с Монголией. Сибирский кедр может расти до 500 лет. Бывают деревья почти в два охвата и около 30 метров в высоту. На альпийском лугу тот же кедр в том возрасте, как седой дед, весь покрыт серебристо-зелёными мхами, ниспадающими прямо к цветущим диким тюльпанам. Велика наша Родина — красивейшая и богатейшая страна, богата недрами и лесами и большим запасом пресной воды. У нас много минеральных и горячих источников, например в Светиково Тувинской республики, но всё это недостаточно используется. Сколько можно было бы организовать туристских маршрутов на Байкал, Алтай, Терлецкое озеро, которое глубиной более километра. Сколько там целебных трав — море, и всё это мало используется.

У меня 45 лет трудового стажа, в том числе 27 лет я преподавала, заведывала отделением в техникуме, который 1950 году окончила. Я награждена медалью «За доблестный труд» и имею удостоверение ветерана Великой Отечественной войны.

Нина Андреевна ХОДАКОВА

Я родилась в Тамбовской области, в селе Шульгино. Колхоз наш назывался «Красный боец». Семья была небольшая — папа, мама и я. Когда началась война, мне было всего 9 лет. Тогда наша жизнь резко изменилась, ведь работать пришлось намного больше, чем раньше. Мои родители дольше стали находиться в поле — урожаи в то время были непомерные, и всё это отправлялось на фронт. Нам не доставалось практически ничего. Счастьем было получить хотя бы 25—30 кг зерна в год, которые выдавались за трудодни.

Помимо работы в полях, отец брался и за другую работу, чтобы прокормить меня и мать. Он крыл крыши, привозил солому с пашни, чтобы люди могли топить печи, и снова отправлялся в поле. На полученные деньги мы и могли хоть как-то существовать.

Ещё в самом начале войны нам пришлось выменять наш большой дом с тремя окнами на маленькую избушку с двумя оконцами. За это мы выручили всего 3 пуда муки. Но другого выхода у нас не было — еды не хватало. Жилось нам тяжело, хоть и не довелось стать свидетелями боевых действий. Если в Тамбов ещё и залетали немецкие самолёты, то до нас, находящихся в 70 км от города, они так и не добрались. Однако, оказалось, что больше всего надо было опасаться не немцев, а своих — русских.

В 1943 году произошло самое ужасное, что могло с нами тогда случиться. Моего отца арестовали за саботаж, в котором он не участвовал. Но тогда многие были

осуждены ни за что. Предвестником таких арестов были «черные вороны» — автомобили черного цвета, которые приезжали к нам. Все знали, что если едет «чёрный ворон», значит, кого-то обязательно заберут. Машина подъезжала к краю пашни, из нее выходил человек и называл фамилии. Вызванных людей увозили в «предварилровку» — единственную тюрьму, которая располагалась в нашей сельской местности. Там они находились около месяца, а иногда и дольше, после чего их угоняли в Тамбов.

В тот день было очень холодно, на дворе стояла зима. Мы знали, что в наше село приедут «чёрные вороны», и молились, чтобы в списке не оказалось наших фамилий или дорогих нам людей. На улице был такой мороз, а одежда у нас была настолько плохая, что мне пришлось зайти в избу, погреться. В это время ко мне прибежала испуганная соседка и закричала: «Ну что ж ты, Нина, тут стоишь? Отца твоего угоняют!» При этих словах во мне проснулся безумный страх, и я что есть духу выбежала во двор. Подвода ушла уже далеко. Я старалась догнать её, борясь со встречным ветром, и, не обращая внимания на холод, из последних сил кричала: «Папа! Папа!» Но он так и не остановился. Тогда я видела его в последний раз — в лёгкой фуфаячке и в валенках, он медленно брел среди других арестованных.

После ареста папы жить стало совсем тяжело. Мы разговаривали с опаской, ведь за любое неверное слово нас могли забрать. Подруги прижимали пальчики к губам и предупреждали: «Нинка, ты смотри, лишнего не скажи!» Тогда многие были разлучены со своими семьями. В селе жило восемь моих подруг, и только у одной из них был отец. У четверых отцы погибли на войне, а у трёх — забрали так же, как и моего.

До сих пор помню нашу соседку: после того, как ее муж ушел на войну, она осталась с шестью ребятишками одна. Было очень трудно, и из-за тяжёлой работы она часто болела. Однажды она сказала нам, что по ночам к ней приходит муж и приносит подарки, но на самом деле ничего такого не было. Женщина просто сошла с ума.

В 1944-м я стала работать — ухаживать за овцами. Чтобы напоить их, вычистить кормушки и заложить

пешной работы над гитлеровской Германией советской армии области партии большевиков, вожди партии и народа товарищи Сталину.

Огромная организаторская работа партии в годы Отечественной войны. Задачи её поручены были товарищем Сталину. Нам было поручено вести плано работу на военной службе, на фронте и заданым организационным районам фронта.

Ишла великая и международная обстановка, возникли практические задачи народа на каждом этапе войны. Она не спускала, что было важно, что могло быть полезно. Наряду этого учила, что победа завоевывается в бою и в труде.

Кто большевикской партии, для Ленина и Сталина побеждал в этой войне. Нам народ победил благодаря тому, что не разрывались и дружатся с нами счастливой научной теорией, теорией

или доблестно нас — Сталин, но Сталин не забывает Боева.

Мы победили в великой войне над гитлеровской армией нашей страны. Сталин. Над гитлеровской партией, над гитлеровским товарищем Сталином, выходящая с его жизнью пролетариата, советской армии и крестьянской армии заботы войны, победы войны, и добыты победы — гитлеровские, военно-политической мысли нашей великой Советской державы.

Президиум
Примите, за Ваше письмо Урута шестской I

Председатель Союза Социалистических Республик
В этот момент Вышние поощрения заслуживают русские и полки и свободных Хуан Антонио

Господин Президент
Прошу Вас послать за 1 над гитлер

господин Президент
С глубоким уважением Обединены силами, и надеждой Визуальны

От Советского Информбюро

Оперативная сводка за 15 мая

Принь пленных немецких солдат и офицеров на всех фронтах закончен.

Возвращение тов. В. М. Молотова в Москву

14 мая вылетел в Москву из Сан-Франциско Народный Комиссар Иностранных Дел СССР тов. В. М. Молотов, возглавлявший советскую делегацию на прошедшей сейчас конференции Обединённых Наций для подготовки устава международ-

ной организации по поддержанию мира и безопасности.

Одновременно в Москву вылетела член советской делегации на конференции в Сан-Франциско делегатка ИЦОБ ч. В. К. Кузнецова. (ТАСС).

Издане первомайского приказа товарища Сталина на языках народов Дагестана

МАХАЧКАЛА, 15. (ТАСС). Дагестанским государственными издательствами выданы на языках народов Дагестана — аварском, даргинском, кубухском и других народов — приказ товарища Сталина.

На полях страны

АЛМА-АТА, 15. (Иср. «Примы»). Колхозы в окрестности Алма-Атинской области зерновые в республике высеяли для себя разных зерновых культур на 103,5 процента. По сравнению с прошлым годом план посева сорганины на 23 дня. Сорганина в сорганины на сево высеяны в Улутуркской, Алаш-Атинской и Бельской районах.

и П. П. Шахматов из Красный МТС Комсомольского района. Их урожай — по 225 гектаров на трактор.

КЕНЕВ, 15. (Иср. «Примы»). Колхозы Кеневской области с 12 мая высеяли план сева озимой пшеницы. В некоторых районах — Борзинском, Маросовском и других — высеяны протрушка и зерновые семена.

из Бойды работать больше урожая. Сох зерна в республике собрано на 25 дней раньше прошлой год.

ТУЛА, 15. (ТАСС). Многие колхозники области закончили сев ранних зерновых и сейчас засевают среднеспелыми зернами. Колхозы Болдынского района — «Милосильный», имени 1 Мая, «Второй пятилетки» и другие высеяли семя пшеницы 100 гектаров зерновыми.

новое сено, вставать приходилось рано, в 5 утра. Днём ждала работа в поле, а по выходным мы копали окопы. Но и это еще не все. Для солдат мы должны были шить кисеты, вязать носки и варежки. Причем, варежки были с двумя пальцами — чтобы удобно было стрелять. Всё это направлялось нашей армии, а мы снова оставались без всего. Чтобы купить шерсть, деньги вынуждены были занимать у соседей.

Еды было очень мало, поэтому приходилось варить щи из крапивы, собирать одуванчики. Кто-то сажал щавель, как наша соседка. Иногда она давала нам немного этой травы, чтобы мы могли сварить себе суп. Хотя супом сейчас бы это не назвали — вода и немного зелени. Соли тоже было не достать. Порой удавалось добыть небольшой кусок, который животным дают. Мы размягчали его и ели. Выжить помогала небольшой огородик, на котором мы выращивали немного картошки, свёклы и огурцов. За нашу работу нам ничего не платили, поэтому и купить мы ничего не могли. Но с каждого, у кого был огород, брали большие налоги. Платить приходилось деньгами или продук-

тами: 100 яиц и 1 кг шерсти. Из живности у нас тогда было только 5 курочек и один петух, поэтому яйца мы ещё могли отдать, а вот шерсти взять было попросту неоткуда — у нас не было ни козы, ни овцы. Однажды к нам пришли четыре человека за налогом. Когда мы сказали, что нам нечем платить, женщина, которая была в числе сборщиков, председатель сельсовета, предложила продать кур, чтобы у нас появилась возможность купить шерсть. Тогда на нашу сторону встал дядя Митя — он заступился за нас и возмутился высокой ценой, которую нам приходилось платить за выживание. Больше они его с собой не брали — чтобы не защищал таких, как мы.

В мае, когда мы развозили навоз на поля, я увидела, как женщины, которые там работали, остановились и смотрят вдаль. Я проследила за их взглядом и увидела, что к нам во весь опор несётся лошадь с всадником. Зрелище было удивительное. Погода была жаркая, чернозём стал подсыхать, поэтому из-под копыт коня вилась пыль. В тот день ветер дул в нашу сторону, и ощущение было, будто лошадь несётся по облакам. Всадник принёс нам радостную весть — война наконец окончена! Эта новость заставила расплакаться всех, даже мужчин. Люди побросали работу и просто радовались. Я вспоминала о своём отце и плакала вместе со всеми.

После войны самым тяжёлым был 1946-й год, когда случилась ужасная засуха. Тогда нам пришлось долгое время голодать, урожая не было. Но уже в 1947-м всё наладилось. Мы получали больше зерна, и жизнь стала намного легче. Но никто из нас не забудет того, что отняла война. Мой отец так и не вернулся, и лишь в 1994-м я получила справку о том, что его реабилитировали. Но где он похоронен, узнать так и не смогла.

В 1957 году я вышла замуж и навсегда переехала в Ленинград. Началась новая жизнь, но разве может быть забыто то, что произошло в том далёком 1941 году?

Лилия Владимировна ЦЫКИНА

Воспоминания о блокадных днях

Папа

Папу забрали на фронт. Мы переписывались. Помню, что мне приходили от него «треугольнички». Я отправила ему свое фото, а он мне — свое. На обороте карточки я своим детским почерком вывела: «Дорогому и любимому папочке от доченьки. Как посмотришь — вспоминай. Снималась в 1943 году в октябре месяце, в честь прожитых двух тяжелых лет войны без тебя, милый папочка. Лиля».

Папа прошел всю войну.

Мама

Мама была здесь, со мной, в Ленинграде. Ее и других мам часто отправляли куда-то дежурить, ведь она работала в системе противоздушной обороны. Поэтому мы с подружкой были предоставлены самим себе, совсем как взрослые.

Когда мама бывала дома, мы старались все вместе с оставшимися жильцами собираться у кого-нибудь в комнате у буржуйки. Большим счастьем для нас было съесть суррогат кофейной гущи или патоку. Маме иногда удавалось принести их с дежурства в части МПВО. Странно

подумать, то, что есть в принципе невозможно, для нас тогда было лакомством!

Помимо войск противовоздушной обороны мама работала в госпитале на Маяковского.

Наш дом

Мы жили на улице Рубинштейна. Уже в самом начале войны в доме у нас почти никого не осталось, большинство было эвакуировано. Дом стоял опустевший, погруженный в темноту. Окна заклеены.

Зажигалки

Вначале, когда только начинали бомбить город, мы часто бегали на чердак, смотреть, как ребята постарше тушат бомбы-зажигалки.

На чердаках был песок и противопожарный инвентарь, стояли бочки и ведра с водой. Если «зажигалка» попадала на чердак, ребята хватали ее щипцами и кидали в бочку. Страшно шипело, брызги летели во все стороны. А мы испытывали какой-то непонятный восторг: нам казалось, что мы все причастны к борьбе с фашистами.

Как мы помогали

Еще в сентябре-октябре 1941-го зал Дворца пионеров на Невском проспекте переоборудовали под госпиталь, и мы на импровизированной сцене выступали перед ранеными солдатами с передовой. Танцевали «Яблочко».

Позже нас как-то организовали. Те, кто был постарше, собирали сводки том, сколько детей пришли в бомбоубежище — отмечали каждого. Даже во время обстрела. С началом воздушной тревоги все должны были находиться в бомбоубежище.

Страшная зима

Наступила страшная, холодная зима с 1941 на 1942 год.

Наш дом опустел.

Зима сковала город. Начались эти смерти... Сугробы были огромные, между ними протоптали узенькие тропиночки. Но радио работало. Беспрерывно.

Не было ни воды, ни света, ни отопления.

Я помню, как мы стояли в очередях на Рубинштейна за нашими 125-ю граммами хлеба. Целую ночь.

Это было самое страшное время. Не знаю, каким образом мы пережили эту зиму.

«Смолянки». Стук санок

В нашей квартире жили две пожилые женщины, обе — выпускницы Смольного института. Мы называли их просто — «смолянки». Они всегда были такие подтянутые, красивые. Иногда нас, детишек, до войны приглашали к себе на чай. Обе умерли в ту зиму. И вот, что запомнилось очень сильно: у нас тогда уже в комнатах появились буржуйки, и кто-то вынес тело одной из смолянок на кухню. И она ле-

жала там долго-долго, пока не нашелся кто-то посильнее, кто ее вынес. Тела по Ленинграду возили на санках. Мы жили на четвертом этаже, и я отчетливо помню стук санок по ступеням, когда тело спускали с лестницы.

Город оживает

В 1943 году началось уже какое-то оживление. С нами стали заниматься.

Со школы нас посылали на огородные работы — мы пропалывали турнепс. Наедались досыта.

Прорыв блокады

Я очень хорошо запомнила прорыв блокады. Мы с подружкой были дома, как всегда одни. По радио объявили о прорыве. Мы были очень счастливы: забирались на стол и прыгали с него, крича «Ура!».

Валентина Константиновна ЧЕРНОВА

Когда началась война, мне было 15 лет. Мы с мамой жили в Омске. Старший брат сразу ушел на войну. А я поняла, что учиться дальше не смогу, и стала думать о работе. Я тогда не знала, насколько затянутся боевые действия. И вообще, поначалу мало что понимала, просто жила и все.

В сентябре 1941-го в наш город был эвакуирован Ленинградский завод «Прогресс». Он разместился в корпусах Омского сельхозинститута (ОмСХИ). Оборудование устанавливалось быстро, монтировалось прямо в аудиториях. Так что завод уже к октябрю вошёл в строй. И я попросилась туда на работу, но меня не взяли, посоветовали придти, когда исполнится 16 лет. Пришлось ждать около года. Когда до дня рождения оставался месяц, я снова пришла устраиваться и на этот раз не безрезультатно. Меня взяли на сборку прицела для миномета. А я, оказывается, была настолько мала, что не дотягивалась

Объемы Ленинградского завода «Прогресс» в годы войны выросли до гигантских размеров — одних только прицелов к снайперским винтовкам было изготовлено свыше 300 тысяч штук! В победном сорок пятом «Прогресс» был награжден орденом Ленина.

до станка, поэтому для меня сделали специальную подставку. И все три с половиной года я простояла на этой тумбе. И таких, как я, в цеху было немало. Трудились все день и ночь, были организованы удлинённые рабочие смены. Я знала, что, пока есть детали, домой не уйти. И все так работали. Замёрзшие, полуголодные, недосыпающие мы трудились, не щадя сил, порой засыпали здесь же, в цехе, чтобы чуть отдохнув, опять встать на рабочее место.

Целыми днями я стояла и подгоняла детали головки для миномета, а потом сдавала их на испытание. И горжусь тем, что брака у меня почти не было, всего 2–3 случая за все время. Не могу сказать, уставала я сильно или нет. Просто работала и все, знала, что тружусь на благо родины и победы. В выходные я трудилась в огороде. Если бы не картошка, которую я сама сажала, есть бы совсем нечего было. Нас хоть и кормили в столовой на заводе и выдавали хлебную карточку на 800 г, но все равно все мысли были о еде.

Мы жили на краю Омска, на самом берегу Иртыша, рядом с судоремонтным заводом. На работу и домой я ездила на трамвае-подкидыше. Обратная дорога была всегда опасной. До остановки приходилось ходить через густой парк института. Да не просто ходить, а бежать сломя голову, потому что орудовала в нем шайка бандитов. И каждый мой рабочий день на заводе мог стать последним. Вроде и военные действия

у нас не велись, а было хуже, чем на фронте! Меня спасала моя чуткость и реакция. Бывало, иду по темноте, ни о чем не думаю, только прислушиваюсь к звукам. И только услышу шорох из-за кустов — скорей бежать. Так меня и не поймали. А сколько людей не дожило по вине этих бандитов до победы, которую мы так ждали! Дни считали! Когда наши начали наступление, все говорили, что скоро победим. Всё ждали, когда война закончится, думали: «Скорей бы пришли наши вояки домой!». И дождались. Когда по радио объявили о конце войны, все ликовали! И работа закончилась сразу, к станкам никто не прикасался. Все засобирались назад в Ленинград. Переехала сюда вместе с заводом и я. Помню, ехали мы больше двух недель в 9 эшелоне, в теплушке, спали прямо на полу.

В Ленинграде поселили меня в общежитии на Охте, потом на Комсомола у завода «Арсенал». Я работала в цеху и одновременно со своими сотрудниками помогала восстанавливать разрушенный город.

Борис Николаевич ШЕЛОПУГИН

ЛЕТО 1944 НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

Мне хотелось бы осветить некоторые подробности боевых действий 2-го батареи II-й гвардейского отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона (ОЗАД) резерва Главного Командования, в которой я служил в должности командира дальномерного отделения.

Наш дивизион состоял из трех батарей четырехорудийного состава, на вооружении которых находились орудия калибра 85 мм, приборы управления зенитным огнем — ПУАЗО-3 и дальномеры ДЯ-1.

Как известно, наступление началось с авиационной и артиллерийской подготовки, продолжавшейся 9 и 10 июня. При артподготовке наш дивизион также вел стрельбу по наблюдательным пунктам противника. В то время дивизионом командовал майор Кочергин И.И., второй батареей — старший лейтенант Колесниченко С.П., огневым взводом — лейтенант Оганесов Георгий. В подчинении последнего, кроме орудийных расчетов, находились приборное отделение (командир — старший сержант Скородумов Николай Михайлович) и дальномерное отделение.

г. Ленинград. Здание Исаакиевского собора и вид Исаакиевской площади в Ленинграде в 1942 году.

Фото: Я. Бродский. Архив РИА Новости

В начале наступления в нашей зоне авиация противника не проявляла активности. Поскольку войска продвигались вперед, батарея ежедневно меняла позиции. На 4 или 5 день наступления, местоположение батареи точно не помню, авиация противника обнаружила себя тем, что истребитель Фокке-Вульф-190 три раза сжигал аэростаты наблюдения. Вскоре после этого был налет шести Ю-87 на позиции полевой артиллерии. Самолеты подошли на низкой высоте. Батарея открыла огонь, и один самолет был подбит.

Через какое-то время вторая батарея заняла позицию на станции Житково. Здесь имел место печальный факт: четыре самолета Ил-2 сбросили бомбы на свои войска — вероятно, потеряли ориентировку. Через две ночи после этого эпизода весь дивизион занял позиции недалеко от реки Вуоксы, в районе Барышева. После войны я был в этих местах и пытался определить точное местоположение наших позиций, но не мог сориентироваться. Да это и неудивительно, так как

во время боев нельзя было отлучаться с позиции даже на 100 метров. За время боев на р. Вуоксе батарея сменила пять позиций, а возможно, и шесть. Авиация противника здесь проявляла большую активность, особенно пикирующие бомбардировщики Ю-87. Две господствующие высоты на правом берегу реки, занятые нашими войсками, а позже и переправа являлись для них целями, подействовать на которые эффективно могли только самолеты Ю-87.

На другой же день после занятия батареей первой позиции в первой половине дня появились с северо-запада двенадцать самолетов Ю-87 на высоте порядка 3000 метров. По самолетам был открыт огонь «основным способом». Надо полагать, что кроме нашего дивизиона, там были и другие зенитные подразделения, которые тоже вели огонь. Примерно над позицией нашей батареи самолеты, делая разворот влево, стали по очереди входить в пикирование кильватерной колонной. Пикировали они в сторону Вуоксы. Во время пикирования наша батарея и, видимо, другие батареи вели огонь по пикирующим самолетам. При пикировании велся сопроводительный огонь, то есть наводка орудий велась по головному самолету с введением корректур на упреждения.

Угол между плоскостью стрельбы нашей батареи по пикирующим самолетам и плоскостью пикирования был близок к нулю. При таких условиях была наибольшая вероятность поражения самолетов, вследствие большой плоскости проекции самолета, перпендикулярной к траектории стрельбы.

К нашему сожалению, ни один самолет не был сбит ни при горизонтальном полете, ни при пикировании. Причиной неудачной стрельбы «основным способом» следует считать то, что самолеты маневрировали высотой и скоростью, и летели непрямолинейно, а при стрельбе по пикирующим самолетам ошибка в упреждениях была из-за наводки по головному самолету. Попадание в самолет при таком методе стрельбы могло быть только случайным.

Для меня этот налет и неудачная стрельба явились большим толчком к размышлению над тем, как повысить эффективность борьбы с самолетами. И в тот же день пришла мысль — ставить заградительный огонь на пикировании.

Не было сомнения в том, что в следующих налетах самолеты применят ту же тактику, раз это прошло для них безнаказанно, тем более что бомбометание по малым целям наиболее эффективно при пикировании кильватерной колонной. Было целесообразно ставить заградительный огонь значительно ниже начальной точки пикирования, чтобы большее число самолетов втянулось в пики. И тогда они уже не имели возможности отклониться от линии пикирования, даже если видели перед собой разрывы снарядов. Соображениями о постановке заградительного огня по пикирующим самолетам я поделился со старшим сержантом Скородумовым Н.М., и мы вместе с ним пошли и изложили эту идею лейтенанту Г. Оганесову. Он принял это предложение.

Исходя из условий предыдущего налета, договорились, до какой высоты сопровождать огнем по первому самолету, и дальше уже стрелять в эту точку, устанавливая постоянную трубку для данной наклонной дальности и высоты или угла места цели. На дальноте установили телефон и сформулировали команду. Как только высота головного самолета окажется равной запланированной, по телефону непосредственно на орудия передавать команду «заградительный наклонная (например) две восемьсот».

Обычно дальномер и прибор расположены вблизи командного пункта командира батареи, но на этой позиции, возможно, было не так. О новом методе стрельбы с комбатом разговора не было. Вероятно, у него на стрельбу просил разрешение лейтенант Оганесов.

Противник не заставил себя долго ждать. Не помню точно, в тот же или на другой день, только тем же курсом прилетела группа из 12 самолетов Ю-87. Стрельба «основным способом» была безрезультатна. Когда же стали стрелять по пикирующим и потом поставили заградительный огонь, как намечали, то сбили четыре самолета. Радость, конечно, была велика. Некоторые самолеты падали с отбитыми крыльями, следовательно, были прямые попадания.

С Вуоксы мы уехали 23 июля. Вероятно, мы там пробыли недели 2,5–3. За это время я помню 5 налетов Ю-87. В отражении одного из них батарея не участвовала, так как меняла позицию. Запомнились два налета двухмоторных бомбардировщиков, в большинстве Бристоль-Блен-

Аэростаты на Невском проспекте в Ленинграде.

Фото: Анатолий Гаранин. 09.10.1941. Архив РИА Новости

хейм. Бомбили рассредоточенно, каждый по своей цели, причем, один налет был ночной. Вторая стрельба заградительным огнем на пикировании Ю-87 не оправдала наши ожидания — не было сбито ни одного самолета. Причиной явилось то, что уменьшилась вероятность попадания, так как угол между плоскостью пикирования и плоскостью стрельбы был близок к прямому. В этом случае ошибки в угле места цели уводили разрывы с линии пикирования. В то время, как при первой стрельбе по новому способу этот угол был близок к нулю и ошибка на угле места цели не влияла на точность стрельбы. Поскольку пикирующие самолеты мелькали в прицеле, наводчик всегда мог исправить азимут.

Батарея заняла позицию: впереди река, слева — дорога к реке в 150–200 м от приборов ПУАЗО и дальномера, у дороги отдельный домик, справа — 200 м холм, сзади 100–150 м отдельный домик. Кажется, контора пароходства.

Прошло, видимо, несколько дней, а Ю-87 не появ-

лялись. Стоял теплый ясный день, но были кучевые облака. Примерно в 2 часа дня к домику, что сзади батареи, подъехала лошадь с кухней. В это время появилось большое количество двухмоторных самолетов Бристоль-Бленхейм, рассредоточенных в пространстве, и начали бомбить. Наша батарея открыла стрельбу, стрелять пришлось по одиночным самолетам и часто переносить огонь. Самолеты не сбили, на батарею бомбы не попали, а домик у дороги и домик с кухней исчезли.

В дальномерное отделение, кроме меня, входили стереоскопист Бекиров С.М. и наводчики — девушки Чернова А. и Тюрякова К.

Только что кончился налет. Все возбуждены. Правда, радоваться было нечему, так как не сбили ни одного самолета, но всякий бой вызывает возбуждение. Старшина Шевченко Н. доложил комбату: кухня цела и можно приступать к обеду. Конечно, при любых условиях разведчики, дальномерщики и прибористы не ослабляли внимания за воз-

духом. Чернова А. замечает группу Ю-87, как впоследствии оказалось из 18 машин, которые вываливались из-за кучевого облака. Как видно, тактика первых самолетов была подавить или отвлечь батарею. Цель сразу же была поймана и была открыта стрельба по пикирующим самолетам с наводкой по ведущему, а потом перешли на заградительный огонь. Условия стрельбы заградительным огнем были благоприятные, то есть угол между плоскостью стрельбы и плоскостью пикирования был мал. Из 18 самолетов было сбито шесть. Вскоре приехал на батарею майор Кочергин и поблагодарил за стрельбу.

С этой позиции батарея переехала на другую, и больше над переправой за время нашего пребывания не появлялись пикирующие самолеты. Были попытки бомбить переправу парой ФВ-190.

Вскоре мы уехали под Нарву. Там мне пришлось наблюдать налет Ю-87 на наши войска на большой дальности от нас. Интересно отметить, что самолеты пикировали на цель с разных сторон. Возможно, это были уцелевшие самолеты из Финляндии. Последний раз батареи стреляли под Нарвой по «раме» (ФВ-189, разведывательный самолет), и больше нам уже не пришлось стрелять по самолетам противника.

Дивизион с сентября 1944 года стоял в г. Тарту. В начале 1945-го я был переведен со второй батареи на третью, и в октябре 1945 демобилизовался. Как потом я узнал от сослуживцев, дивизион был расформирован.

В боевом уставе зенитной артиллерии Красной армии (часть I, книга I, подписано к печати 17/X-44 г.) изложены методы постановки заградительного огня по пикирующим самолетам, но они отличаются в некоторой степени от тех, которые мы применяли летом 1944-го.

Осенью 1944-го во время командировки в Ленинград для ремонта дальномера я пытался в ЛВО попасть на прием к генералу Прохорову и изложить методы стрельбы, применяемые нами на Вуоксе. Но его помощники — майоры (не помню их фамилий) — посчитали предложение нецелесообразным и не доложили генералу. Насколько они далеки были от действительных условий, можно судить по их возражению против

телефонной связи дальногомера с орудиями под тем предлогом, что связь может быть перебита. Однако каждому сведущему человеку известно — на батареях синхронная и телефонная связь проложена в траншеях.

В сентябре 1941 года 141-й ОЗАД, вооруженный орудиями калибра 76 мм, занимал позиции в районе Петергофа и Ораниенбаума. В то время происходили массированные налеты пикирующих бомбардировщиков на корабли на Кронштадтском рейде, и потери от зенитного огня вражеская авиация имела незначительные.

Все, что здесь изложено, видимо, не имеет никакого прикладного значения в борьбе с современной авиацией, даже в зенитной артиллерии. Однако всегда полезно изучать и анализировать прошлые успехи и неудачи, чтобы, по возможности, избежать их повторения. Если бы в свое время дивизионное начальство приняло зависящие от него меры к изучению, обобщению и распространению опыта стрельбы заградительным огнем по пикирующим самолетам, это могло бы принести большую пользу. К сожалению, подчас бывает так, что люди, совершив ошибки, не подозревают об этом. Так, видимо, было и в этом случае.

Таисия Константиновна и Владимир Петрович ЯКУРИНЫ

Таисия Константиновна

Во время войны я училась в школе № 9 Володарского района (ныне школа № 338 Невского района). В войну ее переоборудовали под госпиталь, и для нас — младших школьников — выделили детский сад. В нем мы и учились.

С октября 1941 по февраль 1944 года я работала в совхозе «Красный октябрь» на подсобных хозяйствах при пятой ГЭС. Недалеко от этого места проходила линия фронта. Был организован рабочий пионерский отряд, в котором я была

командиром. Мы находились на казарменном положении, так что и спали, и питались на рабочем месте.

Казалось бы, какая сельскохозяйственная работа может быть в октябре? А ее было предостаточно. Мы срочно закладывали в бункера то, что убиралось с полей. Перебирали и складывали в запасы картошку, капусту. Было очень холодно, руки краснели и покрывались цыпками. Когда эти работы закончились, мы снова стали учиться. Но учебы практически не было — постоянные бомбежки, голод... Можно сказать, занимались мы в полутемных бомбоубежищах, освещенных «летучими мышами» — так мы называли керосиновые лампы. И все равно мы чему-то учились.

Весной занимались посевными работами. Однажды, когда мы выращивали турнепс, произошел неприятный инцидент. Тогда мы были очень голодными, но овощи, которые выращивали, трогать не смели. Как-то наш бригадир сказал: «Можете взять немного, поесть». Мы обрадовались, стали кушать, а наевшись, стали кидаться турнепсом друг в друга. Потом спохватились: что же мы наделали? И решили ботву закапать обратно в грядки, чтобы скрыть свой поступок. Пришел бригадир, построил нас и сказал: «А теперь полюбуйте на свою работу». Мы посмотрели: вся ботва разбросана, овощи валяются. Я пришла домой, рассказала маме о случившемся. Она расстроилась и сказала: «Доченька, я всегда считала, что ты у меня честный и хороший человек. А ты, оказывается, предатель». Я говорю: «Мамочка, да кого ж я предала?» А она отвечает: «Родину. Ты же командир отряда. Как ты могла допустить такое? Ведь это все отправляется на фронт!» Было это в 1943 году. А 24 мая 1944 года я получала медаль «За оборону Ленинграда», как и все ученики. В моем личном деле, в графе «Краткая характеристика» указано: «Хорошие показатели на сельскохозяйственных работах в подсобных хозяйствах района». Но во время вручения медали в райкоме получить награду я отказалась. Когда меня вызвали как командира, я сказала, что получать ее не имею права. Меня спросили: «Почему?» Я ответила: «Потому что я предатель» — и рассказала эту историю. Тогда вышел

секретарь райкома, обнял меня прижал к себе, и говорит: «Девочка, ты заслужила медаль. По праву заслужила!»

Когда в совхозе работы не было, после учебы мы ходили в нашу школу, переоборудованную под госпиталь, ухаживать за ранеными. Там мы, по сути, выполняли обязанности санитарок: читали солдатам письма и книги, подавали судна, убирали, стирали и отглаживали бинты... В общем, делали все, что попросят. Еще мы давали концерты, пели в хоре, ставили различные физкультурные номера.

В 1944-м, когда я была в 5 классе, нас отправили учиться в другую школу. Мы успели посетить всего несколько занятий, и ее разбомбили. Тогда нас перевели в школу напротив завода «Большевик». Это место очень сильно обстреливалось, поэтому учиться приходилось в бомбоубежищах.

Однажды произошел такой случай: мы с моей подругой Тоней в самом начале обстрела убежали, из школы. Я

На улице Ленинграда после налета фашистской авиации.

Фото: Борис Кудояров. Архив РИА Новости

была очень испугана, да что говорить, не я одна... Когда мы бежали, пули свистели со всех сторон. А около «Большевика» стоял двухэтажный госпиталь. И со второго этажа этого госпиталя все почему-то начали выпрыгивать. Сломая голову мы с Тоней бежали перепрыгивая через раненых. Возле них уже были санитарки, молоденькие девушки. Они раскладывали носилки, здесь же перебинтовывали раненых и уносили в укрытие. Такие смелые девочки были!

Позже нас перевели в другую школу, где обстрелов было поменьше. Там я, наконец, окончила 5 классов. Было мне тогда уже 14 лет. И это понятно, ведь первые два года войны были для нас, можно сказать, потеряны.

Питались мы, конечно, очень плохо. Обои тогда были не на клею, а на муке, и мы их варили — хоть какой-то бульон. Зимой, во время учебы, я получала 125 граммов хлеба. Половину этого кусочка я кипятила в миске с водой на «буржуйке» — получался суп, с которым я съедала вторую

Блокадный хлеб и хлебные карточки времен Великой Отечественной войны в музее истории хлебопечения.

Фото: Алексей Варфоломеев. Архив РИА Новости.

половинку. Мама как рабочий получала 250 граммов. Половину она съедала на работе, а другую приносила, чтобы разделить со мной.

У нас была печка-буржуйка с трубой, выведенной на улицу. Однажды мама кипятила воду, чтобы попить чаю, как вдруг раздался стук в дверь.

«Можно войти?» — заходит молодая женщина, прилично одетая, интеллигентная. — «Простите меня, пожалуйста. Я увидела дымок, можно у вас кипятка попросить?»

«Садитесь. Чайку попейте», — говорит мама. И делит наш хлеб на три части.

«Нет-нет, что Вы. Мне только воды горяченькой, больше ничего. У вас же ребенок», — отвечает женщина.

«От этого не умрем», — говорит мама.

Женщина села, съела этот малюсенький кусочек (да там и хлеба-то почти не было), попила чай, поблагодарила и ушла.

«Мама, зачем ты отдала наш кусок хлеба?» — спросила я.

А она ответила: «Доченька, может быть, мы этому человеку спасли жизнь. Надо не брать от людей, а отдавать. Запомни это на всю жизнь. Тогда тебе всегда будет хорошо: и совесть чиста, и жить хорошо».

Вот такая история. И такое бывало не только у нас. В то время все друг друга поддерживали, помогали, как могли.

Самым долгожданным событием для нас был, конечно же, прорыв блокады. Сейчас каждый год 27 января отмечается праздник — День полного снятия блокады Ленинграда. А тогда для нас самым значимым днем стал 18 января. Когда по радио передали: «Прорыв блокады!», все почему-то выскочили на улицу. Вот сейчас я вспоминаю, это было что-то страшное. Все обнимаются, целуются, прыгают, некоторые плачут, падают на землю... Мы и до этого были уверены, что победим, но после прорыва уже точно стало ясно: каюк этому Гитлеру!

Владимир Петрович

Я прожил в Ленинграде всю жизнь. И блокаду пережил здесь. В самом начале войны, 22 июня 1941 года, моих родителей — мать и отца — забрали в армию. Помню, как я остался один на улице. Но потом приехала моя тетьа, которая работала проводником. Она часто бывала в отъездах, и поэтому спустя некоторое время отвезла меня к моей второй тете, с которой я и прожил всю блокаду. Она работала в яслях. Я помогал ей иногда по работе, потому, наверное, и выжил — в яслях

мне удавалось питаться. А вот мой дед и двоюродный брат Коленька умерли от голода во время блокадных дней...

Посвящается 65-й годовщине Великой Победы

Мы чествуем сегодня ветеранов.
Кто жизнью не щадил за свой народ!
Кто презирая голод, холод, раны,
Шел сквозь огонь, за Родину, вперед!
Кто, проливая кровь, с врагами дрался.
Кто изгоняя горе и беду,
Настойчиво Победы добивался
И победил фашистскую Орду.
Вам, всем бойцам великого сраженья,
Участникам всех памятных побед,
Солдатам партизанского движенья,
Земной поклон и пламенный привет!
А тем, кто не дожил до дней счастливых.
Тем, кто в сраженьях смертью храбрых пал,
Кто не дошел немного до Берлина
И о победе даже не узнал,
Вам, жертвам лет тех трудных и суровых,
Кто отдал жизнь за Родину в боях,
Всем память вечная в сердцах народных!
И слава прогремит о вас в веках!
А миру — мир! То не слова пустые,
Сегодня через шестьдесят пять лет
Торжественно гремит у нас в России
Салют в честь знаменательных побед!
И чествует страна своих героев.
Что миру — мир сумели отстоять,
И нынче продолжают в буднях строек
Народу МИР и СЧАСТЬЕ создавать!
Нам нужен мир — и мы его построим!
А реваншистам надо твердо знать:
Мы никому на свете не позволим
Пожар войны нам снова навязать!

В.П. Якурин

ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Рассказ об ударном и героическом подвиге наших тружеников тыла был бы неполным, если бы мы не рассказали о деятельности заводов и оборонных предприятий блокадного Ленинграда во время Великой Отечественной войны.

Заводы, о которых пойдет речь, и сейчас находятся на территории муниципального образования Финляндский округ. Таких заводов совсем немного, но они внесли свою существенную лепту в общее дело разгрома фашистских захватчиков не только во время блокады Ленинграда, но и для достижения успеха на других фронтах. Это связано с тем, что продукция ленинградских заводов шла для обеспечения войск всей армии и флота.

С началом блокады Ленинград превратился в гигантский город-фронт. Руководство города быстро перевело промышленные предприятия на военные рельсы. Достаточно сказать, что более сотни заводов начали выпуск боеприпасов, 60 предприятий изготавливали артиллерийские орудия различных калибров, и более ста двадцати — минометы. Было организовано производство знаменитых реактивных установок «Катюша».

Чтобы оценить масштабы военного производства в городе, достаточно упомянуть о том, что только во втором полугодии 1941 года, а ноябрь и декабрь были одними из самых напряженных месяцев блокады, предприятия города поставили фронту более семисот танков, трех тысяч орудий и минометов, трех миллионов снарядов и мин. Кроме того, было выпущено и отремонтировано огромное количество иной военной техники, вооружения и снаряжения.

И это все при том, что значительные производственные мощности некоторых заводов были эвакуированы на восток, а оставшиеся продолжали работать в тяжелейших условиях бомбежек и артолетов блокады!

Так случилось, что из блокадного города не успели вывести запланированную часть производствен-

Баррикады на улицах города.

Фото: Аркадий Шайхет. Архив РИА Новости

ных мощностей государственного оптико-механического завода (ГОМЗ). С 1962 года это предприятие называется **«Ленинградское оптико-механическое объединение»** (ЛОМО). Функционирование этого предприятия имело огромное значение для армии и флота, так как на нем выпускались в первую очередь прицелы и оптические приборы, без которых невозможно было оснастить танки, пушки, самолеты и корабли.

Пустив в производство оставшиеся запасы сырья и детали незавершенного ранее производства, ГОМЗ наладил изготовление морских перископов, оптических приборов для артиллерии, авиации и приборов наблюдения для сухопутных сил.

Резервы завода использовались на полную мощность. Незанятые производственные мощности перепрофилировали для изготовления огнестрельного оружия, винтовок, штыков и гранат. Помимо выпуска военной продукции рабочие завода принимали участие в маскировке важнейших

объектов города и кораблей Балтийского флота, вставших на рейде у города.

В целом промышленность Ленинграда справлялась с ускоренной программой выпуска продукции военного назначения. В начале войны резко возросла потребность войск в артиллерийских орудиях, в первую очередь в противотанковой артиллерии. Это и понятно, ведь противник массово использовал танковые и моторизованные части.

И вот осенью 1941 года на заводе № 7 имени М.В. Фрунзе — таково было название «**Арсенала**» с 1940-го, было развернуто производство 45-мм противотанковых пушек.

В соответствии с изначальным замыслом изготовление этих противотанковых орудий должно было производиться путем модификации установок ДОТ-4, по 10 орудий в день. Но создать эффективно работающее производство в военных условиях оказалось не так просто. Не хватало сырья, рабочих рук и необходимого оборудования. И все-таки выпуск и ремонт этих необходимых фронту орудий был налажен.

В первые месяцы войны эта маленькая пушечка, которую потом солдаты прозвали легендарной сорокапяткой, хорошо зарекомендовала себя в борьбе против фашистских танков и самоходных орудий.

Бывало, что на завод привозили разбитые орудия, иногда все в крови. Рабочим завода приходилось из 2—3 разбитых пушек собирать одну и отправлять ее на фронт.

Часто специалисты завода выезжали на передовую и там, на месте, выверяли и ремонтировали орудия. Иногда это происходило с риском для жизни, на поле боя под обстрелом врага.

Несмотря на то что рабочие и сотрудники завода имели так называемую «бронь», после знаменитого выступления И.В. Сталина 3 июля 1941-го по радио тысяча рабочих завода написали заявления с просьбой направить их на фронт. Всех отправить в действующую армию было невозможно, так как на предприятии нужны были специалисты по выпуску артиллерийских орудий, поэтому шел тщательный отбор.

Осенью 1941 года было принято решение об эвакуации части оборудования и персонала «Арсенала» в город Омск. Станки грузили прямо на платформы, которые паровоз подтягивал по железнодорожной ветке, проходившей прямо по территории завода.

В первую очередь эвакуировали самое ценное для производства оборудование. Например, литейный цех погрузил на платформу трехтонную электропечь. Эта печь поступила на завод в 1940-м и позволяла заводу производить все литье своими силами.

«Арсеналу» удалось отправить на восток два эшелона. Третьему пришлось вернуться назад. Немцы взяли Мгу и перекрыли железнодорожное сообщение с большой землей. Объем выпуска продукции снижать было нельзя, поэтому для оставшихся на заводе работников ввели 11-часовой рабочий день.

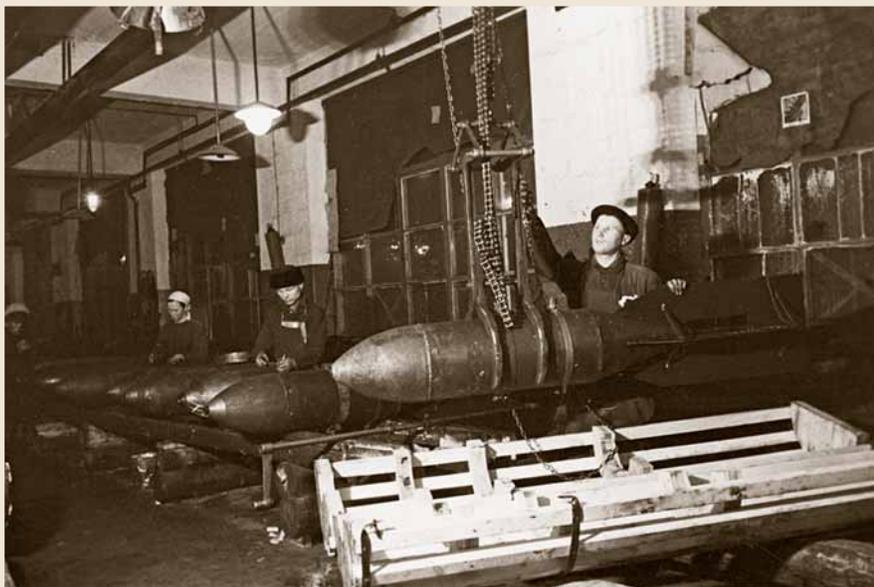
Первые фашистские бомбы посыпались на завод 28 сентября 1941-го. В результате первого же авиационного налета рухнула котельная, пострадали здания многих цехов. Однако завод продолжал работать и давать фронту военную продукцию. И самое интересное — продукция из осажденного города отправлялась не только на Ленинградский, но и на другие фронты.

Осенью 1941-го артиллерийские орудия, выпущенные на «Арсенале», вывозили в Москву. Там сложилась очень тяжелая ситуация: немцы рвались к столице, и нашим войскам не хватало оружия и боеприпасов.

«Арсенал» отправлял свои артиллерийские орудия вначале самолетами с аэродромов Ржевского и Комендантского. Затем был налажен другой маршрут по знаменитой ледовой дороге — Дороге жизни. Работникам завода, обессиленным от голода и холода, приходилось грузить тяжелое вооружение практически вручную.

Отметим, что именно на базе завода «Арсенал» открылся первый в блокадном городе стационар для дистрофиков. Множество жителей блокадного города остались в живых, именно благодаря его работе.

Руководством завода принимались все возможные меры, для того, чтобы снабдить своих работников продовольствием в максимально возможных масштабах. Специально для этого организовали две бригады рыбаков. Вооружен-

Производство авиабомб на одном из военных заводов.

Фото: Александр Устинов. Архив РИА Новости

ные произведенным на заводе снаряжением, они выезжали в совхоз Всеволожского района. Улов делился на весь персонал. Те из сотрудников, кто выезжал на передовую, привозили мясо убитых лошадей — конину, и она тоже делилась на всех.

Все эти меры помогли избежать множества голодных смертей.

В условиях блокады, нехватки рабочих рук и оборудования на заводе начался выпуск панцирной защиты. По заданию командования Ленинградского фронта, конструкторы завода создали один из первых бронежилетов для саперов и штурмовиков сухопутных войск. Более десяти тысяч таких «рыцарских» доспехов были посланы фронту. Многим бойцам они спасли жизнь.

Рабочие, пережившие страшную зиму 1941—1942 годов, в марте 1942-го вышли на субботник по уборке снега и льда. Точно известно, что они очищали от снега участок по улице Комсомола от Финляндского вокзала до завода имени Свердлова по Кондратьевскому проспекту, а также до набережной реки Невы по Арсенальной улице.

Заканчивая рассказ об «Арсенале», подчеркнем, что в годы Великой Отечественной войны завод не только продолжал бесперебойно работать, но и освоил производство лучшего, по тем временам, 100-миллиметрового противотанкового орудия БС-3. Это артиллерийское орудие, прозванное на фронте «Зверобоем», пробивало с одного выстрела тяжелые и хорошо бронированные фашистские «Тигры» и «Фердинанды». Совместно с другими предприятиями завод принимал участие в выпуске знаменитых реактивных установок «Катюша».

Помимо выполнения отдельных заказов Ленинградского фронта, на заводе наладили производство трех новых видов вооружения: ручных пулеметов ДП (Дегтярёв Пехотный), защитных панцирей для личного состава армии и флота и полковых минометов ПМ-120.

Схожа и интересна судьба **Ленинградского металлического завода**, носившего в тот период имя И.В. Сталина. К началу войны он считался современным, быстро растущим и развивающимся предприятием. На нем работало около десяти тысяч человек и он являлся основным производителем энергетических агрегатов в стране.

Война в один день изменила все. Три с лишним тысячи рабочих и инженеров ушли на фронт, из них 1600 — добровольцами. Еще 1300 работников ЛМЗ и около 400 воспитанников ремесленного училища отправились на строительство оборонительных сооружений и рытье окопов.

В короткие сроки на ЛМЗ началось производство оборонной продукции. Завод освоил изготовление более двух десятков различных видов вооружения и боеприпасов. Делали корпуса для снарядов, люльки для полевых орудий, «финские» ножи, винтовочные штыки и даже отдельные узлы и агрегаты танков.

Начался ремонт танков. Сначала танки ремонтировали непосредственно на боевых позициях, а с февраля 1942 года для этой цели специально переоборудовали заводские цеха. За всю войну работники ЛМЗ отремонтировали более четырехсот танков.

Точно известно, что из шести с половиной тысяч оставшихся на заводе рабочих и инженеров за годы блокады, с сентября 1941 года по январь 1944 года, погибло

от фашистских снарядов и бомб, умерло от голода более трех тысяч человек.

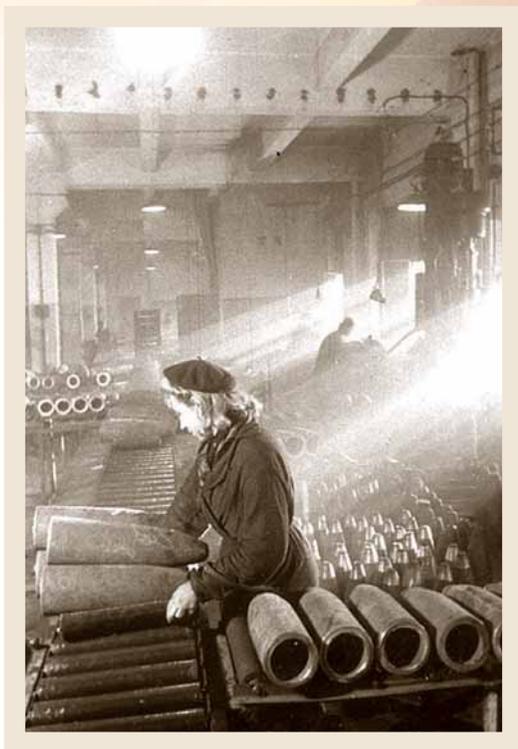
Завершая рассказ о заводах, необходимо упомянуть и о судьбе основанного в 1922 году **«Красного выборжца»**. Во время Великой Отечественной войны основное оборудование этого завода и часть специалистов, рабочих вывезли на Урал, где организовали выпуск цветного проката для предприятий оборонной промышленности.

Посудное производство работало для нужд Ленинградского фронта — изготавливало солдатские котелки и фляги. Оставшаяся незначительная часть оборудования использовалась для изготовления заготовок стволов для миномётов. В труднейших условиях завод изготовил детали, из которых был сделан кабель, проложенный затем по дну Ладожского озера для передачи электроэнергии с Волховской ГЭС в осаждённый Ленинград.

Много сотрудников завода ушли на фронт, а те кто остался на заводе днями не выходили из цехов и делали все для Победы.

Подводя итог, хочется сказать, что с момента Победы в Великой Отечественной войне прошло почти семь десятков лет. Но мы храним и должны дальше хранить память о героической борьбе тружеников тыла, об их большом вкладе в общее дело разгрома нацизма.

Ведь если бы не они, то Красная армия нашей страны осталась без патронов и винтовок, самолетов, танков, снарядов и пушек.

Заводы города и работники, трудящиеся на них во время войны, безусловно, заслуживают не меньших почестей, чем фронтовики воевавшие на передовой. Ведь если бы не их самоотверженный труд, то не было бы ни армии, ни флота, а громадный людской ресурс безжалостно перемалывался в мясорубке гигантских сражений.

Чтобы ни говорили и ни писали о нашей военной технике, но именно наши самолеты захватили небо над Берлином, наши танки своим ходом прошли почти половину Европы и наш солдат с нашим оружием разгромил врага!

Исход многих сражений решался благодаря своевременно доставленным на передовую боеприпасам и снарядам из тыла. Но часто сами заводы, такие как легендарный тракторный завод Сталинграда, предприятия Тулы или Кировский завод Ленинграда оказывались частью фронта! Передовая проходила по заводской территории.

Чего стоило под бомбежками и артиллерийскими обстрелами, в голод и холод беспрерывно трудиться

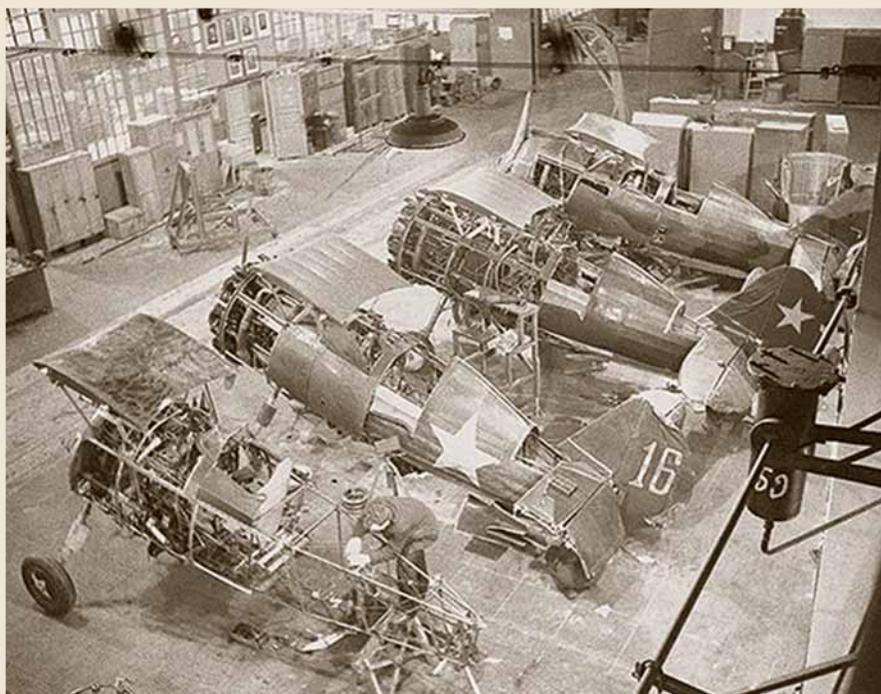
у станка, доменной печи, конвейера... И ведь работали тогда и женщины, и дети, и подростки!

Так давайте же помнить и любить историю своей страны! И если не мы — молодежь, будем интересоваться нашей историей, нашей уникальностью, присущей только России и российскому народу, то кто, кроме нас, сможет рассказать потомкам о ней?

13 января 2012 года исполнился 1 год муниципальному музею, который был признан лучшим муниципальным музеем города в 2011 году. В его экспозиции есть не только экспонаты с полей сражений, найденные поисковиками, но и блокадные экспонаты. Так, есть кусочек столярного клея, которым был награжден рабочий завода «Арсенал» и ещё литром машинного масла, за ударный труд. Имеется книга «Хижина дяди Тома», пережившая блокаду, блокадные спички и, конечно же, кусочек блокадного хлеба.

1418 дней и ночей продолжалась Великая Отечественная война. Путь к Победе был тяжелым и долгим. Большой вклад в дело борьбы с фашистскими захватчиками и в восстанов-

ление страны в послевоенные годы внесли труженики тыла, ветераны труда, среди которых немало жителей нашего округа.

В их числе члены общественной организации муниципального образования Финляндский округ «Совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов»:

Анна Александровна ПОРУЧИКОВА (1926 г. р.)

С июня 1944 года работала на заводе «Арсенал» в литейном цеху. До 1944 года трудилась в совхозе Вологодской области.

Ольга Федоровна ЧАВКИНА (1927 г. р.)

До июня 1944 года работала в колхозе Вологодской области, откуда райкомом комсомола направлена в город Ленинград на завод «Арсенал», где и проработала до пенсии в литейном цеху.

Наталья Павловна АНТОНОВА (1925 г. р.)

Во время войны работала на Урале на Московском заводе рабочих. Затем была мобилизована в 1945 году в Ленинград на завод «Арсенал», где трудилась до пенсии.

Надежда Ивановна ЗАХАРЕНКОВА (1926 г. р.)

До 1944 года работала в колхозе, затем в начале 1945-го была мобилизована в Ленинград на завод «Арсенал».

Владимир Михайлович МОРДВИН (1920 г. р.)

До 1941 года работал на заводе «Арсенал» токарем. В 1941 году вместе с частью заводом был эвакуирован в город Красноярск. В 1946 году с заводом вернулся в родной Ленинград, где и отработал до пенсии токарем.

Вера Ивановна ПРИВАЛИХИНА (1924 г. р.)

До войны жила в Ленинграде. В июле 1941-го эвакуировалась с родителями в город Свердловск. С 1942 года работала на Свердловском химическом заводе. В 1945-м вернулась в Ленинград, работала в НИИ «Полимер» лаборантом до пенсии и после нее.

Мария Николаевна ДУДНИКОВА (1925 г. р.)

Во время войны, с 1941 по 1945 гг., работала на окопах в Костромской области.

Ксения Александровна АЛЕКСАНДРОВА (1926 г. р.)

Во время войны, с 1942 по 1943 год, работала на ремонте дорог в Великолукской, Калининской, Горьковской областях. С 1943 по 1945 годы — на комсомольской работе.

Клавдия Ивановна НИКУЛИНА (1928 г.р.)

В годы войны работала в колхозе в Архангельской области. В 1945 вернулась в Ленинград, работала на Гидролизном заводе им. Кирова.

Петр Николаевич ТИМОФЕЕВ (1927 г. р.)

В 1942 году эвакуирован в Омскую область, там же работал с 1943 по 1945 годы прицепщиком. После войны работал на заводе «Арсенал» электромонтером.

Ираида Викторовна ПЕТРОВА (1928 г. р.)

В годы войны в Сибири работала телефонисткой, там же в 1944 году перешла работать на военный завод.

*Председатель Молодежного совета
муниципального образования*

Финляндский округ

Сергей Прокопьев,

член Молодежного совета

Андрей Чистяков

Содержание

АБРАМСОН Виктор Федорович	5
АЛЕКСАНДРОВА Анна Васильевна	8
АНТИПЕНКОВА Марина Дмитриевна	13
АНТОНОВА Ольга Владимировна	21
БАГРОВА Наталья Юрьевна	23
БАЙКОВА Алефтина Николаевна	35
БАРАНОВА Вера Васильевна	38
ВИХРОВ Анатолий Федорович	45
ВОРОНИНА Тамара Федоровна	47
ГАМЕЗА Раиса Лавровна	49
ГЕРАСИМОВА Марина Афанасьевна	51
ГОРБАЧЕВ Владимир Иванович	56
ГОРБУНОВ Лев Глебович	62
ГРИГОРЬЕВА Ольга Ивановна	71
ДМИТРИЕВ Виктор Дмитриевич	74
ДЯДЫК Раиса Андреевна	78
ЕГИН Евгений Данилович	83
ЗАВЕЩЕВСКИЙ Василий Григорьевич	95
ЗАЙЦЕВА Евдокия Ивановна	97
ИВАНОВА Ольга Николаевна	99
ИЗОТОВ Игорь Николаевич	102
ИЗОТОВА Галина Болеславовна	105
КАЛИНИН Александр Матвеевич	113
КАРАВАЕВА Маргарита Васильевна	123
КРИВОШАПКИН Аркадий Алексеевич	125
ЛАЛЕТИНА Клавдия Емельяновна	132
МИРОШНЕКОВА Нина Алексеевна	135

МОНАХОВА Тамара Григорьевна	138
МОРОЗОВА Нина Васильевна.....	140
МОРСОВА Оксана Федоровна	142
МУХИНА Лена Васильевна	145
НАЗИНА Вера Ивановна	147
НЕТЕСА Галина Александровна	157
НИКИТИНА Александра Ивановна	162
ПЕРЕШИВКИНА Наталья Алексеевна.....	168
ПЕТУХОВА Нина Васильевна	170
ПОТИХА Вячеслав Павлович	173
ПРОКОПЬЕВА Александра Ивановна	177
РОМЕНСКАЯ Наталия Владимировна	182
САДОФЬЕВА Екатерина Тихоновна	187
САМСОНОВА Нина Михайловна	191
СЕМЕНОВ Михаил Иванович	194
СИДЛЕР Нина Александровна.....	200
СНИТ Лидия Федоровна	203
ТАРАКАНОВА Нина Яковлевна	205
ТВОРОГОВА Валентина Павловна	207
ХОДАКОВА Нина Андреевна	215
ЦЫКИНА Лилия Владимировна	219
ЧЕРНОВА Валентина Константиновна	223
ШЕЛОПУГИН Борис Николаевич	226
ЯКУРИНЫ Таисия Константиновна и Владимир Петрович	234
Всё для фронта! Всё для победы!	241

*Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга
муниципального округа Финляндский округ*

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 3. Всё для фронта! Всё для победы!

При оформлении книги использовались материалы из личных архивов участников Великой Отечественной войны, жителей блокадного Ленинграда и труженников тыла.
Чуйков В.И., Рябов В.С. Великая Отечественная. Фотоальбом.
Москва: Планета, 1985.

ООО «Атика»

Дизайн обложки – Л.Л. Грабарь

Верстка – И.Н. Быков

Корректор – М.Л. Водолазова

Бумага мелованная.

Формат 70×100 1/16. Тираж 1200 экз.

Заказчик: Местная администрация муниципального образования
Финляндский округ.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Береста».

Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28.

Часть 3. Всё для фронта! Всё для победы!